

ЛАРДЕНГРОД

ОЛЬДЕР САЛАЗАР

16+

Ольдер Салазар
Ларденгрод

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Салазар О.

Ларденгрод / О. Салазар — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98815-6

Давно миновала эпоха Трех Королевств и для народа гномов настал период упадка. Падение могучего государства Берегонд сломило многих его выживших жителей, но среди них были и те, кто восстал против злого рока. Ульфредин Камнебород — третий тан Берегонда - поклялся найти новый дом для всех гномов, готовых последовать за ним. Дорога была тяжелой и опасной. Сотни невзгод пришлось преодолеть подгорному народу. Земли Глухомани остались позади, но путь их продолжался. Туда, где среди высоких гор владычествуют снежные метели. Туда, где угасающей искрой теплилась надежда гномов на лучшую жизнь...

ISBN 978-5-532-98815-6

© Салазар О., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Остролиственные Доли	5
Глава 2. Холодный прием	21
Глава 3. Небесные всадники	41
Глава 4. Клинок и Знамя	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольдер Салазар

Ларденград

Часть первая

Глава 1. Остролиственные Доли

Колеса телег медленно катились вперед, увязая в глубоком слое грязи. Огромный караван растянулся на милю вдоль тракта, пересекающего массивы диких лесов Глухомани. Колонна насчитывала сто двадцать семь груженных повозок и почти две тысячи гномов – мужчин, женщин и детей. В течение последнего месяца, не прекращаясь, шли проливные дожди. Дорога была размыта, припасы промокли, охотиться стало труднее, и настроение путников портилось все больше.

Задержка в пути привела к тому, что запасы питьевой воды закончились гораздо раньше, чем рассчитывали гномы. По каравану уже пошел ропот, когда из авангарда вернулись разведчики с вестью о том, что нашли источник. Он находился в чаще леса, к западу от тракта. Выложенная каменными плитами поляна окружала древний и большой колодец. Стены его были сложены из массивных блоков белого с черными прожилками мрамора. Подгонка их казалась идеальной, и гномы долго и шумно восхищались работой неизвестных мастеров. Сверху колодец был защищен от дождя и опадавшей листвы таким же мраморным куполом, выкрашенным изнутри в цвет летнего безоблачного неба.

Дождь закончился, и с севера, разгоняя черные тучи, подул свежий мягкий ветерок, словно посланный самим королевством Алтарес, дабы гостеприимно встретить гномов в своих владениях.

Привал длился четыре дня. Пока гномы приводили в порядок себя и пони, чинили телеги и пополняли запасы, их предводитель, тан Ульфредин, обследовал окрестности с разведчиками. Полтора дня они двигались на восток. Обогнув границу обширного соснового леса, разведчики прошли вдоль глубоких расселин в земле, гадая, что за сила могла породить такие разрушения.

Вскоре лес по обе стороны пути сомкнулся перед их небольшим отрядом, и под самой стеной величественных сосен Скорвид – так звали мастера скаутов – обнаружил небольшую насыпь с каменным дверным проемом. Стены, выполненные из того же мрамора, что и колодец, густо поросли плющом. Сквозь каменные плиты перед входом торчали пучки сухой травы и мелкие корявые деревца. Мраморная дверь искрошилась от времени, не выстояв перед столетиями ветра и дождя. Внутри было очень сыро. Вдоль стен висели ржавые держатели для факелов, а тоннель плавно уходил в самую глубь земли. В конце прохода гномам преградила путь вторая дверь, на этот раз невредимая. Сделанная из серого гранита и окованная сталью, она могла стать серьезным препятствием даже для подготовленного отряда каменщиков. На поверхности двери не было видно замка или замочной скважины. Ее пытались толкать, но, несмотря на все усилия, она осталась на месте.

Странную насыпь было решено оставить. У гномов не было времени и соответствующих инструментов, да и разведчики не хотели более задерживаться в столь мрачном и унылом месте.

По возвращению отряда из разведки, караван готов был идти дальше. Скорвид отправился вместе со скаутами вперед, обследовать дорогу. Осеннее солнце подсушило грязь и

согрело путников, и вскоре над трактом вновь зазвучали старинные гномьи баллады и заливи-
стый детский смех.

На третий день пути от колодца и сто семнадцатый с начала путешествия, караван
добрался до поворота тракта на восток. Из авангарда вернулся скаут и доложил, что до границы
осталось два дня пути. Земля под колесами телег окончательно просохла, а пробивающаяся
сквозь нее первая весенняя трава стала отрадой для исхудавших в дороге пони.

На исходе пятого дня авангард достиг границы королевства Алтарес. Густой непрохо-
димый лес встал перед путниками величественной желто-зеленой грядой, отделяя Глухомань
от восточной части Зеленоземья. Тракт вел к огромной крепости, втиснутой в лесную стену.
Гномы останавливали телеги и стояли разинув рты, глядя на эту впечатляющую картину: стены
крепости вздымались вверх на пятьдесят футов, по краям возвышались массивные башни, на
вершинах которых грозно ощерились острыми копьями многозарядные стрелометы. Подходы
к замку перекрывал залитый водой ров, а на стенах виднелись большие черные котлы.

– Должно быть, в них люди держат масло, – произнес Скорвид.

Ульфредин не заметил, как тот подошел. Они обменялись крепким рукопожатием.

– Горящий ров, – задумчиво проговорил тан, – штурм этой крепости, должно быть, то
еще зрелище

– Тактика стара как мир, но все так же безотказна, – усмехнулся старый скаут, – пом-
нится, при обороне Врадана мы использовали похожий прием. Только в нашем случае масло
лилось уже подожженным.

Ульфредин расчесал седую бороду и оглядел растянувшиеся вдоль тракта телеги.

– Жаль, что в Бергонде мы не могли поступить так же. Город не был рассчитан на атаку
с поверхности. Не был готов к предательству.

Он сокрушенно опустил голову и сжал кулаки. Затем поднял взгляд и твердо сказал:

– Ладно. Мы убедились, что крепости люди строить умеют. Теперь давай посмотрим как
они умеют держать свое слово.

– Будь уверен, мой друг, – сказал Скорвид, положив руку на плечо тана, – Вальдарис
мудрый и, главное, честный правитель. По молодости, я два года сражался на стороне армии
Алтареса, и за это время понял, что они хорошие люди. За всю свою долгую историю Алтарес
никогда не вел наступательных войн, а это говорит о многом.

В это время со стороны крепости коротко и высоко пропел рог. Мост через ров начал
опускаться, за ним медленно открылись ворота. Из замка вышли трое солдат и направились в
сторону разрастающейся стоянки гномов.

– Пойду помогу нашим с лагерем, – сказал Скорвид и, поклонившись, ушел.

Ульфредин поправил плащ, отбил засохшую на сапогах грязь и пошел навстречу делега-
там.

Доспехи на солдатах оставляли желать лучшего. Кольчуги из тонких железных колец
были обшиты стальными пластинами на груди. Наплечники крепились плохо, а легкие откры-
тые шлемы не надел бы даже самый отчаянный гном.

Впереди троицы шел рослый мужчина с пышными черными усами. Приблизившись, он
глубоко поклонился, что с удовольствием отметил гном.

– Почтенный Ульфредин! От имени его величества короля Вальдариса, правителя Алта-
реса и всего восточного Зеленоземья, я рад приветствовать тебя в наших краях. Указом короля
вам позволено пройти через форт Анхель. И знайте, что с этого момента вы и ваши подданные
находитесь под защитой королевства Алтарес и ордена Грифоньей Стражи.

Он протянул Ульфредину скрепленный алой печатью свиток и добавил:

– Эта грамота – свидетельство на право собственности Снежного Предела. Отныне и до
скончания времен вы являетесь владельцем вверенной вам земли и ее ресурсов. Взамен его

величество просит вас лишь об одном – распоряжайтесь этим даром мудро и будьте друзьями народу Алтареса.

Ульфредин взял в руки свиток. Он был потрясен. Придя в эти земли, гном ожидал чего угодно, но только не этого. Король Вальдарис мог дать им статус беженцев, обязать платить дань и вообще приставить к гномам своего наместника. Вместо этого он отдает им часть своей страны, прося, а не требуя взамен лишь дружбы. Дружбы! Стараясь скрыть свое волнение, тан гномов склонил голову и произнес:

– Прошу передать его величеству, королю Вальдарису, нашу великую благодарность. Мы не очерним оказанной нам чести и будем рады всячески поддерживать народ Алтареса, коль в этом будет нужда.

Солдат улыбнулся и снял шлем.

– Не сомневаюсь. Народ гномов славен своей гордостью и честью. Мое имя Андрес, и я рад первым приветствовать вас в моем форте.

– В твоём? – спросил Ульфредин, – ты местный тан?

– Нет нет, куда уж мне, – засмеялся Андрес, – я командир гарнизона. Служу здесь уже лет пятнадцать, и всякого повидал. Но гномов вижу впервые, хотя и был наслышан о вашем народе.

– Значит, тебе представился отличный шанс узнать нас получше, – усмехнулся тан.

– И я не упущу его, – почтительно склонив голову, ответил Андрес.

Они направились к лагерю. Ульфредин познакомил Андреса с несколькими знатными гномами, включая Скорвида. Затем они пообедали в главном шатре и гномы поведали Андресу о своих приключениях на пути сюда. На закате командир гарнизона поблагодарил гномов за гостеприимство и вернулся в крепость. К тому времени равнина перед замком заполнилась шатрами и палатками. Впервые за несколько месяцев гномы смогли позволить себе скромный пир. По всему лагерю горели костры и разносился аромат различных яств. Женщины танцевали в ярких отблесках костров под задорный ритм барабанов и лютни, мужчины устроили соревнования по кулачному бою и метанию топора. Перед шатром тана был накрыт большой стол для старейшин, и во главе него восседал Ульфредин. Все невзгоды, что довелось пережить гномам в дороге, были позади. И даже вечно серьезный тан в этот вечер не мог не радоваться.

Но было еще кое-что, что не давало Ульфредину покоя. Его мысли занимала королевская грамота. Чтобы король жаловал земли беженцам, тем более, не принадлежащим к его собственному народу, было неслыханно. Подобными дарами властители так просто не разбрасываются. Что если, во всем этом кроется подвох?

Скорвид сидел по левую руку от Ульфредина. Заметив его задумчивое и отстраненное выражение лица, пожилой лазутчик придвинулся ближе.

– Тебя что-то тревожит, старый друг? – обратился он к тану.

– Не знаю, – тихо произнес Ульфредин, – быть может, я просто не пришел в себя после того, что произошло с нашим домом, но я не доверяю этому королю.

– Но почему? – спросил его скаут.

– Ты видел грамоту. Тебе не кажется странным, что Вальдарис дарит землю нам, гномам, которых знать не знает? Что это, Скорвид? Акт великой щедрости, или поступок отчаянного человека? Сдается мне, что здесь не все так просто. Почему люди никогда не жили в Снежном Пределе? Суровый климат здесь не оправдание. Достаточно вспомнить Пепельное Плато, чтобы понять, что людей не испугать трудностями и лишениями, если на кону стоит золото.

– Но золота там нет, – ответил Скорвид, – их горняки давно обследовали горы и не нашли там ценных залежей. Ни серебра, ни платины, ни даже меди. По крайней мере, так рассказали мне. Король отдал нам эти земли лишь потому, что они ему без надобности. А нам нужен новый дом. Король Вальдарис добр, Ульфредин. Знаю, после событий в Бергонде тебе трудно это принять, но люди не сплошь злы и вероломны.

– Возможно, ты и прав, – устало произнес тан, – все эти месяцы я живу с тревогой глядя в будущее. Страшусь оглянуться в прошлое. Так не пристало вести себя тану. Я знаю тебя очень давно, дружище Скорвид, и верю тебе.

– Однажды мы вместе посмеемся над твоими страхами под сводами новых чертогов, будь уверен.

– Я буду ждать этого мига с нетерпением.

Они подняли кружки, полные крепкого янтарного пива, и осушили их в один мах.

На следующий день гномы начали готовиться к следующему этапу похода. Охотники направились в леса за дичью, женщины снова занялись готовкой. Разведчики сновали по окрестностям и приносили донесения картографу Фурдару, а тот наносил местность на карту. Андрес прислал обозы с провизией, за что гномы в благодарность взяли за починку тренировочного оружия и доспехов солдат.

Ульфредин и Скорвид отправились в крепость к Андресу, чтобы обсудить с ним свой дальнейший путь. Тот рассказал им как добраться до постоянного двора «Гнездо Грифона», места, где они смогут пополнить запасы и отдохнуть перед последним этапом путешествия к Снежному Пределу. Затем, Андрес настоял на ответном угощении в стенах крепости. Они обедали в большом зале вместе с солдатами гарнизона, и те с любопытством слушали рассказы гномов о жизни в недрах гор, металлургии, кузнечном деле и постоянных войнах с полчищами подземных чудовищ.

Во второй половине дня небо затянули тучи, грянул осенний гром и зарядил проливной дождь. Скорвид обходил лагерь, проверяя как идут приготовления к путешествию. Все телеги были готовы, пони накормлены и полны сил. Запасы продуктов дополнили с излишком. С юга и запада возвращались последние скауты, следившие за окрестными лесами.

Когда над долиной совсем стемнело, дождь закончился. Ульфредин повелел устроить прощальный ужин, на который были приглашены Андрес и те солдаты гарнизона, что не были на дежурстве. Люди явно обрадовались неожиданному празднику. И как, к своему удовольствию, заметил Ульфредин, гномы хорошо поладили с солдатами. Все участники похода ранее не вели дел с народом людей, и он беспокоился, что их знакомство может начаться с недоверия. Но этого не случилось. Гномы и люди пировали, сидя бок о бок, пели и шутили, произносили тосты и делились историями.

На рассвете караван двинулся в путь. За стенами замка тракт расходился в двух направлениях. Северная грунтовая дорога вела прямо к королевской темнице. Этот путь был под запретом и пройти туда мог только обладатель особого приказа короля. Там, над белоснежными пиками далеких гор, самые зрячие гномы разглядели несколько парящих силуэтов. Они двигались вдоль хребта, пока не скрылись за облаками.

– Это Грифонья Стража, – объяснил всем Скорвид, – большинство королевств людей находятся под их защитой. Они не участвуют в войнах между людьми, однако стоит королевству подвергнуться нападению иных народов, как на агрессора тут же обрушивается вся мощь этого ордена. Но особенно сильно они ненавидят нежить. В прошлом они нередко снаряжали целые походы против некромантов. Такие войны гремели в Пепельном Плато и Серых Песках. Сейчас это больше орден хранителей границ. Искусство укрощения грифонов подвластно только им, и они ревностно оберегают свои тайны. Нам оказали огромную честь, даровав их защиту.

Другая дорога вела на восток, во внутренние земли Алтареса. Вдоль тракта деревни перемежались с обширными полями. В пажитях всюду кипела работа, фермеры готовились к сбору урожая, и по пути гномам постоянно встречались большие группы крестьян.

Весть о прибытии невысокого народа уже облетела близлежащие земли, и многие жители окрестных сел выходили на тракт поглядеть на караван. Детишки смотрели на гномов круглыми от удивления глазами.

– Мама, мама! Кто эти маленькие старички?

– Смотри, пап, у этого дедушки борода по земле волочится!

Родители шипели на ребятишек, журя их за неучтивость, но гномов их слова не задевали. Для них самих, во всяком случае, для большинства, все здесь было в диковинку. Подгорный народ не ведет сельского хозяйства в привычном для людей понимании, и гномы с интересом рассматривали крестьянские инструменты и сооружения – косы, широкие плуги и ветряные мельницы.

Грязевая пустошь осталась позади, за воротами форта Анхель. Здешние земли были покрыты густой зеленой травой, местами попадались дубовые и березовые рощи. Вдалеке, за полями и селами виднелись золотисто-алые кленовые леса. Вдоль тракта вилась узкая, но быстроводная речка. Местные жители называли ее Латисса, и рассказали, что названа она была так в честь героини древних преданий. По легенде, на заре основания королевства земли в округе были поражены великой засухой. Правители отдавали последнее золото чародеям и мудрецам из разных стран, чтобы те избавили народ Алтареса от голодной смерти. Но ничего из этого не вышло. И тогда верховная жрица из Каленоста по имени Латисса отправилась на восток. У основания Гранитных гор она остановилась и, став на колени, начала молиться богу-покровителю Алтареса – Анзаллу. Она молилась пять дней и шесть ночей. Люди приносили ей еду, но она оставалась нетронутой, уговаривали ее остановиться, пытались убедить в тщетности надежд на высшие силы. Но она, погруженная в глубокую медитацию, оставалась ко всему безучастна. Словно игнорируя весь мир вокруг, она молилась снова и снова. На шестой день она умерла. Ее безжизненное тело обнаружили рыцари храма. И в тот момент, когда они подняли ее, чтобы унести в столицу, в горах раздался странный гул. Через несколько мгновений основание близлежащего горного отрога треснуло и разошлось. Из недр горы, вымывая камни, в иссушенное русло реки хлынул неуправляемый водный поток. Как говаривали позже, в тот день по всему королевству открывались источники чистой, пресной воды, наполняя земли умирающего Алтареса новой жизнью. С тех пор Латиссу почитают как святую спутницу Анзалла и хранительницу плодородия.

Караван двигался на восток еще два дня. На севере показалась скальная крепость – ориентир, о котором говорил гномам Андрес. На этом месте тракт сворачивал на север и вел к внутренним провинциям королевства.

Во время привала к лагерю гномов подошла группа странствующих музыкантов. Они рассказали, что путешествуют по миру, зарабатывая на жизнь представлениями, а также изучают легенды и предания других народов, записывая и преображая в песни. Гномы с удовольствием послушали их выступление, а Скорвид без усталости рассказывал им о своих приключениях, когда он был молод и десятилетиями странствовал по свету. Прощаясь, барды пообещали сочинить несколько баллад и исполнить их гномам в следующий раз, под сводами их нового дома.

Еще через два дня караван достиг небольшого поселения. Оно было обнесено невысокой каменной стеной, и состояло из нескольких зданий, кузницы и конюшни. Как оказалось, это и был тот самый постоялый двор, о котором говорил Андрес. “Гнездо Грифона” было самым большим и знаменитым пристанищем для путников в этой части королевства. Здесь могли одновременно принять до двух сотен постояльцев и кормить их в течение трех недель без пополнения запасов. Управлял им человек, в округе уважаемый и знатный. Когда Ульфредин и Скорвид прошли через ворота во главе каравана, он стоял посреди двора и громко раздавал указания слугам.

– Похоже, здесь все уже готово к нашему прибытию, – с ухмылкой сказал старый скаут.

– Местное гостеприимство не перестает меня удивлять, – покачал головой Ульфредин, – признаться, даже неловко, что столько людей из кожи вон лезут, чтобы нам угодить.

– Думаю, парой историй и песнями мы не отделаемся. Пора готовить монеты, – смеясь, сказал Скорвид и направил пони к хозяину постоянного двора.

Ульфредин подозвал своего сенешаля Бройна и сказал:

– Выставьте телеги у стен, захватите пару бочонков пива и двести серебряников. Как будет готово, проследи, чтобы все удобно разместились.

– Слушаюсь, мой тан! – сказал Гройн и отправился исполнять поручения.

Ульфредин спешился, а затем направился к Скорvidу и хозяину “Гнезда”. Они стояли поодаль от всеобщей суеты, охватившей двор, и оживленно о чем-то беседовали.

– Перед тобой тан Ульфредин Первый из клана Камнебородов, – объявил мужчине Скорвид.

– Рад нашей встрече! – воскликнул невысокий краснолицый мужчина с роскошными бакенбардами и гривой рыжих волос, спадавших на округлые плечи, – мое имя Огден и я являюсь хозяином этого гостеприимного дома!

– Приветствую тебя, Огден, – ответил Ульфредин, – теперь я вижу, что молва о твоём подворье не преувеличена, – гном почтительно склонил голову и протянул руки ладонями вверх, по обычаю гномов.

Огден немного растерялся, а потом схватил и крепко пожал правую руку гнома. Ульфредин бросил удивленный взгляд на Скорvida, но тот с улыбкой пожал плечами.

– О вашем прибытии меня предупредили из самого Каленоста. – сказал трактирщик, – Гонец прибыл месяц назад с посланием от Аргелиона, королевского казначея. Сказали, мол, так и так, прибудет много гномов, примерно, сотен двадцать. Нужно часть разместить, всех накормить и напоить, а платы не брать. Вот мы и готовились все эти дни, охотники без продыху в лесах бродили. Но все успели точно в срок. Поэтому, добро пожаловать в наше скромное пристанище!

– Признаюсь, ваш король удивляет меня все больше, – медленно проговорил Ульфредин бросив тяжелый многозначительный взгляд на Скорvida, – ответь мне, почтенный Огден, посланник не сказал отчего это корона так щедра к моему народу?

– Хм, даже и не знаю, – смутился Огден, – я человек простой, в расспросы не лезу. Сказали, мол, так и так, гномы – наши дорогие гости, проделали тяжелый путь, и надо бы им всячески помочь. А вообще король у нас хороший! Податями не душит, законами не давит. Не чета другим правителям.

Ульфредин молчал, задумчиво расчесывая бороду, и в разговор вступил Скорвид:

– И мы благодарны его величеству за его широкий жест. Однако же, народ гномов всегда с благодарностью платит за доброту и заверяю тебя, дорогой мой Огден, ты получишь плату, за каждую тарелку снеди и кружку вина!

– Благодарю покорно, – замялся трактирщик, – но боюсь, если в Каленосте об этом узнают... Наш король, конечно, человек добрый, но послушаться его указа я все же не решусь. Да и не переживайте так, корона мне все возместит.

– Будь посему. – произнес Ульфредин. – Нам нужен отдых, и я не вправе отказывать своему народу в любой помощи. Мы поставим телеги у южных ворот, но лошади, боюсь, в твоих конюшнях не поместятся.

– О, не волнуйтесь, я об этом позабочусь. У северных ворот на берегу реки есть подходящее место для ваших пони. Королевские войска оставляют там своих лошадей, когда останавливаются на ночь между патрулями. Я распоряджусь, и мои помощники с них глаз не спустят.

– Хорошо, – сказал тан, – Там же поставим лагерь. Сколько гномов сможет разместиться в ваших стенах?

– Зал празднеств сможет вместить пятьсот постояльцев, – Огден указал на самое большое из трех зданий.

Первые два этажа были сложены из больших валунов, оставшиеся два из плотно подогнанных сосновых бревен. Россыпь небольших резных окон хаотично украшали стены, а из большой трубы на вершине здания шел сизый дымок, разносящий на всю округу аромат костра и жареной дичи.

– На первом этаже, – продолжил трактирщик, – накрывают длинные столы, на втором вечером будут готовы ванны, а после гости могут отдохнуть в четырех общих спальнях на третьем этаже. На четвертом живут слуги, но они вам не помешают. Вы же, господин, со своими приближенными можете занять королевские покои в остроге, – Огден указал на небольшое каменное здание, стоящее на противоположной от зала празднеств стороне двора.

Тан Ульфредин обернулся к Скорvidу:

– В “Гнезде” расположатся таны, их свита и знатные воители. Стражников я здесь не приметил, а потому нужно выставить гвардейцев в караул. Остальные разобьют лагерь у южных стен. Передай все это Гройну. Пусть проследит, чтобы моим гномам всего хватало. На обед соберемся через час.

– Сделаю, – сказал Скорvid и отправился искать сенешаля.

– Что же, благодарю тебя, Огден, за гостеприимство. И королю я передам, что указ его был исполнен в полной мере и с душой.

Лицо Огдена просияло, и он, склонив голову, неловко вытянул ладони вперед, пытаясь воспроизвести приветственный жест Ульфредина. В этот момент тан гномов не сдержался, расхохотавшись, он схватил и крепко сжал руку старого трактирщика.

Спустя час, как и распорядился тан, полторы сотни гномов, включая женщин и детишек, собрались в большом зале. Столы ломились от всевозможных блюд. Отварная говядина, оленина в соусе, жареные кабаны, картофель, ароматный хлеб и салаты. Гномы вкатили в зал бочки с пивом, а Огден заставил столы кувшинами вина. Пока все ели и общались, в углу на небольшой сцене тихо играли двое музыкантов, девушка и юноша. Мелодичный перебор лютни переплетался с прекрасным мотивом флейты, создавая ощущение уюта и спокойствия. Ближе к вечеру женщины увели детей спать, а Скорvid усадил Огдена между собой и таном. Они долго беседовали, делясь последними новостями и слухами.

Старый трактирщик поведал им о королевских турнирах, рассказал о ежегодной ярмарке Семи Шатров, а также о волнениях на восточных границах, близ города Лестран. Последнее особо заинтересовало Ульфредина и он решил расспросить об этом подробнее.

– Говорят, там видели болотников, – полушепотом произнес Огден. – Как-то совсем недавно проезжал по тракту один усталый воин. Остановился переночевать, на вино денег не жалел. И, как это обычно водится, подвыпил и разговорился. Он рассказал, что странствует по свету и зарабатывает на жизнь своим мечом – обычное дело в наших краях, – пояснил трактирщик, – так вот, остановившись в одной харчевне неподалеку от Лестрана, он услышал от завсегдатаев новости, что, мол, в этих местах стали пропадать люди. Сначала думали на дикое зверье, потом на шайку бандитов. Но однажды, темной зимней ночью, стража Лестрана заметила зарево на одной из ферм в Прилесье. Когда они туда добрались, от дома фермера осталось только пепелище. Его самого и жену с детьми нашли мертвыми неподалеку от дома. Тогда-то и подумали, что это дело рук разбойников или валкаров. В руке фермера остался плотницкий топор и его обух был покрыт кровью. Однако поутру, при свете солнца, все увидели, что кровь-то темно-зеленая! – на этом месте Огден многозначительно покачал головой и сделал добрый глоток пива.

– Темно-зеленая, говоришь? – недоверчиво сказал Скорvid, – Не знаю ни одной твари с таким цветом крови.

– А я знаю! – с жаром ответил Огден. – Болотники, будь они неладны! Когда стражи вернулись на ферму, они почти сразу нашли кровавые следы, уходившие на юг. Проследовав по ним до подлеска, они наткнулись на труп чешуйчатого монстра. Должно быть, раненый фер-

мером, он отстал от сородичей, да и истек, поганец, кровью. Так вот, служившие уже много лет солдаты сразу признали в нем болотника, или как в сказках их зовут – мерхена. С виду они как люди, только больше на три фута. Морды у них змеиные, ходят на двух ногах, и бегают быстро. В старинных преданиях говорится, что жили они в этих землях. Но пришли первые люди-изгнанники и выгнали их отсюда. Было это сразу после бойни на Пепельном Плато. Война с этими тварями длилась здесь лет сорок, но в конце концов король Асхан Победоносный призвал на свою сторону грифонов, болотники были разбиты и отброшены в Ургюмые Топи. Уже много лет о них ничего не было слышно, и вот те раз.

– А что там, в Ургюмых Топях-то? – спросил Скорвид. – Разве нельзя послать туда отряд, да выследить тварей?

– Нет, на такое король не пойдет, – ответил Огден. – Болота те непроходимы и смертоносны. Там, где вчера была тропа, на следующий день может оказаться трясина. Сам воздух какой-то гнилой, а туман, застилающий землю, лишает разум всякой радости. Для болотников топи это дом родной, а для людей – погибель. Во времена войны туда ходили армии, да возвращались ни с чем. Асхан гневался, и многих полководцев тогда познакомили с секирой палача. Но в конце концов походы прекратились. На границе с гиблой топью возвели сторожевую башню Мерхилос. Правда, она уже лет двести как заброшена. Болотники-то не объявлялись, и гарнизон убрали. Редкие патрули останавливались там на день-другой и шли дальше. Ужасы войны забылись, и истории превратились в сказки.

– Как отреагировал король на гибель семьи фермера? – спросил трактирщика Ульфредин.

– Его величество как только узнал – сразу повелел поставить стражу у Мерхилоса, и усилил гарнизон Лестрана. Говорят, Аргелион, верховный казначей, был сильно против. Не хотел нагружать казну расходами. Но королевская воля непреклонна! Ослаблять охрану торговых путей и границ нельзя, поэтому солдат набирали из местных. Башню восстанавливают после столетий запустения, мы часто видим здесь повозки с материалами и провизией.

– Что же, – проговорил тан, – Думаю, что как только мой народ окрепнет и встанет на ноги, мы пришлем его величеству бригаду наших каменщиков. Они помогут возвести надежные укрепления на границе с топиями.

– Это пойдет на пользу всем нам, – согласился Скорвид, – судя по картам, Снежный Предел с юга отделяется от болот только угожьями Лестрана. Поэтому наш вклад в охрану границ – это вопрос безопасности нашего народа.

Огдена слова двоих почтенных гномов несказанно обрадовали, и он даже встал произнести тост. Пиво сыграло свою роль, говорил трактирщик долго, но гномы внимательно слушали его, одобрительно кивая, а когда он закончил, все встали, ударили кружками и осушили их.

После настала очередь гномов музицировать. В зал внесли барабаны, лютни и волынку. Заиграла музыка, доселе не звучавшая в этих землях. У входных дверей, на лестнице и в окнах виднелись любопытные лица работников Гнезда. Их привлекла низкая и ритмичная мелодия гномьего оркестра. В отличие от людских и эльфийских мелодий у гномов было мало красивых и печальных баллад. Подгорные песни больше походили на гимны и военные марши. Протяжно и тяжело раскатывалась музыка по залу, но все, кто ее слышал, ощущали небывалый прилив сил и воодушевление. Гномы-слушатели, стучали в такт сапогами и кружками, вскоре к ним присоединились и люди.

В полночь Огден разогнал слуг по комнатам, а гномы продолжали праздник. До глубокой ночи длилось застолье. И только ближе к утру самые стойкие из коренастого народца все же ушли спать.

Ульфредину спалось плохо. С тех пор как Берегонд пал, ему часто снился один и тот же кошмарный сон, заставляя снова и снова переживать потерю любимой родины. Во сне он стоял на стене Узалрана, первой и самой большой из семи стен Берегонда. Пред ним лежала

огромная подземная долина, уходящая своими сводами в неведомую черную высь. В дальнем конце пещеры маленьким пятном дневного света виднелся выход на поверхность земли.

Вдруг раздался оглушительный вой и стена содрогнулась. Далекий белый свет сменился желтым, и в пещеру хлынул огненный поток. С жутким ревом огонь приближался к крепости, сметая на своем пути шахтерские поселки, грибные фермы и кристальные рощи. Когда поток приблизился к стене, Ульфредин увидел, что это были люди. Бесчисленные полчища людей с факелами и оружием в руках. Их лица искажала злоба, они кричали, трясли в воздухе копьями и мечами. Затем пещеру поглотила непроглядная тьма. Стена под ногами сотряслась снова. А затем еще раз и еще. Казалось будто исполинский таран бил в стену крепости, кроша камень и сотрясая своды подземелья. Каменные плиты пола разошлись под мощью последнего удара, и Ульфредин рухнул вниз.

Он оказался в полной темноте. Нашупав гладкий камень резных стен, он понял, что оказался в тоннеле шахты под городом. Впереди снова нарастал рев и замелькали отсветы факелов. В неверном свете их отблесков он различил мелькающие здесь и там тени. Это были тени гномов. Тени его народа. Света стало больше и они начали меркнуть, пока не исчезли вовсе. Своды тоннеля дрожали под топотом сотен ног. Ульфредин развернулся и побежал. Он несся по коридору, не разбирая пути. В ушах звучал все тот же рев, к нему добавились слабые крики гномов. Жар все отчетливее ощущался спиной, а Ульфредин бежал изо всех сил. Глаза наполнились слезами, ноги плохо слушались и он задыхался, но продолжал бежать. Казалось, вечность прошла, прежде чем силы наконец оставили его. Гном упал на гладкий блестящий в факельном свете пол и закричал. Враг почти настиг его, за спиной уже раздался чей-то победный возглас. Затем в тоннель ворвался яркий золотистый свет, заскрежетало железо, и кто-то схватил его за плечо. Так он проснулся.

Утром все было готово к продолжению пути. Погода стояла чудесная, легкий прохладный ветерок шелестел в еще зеленой листве деревьев, солнце пригревало остывшую за ночь землю. В воздухе витал едва уловимый аромат осени, смешиваясь с запахами из кухни, где уже во всю трудились слуги Огдена.

Скорвид смотрел из окна, на втором этаже острога, где ночевал вместе со своей свитой. Многие гномы уже сновали по двору, укладывая припасы в телеги и запрягая в них пони. Руководили сборами Гройн и Огден. Ульфредина нигде не было видно. Скорвид перегнулся через подоконник и увидел, что гвардейцы все еще стояли у входа в острог. Значит, тан не покидал своих покоев. Скаут взял со спинки прикроватного стула свой порядком выцветший плащ, накинул его поверх кольчуги и застегнул на груди пряжку в виде медвежьей головы. Выйдя из комнаты, он направился к лестнице и поднялся на третий этаж. Пройдя по коридору до комнаты тана, он легонько пнул ногой задремавшего у двери гвардейца и постучал.

– Да, войдите, – глухо прозвучало из комнаты.

Скорвид вошел и плотно закрыл за собой массивную дверь. Тан Ульфредин сидел в кресле у окна, держа во рту дымящуюся трубку. Скаут подошел ближе и выглянул на улицу. Комната тана выходила на запад, где блистая в лучах утреннего солнца, сияли белоснежные вершины высоких гор.

– Местные зовут эти горы Лентрийскими. – тихо проговорил Скорвид. – Это название дано им в честь древнего королевства, что лежало далеко на юге Миртвальда. Оно было уничтожено в ходе событий на Пепельном Плато. Здешние жители, алтарцы, никто иные как потомки людей изгнанных из Лентрии. Они, как и мы, когда-то были беженцами.

– Тогда это объясняет их радушие и понимание по отношению к нам. – угрюмо молвил тан.

Скорвид внимательно посмотрел на Ульфредина.

– Снова этот сон? – спросил он.

Тан кивнул, не отрывая взгляд от белоснежных горных пиков.

– Как думаешь, друг мой, что ждет нас здесь? – Ульфредин поднял на скаута красные от бессонной ночи глаза. Его лицо было бледным и уставшим, словно за одну ночь он постарел на полсотни лет.

– Я знаю, что не все будет гладко, – сказал Скорвид, – наш мир несовершенен, полон бед и горя. Но все приходит и уходит. Так будет и для нашего народа. Печаль сменится радостью, а нищета богатством. Мы возведем чертоги, полные чудес и величия, и будем ревностно оберегать покой своих владений. Одно, я знаю точно, останется неизменным. Мы так же, как и прежде, с самого начала времен будем чтить предков и тех, кого сегодня нет с нами в походе. Ни один защитник Берегонда, будь он королем или простым шахтером, не останется забытым. В недрах, дарованных нам судьбою гор, мы выстроим великие святилища, и тогда наши чертоги станут общим домом и последним пристанищем для любого гнома Миртвальда. Я вижу это словно в явь. Смени печаль на радость, старый друг. Твой народ желает видеть своего предводителя, исполненного гордости и силы. Для них ты – отражение будущего. И они должны смотреть в него с надеждой.

Ульфредин вздохнул и протер глаза. Затем встал и положив руку на плечо скаута произнес:

– Ты прав, дорогой мой Скорвид. Я рано предаюсь отчаянию. Слишком сильно я переживаю страшную утрату. Но это не должно мешать тем, кто так нуждается в моей помощи. Не знаю, почему я вызвался возглавить этот поход. Но, раз уж я вышел вперед на том совете, у подножия наших гор, значит, мне и вести народ до конца. А горе и печаль я оставлю на потом, когда в моем правлении более не будет нужды.

Скаут и тан еще некоторое время говорили, пока в дверь снова не постучали. Гройн принес весть, что все готово к продолжению пути. Огден не пожалел для гномов десятков бочек сладкого красного вина и внушительные запасы продовольствия в дорогу. Телеги, нагруженные куда больше, чем были до приезда сюда, уже выстроились длинной колонной по дороге, насквозь через постоялый двор. Головная часть колонны терялась где-то за воротами, среди пологих лесистых холмов.

К обеду караван был снова в пути. После радушного приема в Гнезде Грифона, настроение гномов значительно поднялось, и скорым маршем они двинулись на север. Местность шла равнинная и путь был легкий. На западе, за золотыми пшеничными полями, белели снежными шапками вершины Ленстрийских гор, а восток утопал в золотисто-алых осенних лесах. Почти сразу караван пересек Срединную реку и оказался в провинции Лестран. Дыхание осени ощущалось здесь куда сильнее. Все еще зеленая трава на холмах и лугах сильно контрастировала с яркими оттенками алой и золотой листвы на ветвях могучих вязов. Прохладный бодрящий ветер развеивал гномьи знамена. Над вереницей повозок и телег звучали волынки, лютни и сильные голоса скальдов.

К вечеру гномы заночевали у старой лесопилки. Ее хозяин был немало удивлен, и вместе со всем своим внушительным семейством вышел поприветствовать диковинных путников. Старый лесовик поведал гномам, что пару недель назад в местных лесах объявились волки. И посоветовал, что посылал уже три письма графу Лестрана, чтобы тот прислал на помощь охотников, но ответа все не было.

– Клянусь слезами Латиссы, если до следующей недели сюда не явятся лестранские стрелки, я напишу в Каленост! – в порыве праведного гнева потрясал кулаком старик.

В эту ночь дозорные слышали далекий волчий вой, и видели странные огни в чаще леса. К утру все успокоилось, но Скорвид все равно разослал разведчиков и приказал усилить ночные караулы.

На рассвете караван продолжил путь. Тан Ульфредин ехал впереди, во главе своей личной охраны. Бодрящий утренний ветер развеивал сине-черное знамя, которое нес Гройн. Уже

виделся поворот реки Срединной, вдоль которой они шли почти от самого Гнезда, когда авангард нагнал Скорвид.

– Владыка Ульфредин! Нужно остановить караван! – крикнул он, приближаясь к дружине тана.

Тан вскинул ладонь вверх, и Гройн зычно выкрикнул приказ остановиться. Знаменосцы по цепочке передавали приказ в конец вереницы каравана и телеги останавливались. Гномы с любопытством смотрели в сторону тана и его свиты.

– Что случилось, Скорвид? – спросил тан.

– Владыка, еще с рассветом я отправил несколько разведчиков прочесать лес к западу от тракта. Мне не давали покоя те странные ночные огни, что мы заметили у лесопилки.

– Они что-то нашли?

– Нет, повелитель. Хотя не знаю... может быть. Дело в том, что трое из пяти скаутов вернулись еще два часа назад. Остальных все еще нет, хотя прошел уже час с назначенного времени.

Скорвид подъехал к тану настолько близко, чтобы другие не могли их слышать.

– У меня тревожное чувство. Нам нужно быть начеку. Как только мы дойдем до границ этих владений, я соберу отряд и мы отправимся на поиски пропавших. А пока, пусть все будут готовы к нападению.

– Нападение? – переспросил тан и в его голосе прозвучало недоверие. – Мы же в самом сердце королевства. Здесь почти полторы тысячи гномов, из них самое меньшее триста – отменные бойцы. Кому взбрет в голову...

Тан не успел договорить, как с востока, со стороны деревьев, раздались три коротких гудка, и лес словно ожил. Десятки и даже сотни невысоких коренастых существ, одетых в черную разномастную броню, хлынули на тракт, аккуратно по центру каравана, выкрикивая боевые кличи хриплыми голосами.

– Гоблины! – закричал Скорвид.

– К оружию! – скомандовал Ульфредин.

Чернобородый Гройн с силой воткнул знамя в землю, выхватил большой турий рог и затрубил в него, что было сил. Над лесом и равниной раскатился низкий громовой призыв. Он был подхвачен другими знаменосцами, и вскоре вся долина огласилась протяжным рокотом.

Гномы хватали все, что попадалось под руку. Едва они успели сомкнуть шеренгу перед цепью повозок, как гоблины обрушились на них. Зазвенели железо и сталь. Стонали щиты под глухими ударами топоров и ятаганов. Долина наполнилась яростными воплями и криками раненых. С хвоста каравана на помощь братьям спешили более или менее вооружившиеся гномы. С яростным ревом они врезались во фланг зеленокожих и разметали полтора десятка гоблинов. Но нападавшие превышали гномов числом на этом участке колонны. Против трехсот бородачей сражались, по меньшей мере, семь сотен разъяренных тварей. Еще две сотни гномов подошли с юга – из арьергарда каравана, а зеленокожим все не было конца.

За рядом повозок раздалась команда – и в гущу врагов полетели арбалетные болты. Скорвид руководил стрельбой, и сам орудовал своим легендарным пятизарядным арбалетом. Вдруг в рядах противника раздались крики ужаса и визг: спешившись, дружина тана ударила им в правый фланг, не давая обойти гномов с севера и замкнув противника в клещи. Но, несмотря на это, гоблины продолжали теснить гномов. В какой-то момент они прорвали центральную шеренгу, разделив отряд обороняющихся на две части, и стали их окружать. Десяток-другой гоблинов набросились на скаутов Скорвида, разместившихся на повозках.

Защита гномов слабела с каждой минутой. Больше половины из них были ранены, а остальных не хватало, чтобы держать круговую оборону, и зеленокожие плотно сомкнули два кольца вокруг островков защитников. Скауты с трудом разделались с нападавшими на них гоблинами, и Скорвид, видя безнадежное положение братьев, хотел было приказать раз-

ведчикам отступить и отводить женщин и детей назад к “Гнезду Грифона”, но этот момент над долиной разлетелся пронзительный звук боевого рога. За поворотом, из-за леса, показался большой отряд конных рыцарей. Отблески солнечного света отражались от полированной стали массивных лат. Закрытые шлемы венчали фиолетовые плюмажи. Бело-сиреневые знамена трепетали над рядами всадников.

Лицо Скорвида озарила надежда, он сплотил своих бойцов и бросился на помощь остальным гномам. Грянул боевой клич, и кавалерия смяла отряд зеленокожих, окруживших дружину Ульфредина. Воспряв духом, отборные гвардейцы Берегонда с новой силой ударили по остаткам окруживших их гоблинов. Конница поскакала дальше вдоль повозок, снова раздался звук рога, и закованные в латы конники обрушились на второе кольцо зеленокожих.

Через несколько мгновений все было кончено. Нескольким десяткам тварей удалось скрыться в лесу, но остальным их сородичам повезло куда меньше. Большая часть гоблинов не пожелала сдаваться и была изрублена рыцарями. Тех, кто пытался убежать полями на запад, настигли арбалетные болты скаутов.

Скорвид выстрелил в последний раз, и, проследив за полетом болта, удовлетворенно хмыкнул, когда убежавший дальше всех гоблин замертво рухнул в траву. Затем скаут обернулся и оглядел поле битвы. Холм перед лесом был усыпан телами. Повсюду была кровь, под ногами тут и там валялись примитивные ятаганы, топоры и шипастые дубины. Гномы помогали раненым добираться до повозок, а для тех, кто не мог идти, уже готовили носилки из подручных средств. Рыцари спешили и ходили среди поверженных врагов в поисках выживших. Один из закованных в латы всадников стоял неподалеку от головной повозки и тихо беседовал с таном. Скорвид отправил троих скаутов собрать арбалетные болты, а остальным приказал обследовать подлесок на случай, если гоблины вернутся с подкреплением. Когда скауты единой группой скрылись в лесу, Скорвид направился к тану.

Ульфредин стоял, тяжело опершись на колесо повозки. Его лицо, борода и кольчуга были залиты чужой кровью, его же кровь сочилась из резаной раны на бедре. Вокруг него уже суетился рунотворец Форинвальд, готовя лечебные снадобья и травы.

– Скорвид! – хрипло воскликнул тан, – поседей моя борода, где тебя носило? Я думал проклятые твари до тебя все-таки добрались.

– Нет, повелитель, – произнес старый скаут, – я пытался держать напор с дистанции, но с парой дюжин гномов это не так-то просто.

– Ха! Да ты никак подавлен, дружище? Признаюсь, кровь в моих жилах уже давно так не кипела. Вот чего мне хватало все это время. Иди-ка сюда и познакомься с принцем.

Скорвид подошел ближе и высокий рыцарь обернулся, снял шлем и слегка склонил голову.

– Мое имя Лоссар, почтенный Скорвид. Рад нашему знакомству.

Спутанные каштановые волосы спадали на плечи воина. Лицо его сияло доблестной решимостью, а гордая осанка и взгляд выдавали в нем высокое происхождение.

– Мое почтение, принц Лоссар, – поклонился скаут, – мое имя Скорвид и я безмерно рад, что наша встреча произошла так скоро.

– Взаимно, – мрачно кивнул принц и обернулся к Ульфредину, – мне должно извиниться от себя и от имени моего отца, короля Вальдариса. Нападение на почетных гостей нашей страны является тягчайшим преступлением. Уверяю вас, мы найдем всех, кто скрылся, и выясним, кто замыслил это лихое дело. А когда это случится, виновный или виновные понесут наказание, соразмерное причиненному вам ущербу. Мы выступили из Каленоста три дня назад. Отец повелел мне лично встретить вас и сопроводить до реки Безымянной. Мы могли успеть раньше, но нас задержали. Странная труппа бродячих артистов. Сильно докучали, умоляли посмотреть на представление. Мы потеряли полдня из-за них.

Скорвид многозначительно посмотрел на Ульфредина.

– Мы встречали группу музыкантов, незадолго до прибытия в “Гнездо Грифона”. Имен я не запомнил, но вел их некий старик в старом желтом плаще.

– Да, это они, – подтвердил принц, – Старика зовут Неандер... Все это очень странно...

– Что именно? – спросил тан.

– В ответ на их расспросы мы рассказали, что идем навстречу каравану гномов, но они ни словом ни обмолвились о том, что виделись с вами. Более того, они сразу как-то оживились и стали требовать послушать их песни и посмотреть сцены из старых сказок.

– Ты хочешь сказать, – Ульфредин прикоснулся к раненой ноге и поморщился от боли, – что они умышленно пытались задержать ваш отряд?

– Очень на то похоже, – задумчиво кивнул принц, – Не волнуйтесь, почтенные гномы, наши патрули выследят их. Бродячим артистам не так уж и просто скрыться. Я сейчас же отправлю гонца на ближайший форпост. Мы найдем их и выясним, что здесь творится.

Ульфредин вытер пот со лба и, подняв взгляд на принца, произнес:

– От имени своего народа, благодарю вас, принц Лоссар. В недобрый час мы встретились, но, клянусь бородой, вы подоспели вовремя.

Принц поклонился и отошел к стоящим неподалеку рыцарям.

– Ладно, – проговорил Скорвид, – сейчас мы больше ничего не выясним. Пора бы оценить наш ущерб.

– Где мой сенешаль? – крикнул тан.

– Я здесь, владыка, – отозвался неподалеку запыхавшийся Гройн. Его кольчуга была разорвана, а из наплечника торчал обрубок стрелы.

– Скольких мы потеряли? – спросил тан.

– Семнадцать убитыми, повелитель, полторы сотни раненых, из них три десятка тяжело.

Плечи тана поникли. Боевой пыл в один момент слетел с его лица, и он прильнул головой к борту повозки.

– Иди, Гройн. – тихо произнес Ульфредин. – Организуй все, помоги раненым. Поставьте лагерь в полях. Определи надежных людей в караул и пусть не смыкают глаз ни днем, ни ночью.

– Да, мой тан. – поклонился сенешаль и собрался уже было идти, но его остановили.

– Поди-ка сюда, старина, – сказал Скорвид, – покажи мне плечо. Это стрела? За весь бой не видел среди гоблинов ни одного лучника. Как ты умудрился ее словить?

– Я был с гвардейцами, когда мы ударили во фланг зеленокожим. Стрела угодила в плечо почти сразу. Ее острие увязло в стали, кольчугу не пробила. Но клянусь бородой, я не видел стрелка. У нас несколько раненых стрелами. Лучников было немного и могу судить, что стреляли из гущи леса.

– Похоже на то, – согласился Скорвид. – Иди, Гройн, выполняй указания тана. Тела наших воинов отнесите к месту стоянки.

Гройн ушел. В этот момент принц Лоссар окликнул одного из рыцарей и, когда тот подошел, сказал ему:

– Сельмар, скажи к Небесному Бастиону и расскажи лорду Райну обо всем, что здесь произошло. Скажи ему, что это дело королевской важности. Пусть его люди ищут банду бродячих менестрелей. Их шестеро, лидер одет в желтый дорожный плащ. Надо проверить тракт на восточном и западном направлении. Скорее всего, они направились в Лестран. Мы пойдем на север по тракту, нагонишь нас после.

– Да, мой принц, – воин громыхнул кулаком о нагрудный панцирь и, вскочив на коня, поскакал на юго-запад.

– Небесный Бастион? – переспросил Ульфредин, – Это еще что такое?

– Это замок лорда Саладора Райна, – ответил принц, – он является наследным командиром Грифоньей Стражи в этих землях. Верьте мне, тан Ульфредин, мы разберемся с вашими обидчиками.

Форинвальд уже успел обработать и забинтовать рану тана, и тот нетвердо встал. Руно-творец заставил его сделать глоток из лилового фиала, собрал принадлежности и ушел помогать раненым. Повозки откатили к краю дороги, пони отвели пастись южнее.

Ближе к вечеру лагерь был поставлен. С северной стороны гномы сложили бревна для семнадцати погребальных костров. На закате гномы и люди собрались перед ними, и тан Ульфредин держал речь.

– Судьба преподала нам страшный урок. Семнадцать наших братьев пали в неравном бою по воле злого рока. Этот день показал, что темная, когтистая рука судьбы не отпускает нас, несмотря на все пережитые нашим народом страдания. Сегодня мне стало ясно, что нам не укрыться от зла, ни за сотнями миль пустоши, ни за горами. Нам должно, наконец-то, встретить грудью все невзгоды, что сулит нам будущее. И веками новой жизни, новой славы, доказать, что наши братья погибли не зря.

К тану подошел Гройн и вручил ему пылающий факел. Ульфредин приблизился к рядам погребальных костров.

– Я, тан Ульфредин Первый, из рода Камнебородов прощаюсь с тобой, могучий Дефургар. С тобой, хитроумный Бардульф. С тобой, стойкий Догурдин. С тобой, высокий Тефульгор. С тобой, искусный Фройн. С тобой, громогласный Белигар. С тобой, справедливый Фрайдин. С тобой, мудрейший Корвальд. С тобой, верный Сайгурд. С тобой, красноречивый Киргор. С тобой, устрашающий Бервидольф. С тобой, ловкий Ангурд. С тобой, упрямый Логфар. С тобой, добрейший Мерфольд. С тобой, быстроногий Скиргон. С тобой, почтенный Ворадин. С тобой, бесстрашный Дафтар.

Произнося имя павшего, тан подносил факел к его костру и пламя взвивалось, жадно впиваясь в облитые маслом бревна.

– Встаньте же рядом с предками, достойные сыны гор. Ибо вы не посрамили чести, и доблестью вписали имена свои в скрижали истории. Мы будем помнить вас всегда. А камень помнит вечно!

Все гномы, стоявшие поодаль, подхватили клич тана:

– «Камень помнит вечно!».

Так закончился день.

За ужином гномы не пили вина. Над лагерем не слышно было песен. И не было улыбок на лицах уставших путников. В большом шатре Ульфредин, Скорвид и принц Лоссар еще долго беседовали, гадая кто стоял за этим нападением.

– На простую шайку гоблинов это не похоже, – сказал Лоссар, – у границ мы частенько имеем с ними дело. Трусливый народ, в основном, живут в горах и изредка спускаются для грабежей. Грифонья Стража постоянно выслеживает их среди горных хребтов, но все без толку. В их распоряжениях гигантская сеть пещер в Изумрудных горах. Их там тысячи, но до сегодняшнего дня они не доставляли особых проблем.

– Извечная напасть, – подтвердил Скорвид, – где бы я ни странствовал, почти во всех уголках Миртвальда найдутся племена зеленокожих. Но здесь, я согласен с принцем. Засада, конечно, бестолковая. Но для гоблинов она была слишком хорошо организована. Без грамотного руководства они бы не смогли такое повернуть.

Ульфредин расчесал бороду и хлебнул вина.

– Полагаю, нам здесь рады не все, – сказал он.

– Если бы кто-то из королевского двора был настроен против вас, я бы это знал, – сказал принц, – на большом совете было озвучено единогласное решение принять вас в наших землях. Даже когда отец высказался за передачу Снежного Предела в дар вашему народу, несогласных не было.

– Боюсь, они есть, принц Лоссар. – произнес тан, – Худо-бедно организовать атаку гоблинов, используя уловки, вроде музыкантов, дело непростое. У нас есть недоброжелатель, и он влиятелен. Перечить королю открыто он не стал, но все же это плохой знак.

– Я уверен, тан Ульфредин, никто больше не осмелится вам навредить. Ибо тогда на него обрушится вся мощь королевского гнева.

– Надеюсь на это, но бдительности не убавлю. Я бы хотел еще раз вас поблагодарить тебя, принц. Не каждый гном готов такое сказать, но... без вас бы мы не справились. Я рад, что вы успели.

– Нас всех хранит Анзалл, – сказал принц и залпом осушил чашу вина.

* * *

С рассветом Ульфредин приказал собираться в путь. Он более не желал находиться на открытой местности и хотел быстрее достичь Гранитных Гор, что скрывали за собой суровый Снежный Предел.

В караване осталось чуть больше половины боеспособных гвардейцев, и еще одно нападение могло стать роковым. К обеду гномы продолжили свой путь. Двигались они теперь медленнее, тем более, что дорога постепенно шла в гору. Впереди виднелись скалы Зеленого Нагорья, как называл его Лоссар. Эти скалы располагались между лесами на западе и востоке, а между ними был пологий склон, по которому вилась бурая полоска тракта. На вершине взгорья стояла крепость Касгард, преграждающая путь во внутренние провинции королевства. Она была больше форта Анхель, и гарнизон был вооружен куда лучше пограничных стражей.

Караван достиг крепости на третий день после битвы. Гарнизон подготовился к их появлению, заранее поставив для них лагерь. Многие гномы оправились за время пути и отдыха, и только повязки и хромота выдавала в них последствия недавнего сражения. Лоссар не переставал удивляться крепости гномов, чем закономерно вызывал у них великую гордость. Отдых в Касгарде продлился два дождливых дня. Это время Ульфредин, Скорвид, Лоссар и старый Мастер Пути Фурдар провели над картами северо-восточных земель Алтареса. Гномы узнали, что эти планы были составлены еще во времена первых переселенцев из Ленстрии и с тех пор не обновлялись. По большей части, за рекой Безымянной путников ждали каменистые холмы с редкой порослью колючего кустарника. На юге эти земли граничат с лестранскими лесами, а на севере упираются в Гранитные горы. На востоке холмы плавно спускаются к скалистому берегу, за которым ворочает могучими волнами величественный и холодный Океан. Суровый климат и отсутствие легкодоступных ресурсов так и не позволили заселить эти территории. Со временем их прозвали Серыми холмами.

Как только дорога просохла, караван снова двинулся в путь. Мощный камень тракт сворачивал прочь, на запад, и вел в столицу королевства – светлый город Каленост. Однако путь гномов лежал на восток, и они могли довольствоваться лишь разбитой грунтовой дорогой, что вилась среди полей пшеницы и кукурузы. Принц сообщил, что даже эта дорога оканчивается у святилища Латиссы, а дальше лежат нехоженые земли.

Теплые лучи весеннего солнца грели путников. Ульфредин по обычаю возглавлял вереницу повозок и старался держаться в седле подобающе тану, несмотря на сильную боль в раненой ноге. Скорвид, как было решено после нападения, шел в замыкающем отряде. Его скауты сопровождали караван поодаль, ведя наблюдение за северной и южной сторонами тракта. Тан и принц в сопровождении рыцарей и гвардейцев двигались в головном отряде.

В пути Лоссар рассказывал Ульфредину об истории и обычаях своей страны. Принц поведал, что его народ не всегда жил в этих землях. Алтаресу, как королевству, едва исполнилось шесть сотен лет. Первые поселенцы пришли с юга. Измученные тяжким путешествием и прочими невзгодами тех лет, они наконец-то нашли то, что искали. Эти земли звались Остро-

лиственными Долами. Леса в то время простирались многими милями, и земли полнились живностью. Из разумных рас здесь жили немногочисленные эльфы и племена валкаров. Годы стремительной экспансии людей привели к тому, что эльфы, в большинстве своем, ушли, оставив лишь несколько анклавов на западе королевства близ Эльферата. С валкарами и вовсе не удалось ужиться в мире. Постоянные стычки, в конце концов, переросли в полномасштабное противостояние.

– Их изгнали на север. Возможно, они и сейчас там живут, укрывшись в необжитых землях. После войны они так и не оправались, поэтому мой отец не считает их угрозой для вас.

Ульфредин посмотрел на принца со смешанным чувством изумления и гнева.

– Почему я слышу об этом только сейчас? – спросил он, – Если в долине нам грозит малейшая опасность, я должен знать об этом, Лоссар.

– Уверяю тебя, досточтимый тан, наши люди не пытались от вас это скрыть. Народ уже давно забыл о них. Да, некогда они были многочисленны и воинственны. Но это время позади. Их полузвериная культура не позволила им восстановить былую силу в столь суровом крае. Наши скауты десятилетиями не встречали их у границ необжитых земель. Может статься, они и вовсе исчезли с лица земли.

Ульфредин отвернулся от принца, и со злостью ударил кулаком о колено, и тут же сморщился от острой боли, пронзившей раненую ногу. Закрыв глаза, тан тяжело вздохнул и, снова обернувшись к принцу, произнес:

– Принц Лоссар, после того, что ты для нас сделал, я всецело доверяю тебе. Но прошу, будь со мной откровенен. Пойми, я в ответе за свой народ. Я должен знать, куда его веду и что нас там ждет. Ведь если я буду слепо идти вперед, полагаясь лишь на собственную храбрость и гордыню, коими наш народ наделен с избытком, то могу привести их к гибели. И чем тогда я буду лучше...

Тан опустил взгляд.

– Мы верим вам, люди Алтареса. – продолжил он, – Не играйте с нашей дружбой.

Глава 2. Холодный прием

Теплые проблески уходящего лета окончательно отступили под натиском осенних ветров. Порывы холодного воздуха пробирали до костей. Гномы кутались в подбитые мехом плащи, заранее сшитые для них в столице Алтареса и выданные комендантом Касгарда. Хмурое свинцовое небо тяжелым сводом нависло над землей, отражаясь в темном потоке реки. Вдалеке раздался вой, похожий на волчий.

Скорвид стоял на высоком берегу, нависающим над водой и пристально вглядывался в туманную даль. После рассказа Ульфредина о валкарах, он снова шел в головном отряде, тщательно изучая окрестности. Однако, никаких признаков жизни, за исключением редких животных и птиц, он до сих пор не обнаружил. Прошел день с тех пор, как принц Лоссар покинул караван и отправился назад в Каленост, чтобы, как он выразился, продолжить расследование нападения гоблинов. Гномы прошли по старой разбитой дороге мимо святилища Латиссы и вплотную подошли к реке Безымянной, когда погода начала портиться. Скауты подтвердили слова людей о том, что река спускалась с гор на севере и скрывалась в дубовых лесах Лестрана на юге. Без лодок нам ее не пересечь.

Рядом раздалися шаги и из-за холма появился тан в сопровождении Гройна. Они приблизились к Скорvidу.

– Что-нибудь заметил? – спросил Ульфредин.

– Эти земли словно вымерли, – проговорил скаут, – Надеюсь, в Долине живности будет больше, иначе мы не переживем первой же зимы.

– С едой проблем не будет. Форинвальд завалил одну из повозок мешками лозовых семян и подземных грибов. Также, не забывай про клоттеров. Эти зверюги живут в пещерах под всеми известными горами. Не думаю, что Гранитные горы будут исключением.

Ульфредин подошел к самому краю обрыва и пнул валявшийся на земле булыжник. Тот почти беззвучно покатился вниз, пока не скрылся в густых зарослях камыша.

– Нам нужны лодки, – проговорил Скорвид, проследив за укатившимся камнем, – Самое меньшее, пять. А еще один плот побольше, для пони. На севере у подножия гор достаточно сосен для этого. Надо отправить отряд, пусть заготовят дерево.

Тан кивнул и обернулся к сенешалю:

– Займись этим, Гройн. И дай рабочим пятерых гвардейцев в сопровождение.

– Да, владыка, – поклонился воин и направился прочь.

Какое-то время два гнома стояли молча, думая каждый о чем-то своем. Потом Скорвид снял из-за плеча арбалет, склонился уперев могучее оружие в землю и принялся его заряжать. Ульфредин молча наблюдал за ним, пока скаут ловко приводил сложные механизмы в готовность. Шесть арбалетных болтов оказались на своих местах, пружина была взведена и старый гном завершающим движением заблокировал пусковой рычаг предохранителем. Наконец, выпрямившись, гном посмотрел на своего тана с озорной улыбкой.

– Давненько я не устраивал одиночных вылазок. Хочу посмотреть, хоть одним глазом, на твои новые владения, дружище.

– А ты не слишком стар для таких дел, почтенный мастер скаутов, мм? – подмигнул ему Ульфредин, – Как бы не пришлось тебя выручать, как в тот раз в Глухомани. Когда ты выбежал из ночного леса с выпученными глазами, удирая от разбуженного из спячки медведя.

– Да, мне не стоило тем вечером налегать на пиво, – почесав голову, сказал Скорвид, – но я рад, что медведя оставили в живых. В ту ночь, отогнав его обратно в лес, ты спас честь моей семьи. Величайшим позором было бы для меня, последнего из клана Медвежьего Утеса, погубить зверя, являвшегося священным символом моего рода. И все же, к утру я стал полным посмешищем в глазах всего каравана.

– Не бери в голову. Мы все испытывали гордость, увидев, как быстро может бегать наш лучший разведчик!

Скорвид бросил на тана прищуренный взгляд. В ответ Ульфредин лишь пожал плечами. Через мгновение оба бородача в голос расхохотались, заставив вспорхнуть из прибрежных зарослей камыша дюжину диких уток.

* * *

Несколько часов спустя, когда ночь накрыла звездным одеялом лагерь гномов, Ульфредин сидел в своем шатре и задумчиво вертел в руках старинную бронзовую головоломку. Она представляла собой шар, состоящий из небольших шестиугольников. Каждый ряд был подвижен, а на поверхности гексов были вырезаны лики подгорных владык древности. Ряды шара были подвижны и легко перемещались вертикально, горизонтально и наискось. Смысл загадки заключался в том, чтобы расположить гексы в соответствии с очередностью правления и влиятельностью клана каждого из изображенных на них танов. Если все сделать правильно, в шаре открывался потайной отсек, в котором хранилась одна из реликвий клана Седоруков, великих изобретателей и изготовителей подобных устройств. Ульфредин не мог открыть этот шар с самого детства. Не потому, что он был не сведущ в истории Берегонда. О нет, он прекрасно разбирался в истории, знал гербы, могущество и численность каждого из сорока великих кланов. Причина его неудачи была проста, как кузнечный молот – грушка была сломана.

Отбросив бесполезный предмет в походный сундук, он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и стал погружаться в пленяющую дрему. Постепенно его слух притупился, и он больше не слышал потрескивания огня в жаровне и приглушенных голосов болтающих снаружи стражников. Перед его мысленным взором проплывал плотный белесый туман, застилающий все вокруг. Туман расползлся, и его становилось все больше, пока Ульфредину не почувствовал, что полностью окутан странной тягучей дымкой. Затем он узрел впереди черную точку. Она стала шириться и пускаться в стороны темные длинные щупальца. Туман отпрянул и тело Ульфредина обдало прохладой. Точка уже превратилась в пятно и приближалась. Воздух вокруг гнома стал очень холодным, и в тот миг, когда белесый туман полностью растворился под натиском темного нечто, тело тана словно рвануло вперед, окунувшись в беспроглядный мрак ледяной тьмы.

Гном не сразу понял, что проснулся. Вокруг было темно и холодно, а за полотном шатра царил странная тишина. Стены шатались под порывами ветра, однако все звуки словно исчезли. Тан привстал, но кресло даже не скрипнуло.

– Что же это? – растерянно спросил сам себя Ульфредин. Его голос прозвучал оглушительно на фоне абсолютной тишины. Гном схватил с земли толстый меховой плащ, накинул на плечи и двинулся было к пологу шатра, когда понял, что выход ему преградила высокая фигура в длинном дорожном плаще. Его лицо скрывал глубокий капюшон.

– Мое почтение, господин гном, – произнес насмешливый голос, – прошу прощения, что прервал твой дивный сон.

Ульфредин отпрянул и кинувшись к постели, выхватил из под одеяла гвардейский топор. Тан встал в боевую стойку, занеся оружие над головой.

– Кто ты такой? – закричал он. – Назови свое имя, безумец, и я высеку его на твоём надгробии!

– О, как это мило. Ты меня не узнал, мой маленький грозный друг? Хотя, конечно, наша встреча была весьма мимолетна. Да и кто вообще обратит внимание на старого дряхлого музыканта в компании молодых и остроумных актеров, ведь так? У такой важной персоны как ты, есть более насущные заботы, нежели общение с малознакомыми типами, едва ли заслуживающими внимания.

Глаза гнома наконец привыкли к темноте и он разглядел протертые дыры и грязь на старом желтом плаще.

– Ты Неандер! – воскликнул Ульфредин, – Тот старик с дороги!

– Превосходно! – захолопал в ладоши незнакомец, – Выходит, ты еще не до конца развел мозги своей вонючей выпивкой. Только прошу тебя, не шуми так сильно. Твои солдаты спят, и я не хотел бы, чтобы ты своими воплями устроил в шатре военный парад.

От гнева у гнома перехватило дыхание. Кровь в висках стучала, словно молот по наковальне. Он отбросил в сторону топор и, сделав шаг вперед, прорычал:

– Клянусь предками, мне не нужна ничья помощь, чтобы убить тебя здесь и сейчас голыми руками!

Гном бросился на незваного гостя, целясь кулаком в подбородок. Но его рука описав широкую дугу, лишь рассекла воздух в том месте, где мгновение назад стоял старик. Вмиг развернувшись, гном увидел, что незнакомец сидит в его кресле, закинув ногу на ногу.

– Это было очень... хм, эффектно! Да, вот нужное слово. – все так же издевательски продолжал он.

– Как ты это сделал? – растерянно произнес Ульфредин, уставившись на старика.

– Годы практики, – улыбаясь, ответил Неандер. – Долгие годы. А теперь, если ты вдоволь порезвился, я бы хотел наконец перейти к цели моего визита. Как ты, наверное, догадался, кое-кто был бы очень недоволен появлению гномов в столь неподходящее время.

– Кто этот «кое-кто»? – спросил старика гном.

Лицо Неандера на миг передернуло от злости, но он сдержался. И через мгновение снова заговорил с насмешливым выражением на лице

– О, в свое время ты непременно познакомишься с моим... хм, нанимателем. Но пока тебе не нужно знать никаких имен. Тем более, что бестолковые бродяги-музыканты умудрились разболтать принцу мое.

Ульфредин медленно прошел вдоль стены шатра, не сводя взгляда со старика, и остановился рядом с брошенным на землю топором.

– Нападение гоблинов – это твоих рук дело? – спросил тан.

– Разве что самую малость, – проговорил Неандер, – хотя я не привык вести дела с грязными варварами. От них больше вони, чем толку. Я предпочитаю действовать изящнее. Но не могу отрицать того, что я пытался повлиять на исход вашей битвы в их пользу. Принц Лоссар – человек чести и острого ума, приходится это признать. Но вот с чувством юмора у него довольно плохо. Помнишь того толстого коротышку, что был с нами на тракте? Твои гномы души в нем не чаяли, а дети хохотали так, что им приходилось менять исподнее! А вот наш принц даже не обратил на него никакого внимания. Бедняга толстяк старался как мог: ходил на руках, с размаху налетал на дерево, но ему так и не удалось позабавить этого королевского чурбана. В итоге принц поскакал дальше, и помешал зеленокожим завершить начатое.

Неандер закрыл глаза и покачал головой в притворной печали.

– Но, как известно, в любом деле бывают неудачи. И вот я здесь. Мой наниматель пожелал бы, чтобы я лично передал тебе его послание. Ты храбро бился с гоблинами, и твой народ обожает тебя, несмотря на то, что ты их чуть не погубил. Я уверен, что полюбит еще больше, после того, как ты приведешь их в безжизненную ледяную пустыню, о тан промерзших сугробов!

– Кончай трепаться, – сухо сказал Ульфредин, – Если тебе есть что передать, говори сейчас, или прочь с моих глаз, покуда ноги целы.

– А ты не ахти какой собеседник, да? – растягивая слова, произнес старик, – Впрочем, ладно. Мой наниматель поздравляет тебя с прибытием в эти прекрасные земли и надеется, что ты и твой народ будете довольствоваться тем щедрым даром, коим вас благословил наш добрый король, да будут долги его лета. Вы вольны жить в своей зубодробительно-прекрасной долине и не совать носа, за берег реки Безымянной. Более того вам не следует вмешиваться в любые

события, происходящие в королевстве, так как это исключительно дела народа Алтареса, и бородатоголовых карликов эти дела никоим образом не касаются. Быть может, однажды мой наниматель встретится с тобой лично, дабы убедиться, что ты послушный гном. Однако, он себя не выдаст и ты можешь вовсе не узнать об этой встрече.

Неандер замолчал, обвел взглядом помещение шатра и внезапно остановился на поношенном сундуке, стоявшем рядом с креслом. Бесперемонно запустив в него руку, он достал оттуда блестящий бронзовый шар и с любопытством начал вертеть его перед глазами. Ульфредин бросил взгляд в сторону полога шатра. Сквозь щель возле самой земли уже виднелась синева занимающегося рассвета.

– Ты слишком задержался, ублюдок, – с мрачной решимостью проговорил тан, – Через минуту по моей команде на ногах будет весь лагерь. Тебе не уйти, старик.

Неандер оторвал взгляд от игрушки и посмотрел на гнома. Ульфредин с изумлением уставился на его лицо.

– Старик? А может быть, ты обознался, старый гном? – произнес молодой мужчина с длинными черными волосами, все в том же рваном желтом плаще. Голос Неандера преобразился как и его лицо. Все так же держа шар на уровне лица, он произнес низким угрожающим басом:

– И долго будут слушаться гномы тана, который и глазам своим-то доверять не может? Как я уже сказал, твои солдаты спят. Это особый сон. Проснутся они лишь тогда, когда я пожелаю. Сейчас ты один и ты в моей власти. Твоя долгая жизнь может прерваться, стоит мне только захотеть. Но я здесь не для этого. Запомни все, что я тебе сегодня передал, Ульфредин. От этого зависит не только твоя жизнь. Весь твой народ на волоске от гибели. Их от нее отделяет только размер твоей гордости. Подчинишься – будет тебе мир. А если нет, то стычка с гоблинами покажется тебе детской шалостью, после того, что сделает со всеми вами мой господин.

– Ну хватит! – заорал Ульфредин. Одним рывком он поднял с земли боевой топор и вложив все силы, метнул его в противника. Раздался оглушительный звон и грохот. В предрассветном сумраке шатра мелькнули искры. В воздухе витал едкий дымок, и тан, кашляя и сплевывая, вслепую бросился к выходу. В этот момент полог распахнулся и в шатер ворвались гвардейцы во главе с Гройном.

– Владыка, ты в порядке? – взволновано спросил сенешаль.

– Как вы его проморгали? – закричал на него Ульфредин.

Гройн испуганно оглядел шатер.

– Кого, владыка? Гвардейцы не смыкали глаз ночь на пролет, клянусь, сам проверял!

Ульфредин обернулся и, не веря своим глазам, уставился на кресло. Тяжелый боевой топор всем лезвием вошел в его оголовье. Кроме гномов, в шатре никого не было. Тан подошел к креслу и поднял с сидения расколотый ударом топора бронзовый шар. Изнутри искореженной игрушки исходило слабое свечение. Ульфредин перевернул шар и на его ладонь выпал маленький, размером с детский кулачок, кристальный ключ. Свечение исходило от него. Темно-синий на поверхности и затемненный внутри, в тусклых лучах пасмурного рассвета он переливался крошечными серебристыми вкраплениями. От созерцания столь прекрасной вещи тана отвлек доносившийся словно издалека голос Гройна:

– Тан Ульфредин, что здесь произошло?

Ульфредин, не в силах отвести взгляд от ключа, произнес:

– Форинвальда ко мне. Немедленно.

* * *

Снежные хлопья медленно падали на землю. Колючий морозный воздух спустился с гор, и небо окончательно затянули стальные тяжелые тучи. Время шло к закату. Скорвид чувство-

вал это, хоть солнца и не было видно. Плотнее закутавшись в выдавшую виды медвежью шкуру, он медленно брел, пробираясь через сосновую чащу. Стволы величественных сосен были очень высоки, и первые короткие ветви появлялись на высоте около тридцати футов от земли. Их кроны были не так густы, как у лиственных деревьев, поэтому снег беспрепятственно валил из недр угрюмых небес, постепенно укрывая мягкую от старой опавшей хвои землю.

Шел второй день одинокой разведки гнома. Переплыв Безымянную в самом узком месте, которое только смог найти, он на некоторое время остановился на опушке леса. Отогревшись и высушив вещи, Скорвид двинул на север, в лес, стараясь держаться его окраины. Так можно было следить за равниной, не попадаясь никому на глаза. Хотя гному хватило даже беглого взгляда на серую равнину, дабы понять, что вряд ли ему здесь встретится хоть одна живая душа.

К концу дня Скорвид понял, что приблизился к подножию Гранитных гор. Воздух стал чище и холоднее. Лес был скован морозом, и старому гному пришлось не раз просыпаться от боли в конечностях и подкидывать в костер все большие порции дров. А на рассвете снова пошел снег. Сначала по лицу скаута забили мелкие ледяные крупинки, но уже через час вокруг него, словно белоснежные вихри замелькали большие хлопья пушистого снега. На второй день пути, после обеда, Скорвид свернул на северо-восток, и так же, не теряя из виду холмы, с трудом побрел сквозь белые сугробы.

Снег был не единственной проблемой на пути старого гнома. Земля все больше шла под уклон и Скорвид не раз вспоминал свою навеки ушедшую юность, когда такие переходы могли считаться обычной послеобеденной прогулкой. Остановившись, он перевел дух и огляделся. Вокруг, словно бесчисленные копыя, возвышались стволы могучих сосен. Вдоль по склону в изобилии рос густой колючий кустарник. Сквозь рваное снежное покрывало на кустах Скорвид заметил ярко зеленые ягоды. Не сдержав любопытства, он нарвал горсть этих ягод, завернул их в ткань и закрепил узел на поясе. «Форинвальду стоит на них взглянуть», – подумал гном.

Неподалеку от куста Скорвид увидел лежащую на земле ветку. Скаут подошел к ней и взял ее в руки. Было странно, что эта ветка не была сосновой. На проверку она оказалась жесткой и прочной, а длиной была почти в рост Скорвида. Гном снова оглядел окруживший его лес в поисках дерева, которому она принадлежала, но вокруг были лишь сосны, да странные кусты. Задумчиво почесав бороду, старый гном перехватил ветку правой рукой, словно посох и с ее помощью двинулся дальше. Теперь идти получалось гораздо быстрее.

Когда невидимое за плотными облаками солнце наконец закатилось за край мира, даже такой опытный следопыт как Скорвид вынужден был остановиться на ночлег. Он нашел небольшую прогалину, со всех сторон окруженную кустарником и старыми соснами. Сложив вещи у дерева, Скорвид пошарил вокруг в поисках топлива для костра: благо недостатка в нем в лесу не было. Разведя костер, гном нарубил несколько веток кустарника, прикопал их в снегу и, использовав медвежью шкуру, соорудил импровизированную палатку. Затем он перекусил вяленным мясом и сушеными фруктами. Пиво, которое он захватил с собой в небольшой фляге, давно выдохлось, и гном с сожалением вылил его. Вместо хмельного напитка для утоления жажды он растопил немного снега и наполнил флягу талой водой.

Гном долго сидел у дружелюбно мигающего огня, обрезая сучья со своего новообретенного дорожного посоха. Закончив с этим, он грубо вырезал на толстом конце ветви контуры медвежьей головы, пообещав себе закончить работу позже. А тем временем, снегопад стихал, становясь все слабее, пока наконец не прекратился вовсе.

В этот миг ночные облака немного разошлись и сквозь рваную брешь с небес выглянул изумрудный месяц. Несмотря на то, что Скорвид сидел у костра, отраженный снегом лунный свет залил весь близлежащий лес, сразу выдав нескольких кроликов и лисицу, оказавшихся неподалеку. Гном привстал и оглядел чащу, преобразившуюся словно во сне. Лунный свет переливался на снегу всеми оттенками зеленого, заставляя его неистово блестеть.

Это напомнило Скорvidу о детстве, проведенном в Селевъярдее, самом северном королевстве гномов, таящемся среди заоблачных вершин Титановой Гряды. Он помнил тот странный воздух, от которого иногда кружилась голова, бесчисленные ночи под бескрайним звездным куполом на вершине мира. Там было много снега. Он выпадал каждый день, а с наступлением темноты, тучи неизменно рассеивались, даря обитателям гор прекраснейшие ночи на земле.

Города гномов располагались на склонах почти у самых горных вершин. Искусно вырезанные в камне дворцы и залы, могучие бастионы и мосты через пропасти, словно короны, венчали три самых высоких горных пика. Альторгор, Садренаг и Белернас. Три крупнейших города северных гномов каждые семьдесят лет соревновались между собой за право являться столицей королевства Селевъярд. Скорвид долгое время прожил в Садренаге, в “Среднем брате”, как называли этот укрепленный город в народе. В памяти гнома навсегда остались его фантастически прекрасные парки с кристальными деревьями, улицы освещенные газовыми фонарями, музеи с диковинными предметами и дворцы богатейших кланов. Вместе со своим отцом, Гильдорфом, и многочисленными братьями юный Скорвид ходил в свои первые походы. Они охотились на горных козлов, оленей и волков, продавая шкуры и мясо в городе. Клан Черного Медведя славился своим охотничьим мастерством во всем королевстве, а дед Скорвида, Бервольд, был членом большого совета Садренага. Это были дивные и радостные дни. Дни спокойствия и благоденствия. Среди величественных гор время течет иначе, чем где бы то ни было. Минуло шестьдесят семь лет со дня рождения Скорвида, прежде чем его в первый раз призвали на войну...

Резкий звук, похожий на треск, привлек внимание скаута. Гном ловко вскочил на ноги и потянулся за прислоненным к дереву арбалетом. Вдруг земля ушла из под ног, и старый следопыт тяжело рухнул в толщу мокрого снега. Лес в одно мгновение наполнился мерзким лаем и рычанием, со всех сторон жалобно трещали ломающиеся ветви кустов. Пытаясь понять, что же его опрокинуло, Скорвид подобрал ноги и с изумлением увидел обвитую вокруг голени веревку. Сильно воняло псиной. Арбалет все так же стоял у сосны, и гном попытался отползти в его сторону, когда веревка внезапно рванула его назад и скаут снова повалился лицом в грязное снежное месиво.

* * *

Форинвальд все утро провел наедине с кристальным ключом в собственной палатке. Ульфредин четыре раза приходил к нему за новостями об исследовании предмета, но старый маг лишь раздраженно просил не отвлекать его от выполнения своих прямых обязанностей. В итоге тан поручил наблюдения за рунотворцем своему сенешалю, а сам занялся приготовлениями к переправе.

Недавний ночной визит таинственного мага все так же не давал тану покоя, но он решил не подавать виду. Среди гномов и так уже ходили слухи о его странном поведении позапрошлой ночью, а стражи его шатра теперь почти всегда дежурят молча. «Должно быть, прислушиваются, не заговорю ли я снова с воображаемыми гостями» – думал Ульфредин. Нет, конечно он не выдумал все это. В тот вечер Ульфредин почти не пил, да и расколотый бронзовый шар как нельзя красноречивее говорил о том, что все было на самом деле. Кто бы ни был этот колдун, он обладал могущественной силой, если мог внезапно появляться, исчезать и погружать в сон целый лагерь гномов. Гройн до сих пор клянется предками, что двадцать пять гвардейцев, не считая его, почти всю ночь просидели у костра, травя байки и рассуждая о том, что ждет их в Снежном Пределе. Солдаты все подтвердили. На рассвете стражники уже подумывали трубить подъем. В этот миг в шатре тана раздался звон и жуткий треск, когда топор Ульфредина угодил в оголовье кресла.

Тан тряхнул головой, словно отбрасывая надоевшие воспоминания, и двинулся вдоль палаток и телег в сторону берега реки, где в это время кипела работа. Гномы сновали тут и там, таская длинные бревна и ведра смолы. Плотники орудовали топорами и киянками, сбивая вместе обтесанные сосновые доски на каркасе будущих лодок. Две уже были готовы, их обрабатывали смолой, еще три лодки плотники обещали закончить к вечеру. Неподалеку трудилась дюжина гномов, сооружая бревенчатый плот для перевозки пони и разобранных телег. Платформу плота сбили из обработанных бревен. К низу по краям платформы закрепили пустые бочки из-под пива для того, чтобы плот даже под большим весом мог уверенно держаться на плаву.

Тан увидел у самого берега Гройна и направился к нему.

– Мой господин, – поклонился сенешаль, – работы ведутся без перерывов. Завтра утром мы пошлем первый груз на другой берег.

– Хорошо. Обязательно разбуди меня перед этим. Я отправлюсь на первой лодке и возьму с собой несколько гномов. Пока будут переправляться остальные, мы начнем ставить лагерь на том берегу.

– Как прикажете, повелитель.

Ульфредин какое-то время молча смотрел на северо-восток, за холмы.

– От Скорвида нет вестей? – наконец спросил тан.

– Нет, владыка, – тихо проговорил Гройн, – Если пожелаете, я направлю за ним пару его скаутов...

– Ни в коем случае! – воскликнул Ульфредин, – В последний раз, когда я отправил на его поиски дюжину гвардейцев, он со мной неделю не разговаривал. Кажется это было у Теплых Водопадов, на западе Глухомани. Он обиделся на то, что я, якобы ставлю под сомнение его навыки. Упрямый старик, все еще считает себя молодым.

– Так или иначе, мой господин, его умение выслеживать опаснейших тварей, при этом мастерски избегая опасностей, всем хорошо известно. – с усмешкой сказал сенешаль, – Я уверен, почтенный Скорвид скоро вернется.

– И возможно, с парой другой медведей на хвосте, – подмигнул Гройну тан.

Борода скрыла улыбку сенешаля, и он, поклонившись, направился раздавать новые указания гномам, только что прибывшим из лагеря.

Ульфредин еще немного походил вдоль берега, разминая ноги, а затем вернулся в лагерь и направился в свой шатер. Там его уже поджидал чрезмерно взволнованный Форинвальд. Стражник что-то шепнул магу и он, обернувшись, заковылял в сторону тана.

– Тан Ульфредин! – закричал он, едва не врезавшись в гнома, – Я кое-что нашел! Вам нужно взглянуть на это!

– Тише, Форинвальд. Черт тебя дерь, ты весь лагерь на уши поднимешь. Говори спокойнее, что ты узнал?

– Мой тан, этот ключ, который вам удалось найти... а это именно ключ, так как вы могли заметить у него своеобразную форму...

– Форинвальд! – рявкнул на рунотворца Ульфредин, – Просто скажи мне, что это за ключ?

– О, нам лучше пройти в мою палатку. Там я покажу вам манускрипт, прихваченный мной из Бергонда. В нем упоминается о клане Седоруков и их творениях. Вы сможете своими глазами прочесть то, что мне удалось найти.

Произнеся это, Форинвальд загадочно улыбнулся и указал тану на стоявшую вдалеке небольшую палатку, а затем двинулся в ее направлении, тяжело опираясь на древний обсидиановый посох. Ульфредин последовал за ним. По дороге старый чародей все время что-то бубнил себе в бороду, но тан, как ни силился, расслышать ничего не смог.

В лагере, тем временем, становилось все оживленнее. В центре стоянки разжигались костры, и женщины уже занимались приготовлением ужина. Дети под присмотром стариков собирали вещи и раскладывали их по мешкам, готовя к переправе. Холодный восточный ветер сменился южным, и в лагере стало немного теплее. «Последнее тепло перед долгой зимой» – с грустью подумал Ульфредин. Снежный Предел – земля вечных морозов. Судя по тому, что успел рассказать ему принц Лоссар, снега в той долине выпадали часто, а оттепель была редка и краткосрочна. Сугробы наматывает местами выше человеческого роста, а ледяной ветер способен содрать с лица кожу. «Скорвид, с его любовью к Селевьярдуу, будет в полном восторге».

Тем временем, они прибыли к палатке мага. Старик отодвинул полог и жестом предложил тану войти. Полумрак и едкий запах неизвестных зелий окутал Ульфредина. Он прошел через небольшое открытое пространство посреди моря разбросанных по земле колб, ингредиентов и страниц с неразборчивыми записями. Следом за ним вошел сгорбленный маг.

– Прошу вас, мой тан, присаживайтесь, – торопливо указал Форинвальд на низкий расшатанный табурет.

Тан хмуро покосился на выдавший виды стул и решил постоять. Старик преодолел завалы в углу палатки и, добравшись до стола, стал шарить по нему руками, словно пытаясь найти что-то на ощупь. Ульфредин внимательно и настороженно следил за ним.

– Здесь, – бормотал рунотворец, – Он где-то здесь, сейчас.

– Форинвальд, – тихо позвал старика тан.

– Мгновение, мой тан! Я оставил его где-то здесь. Вот растяпа. Я же точно помню, что положил его сюда. – Старик продолжал неловко перебирать все попавшиеся на столе вещи, некоторое время вертя их в руках и отбрасывая в сторону.

– Ах, вот он! Вот он, мой тан! – вдруг воскликнул маг.

Он все так же стоял возле стола, спиной к Ульфредину и воздев руки вверх, сжимал в пальцах мерцающий предмет.

– Форинвальд. Повернись и посмотри на меня, – строго сказал тан.

Старик затих и опустил руки. Затем он медленно развернулся.

– Вы верно заметили, повелитель. Мои глаза... Реликвия забрала их. Ну, то есть, глаза на месте, однако я ими почти не вижу. Я догадывался, что его свет не безопасен, но другого пути изучить его нет и быть не может. Я принял все меры предосторожности и все таки ослеп.

Форинвальд грустно улыбнулся и опустив замутненные глаза, тяжело прошел мимо изумленного Ульфредина.

– Да чтоб тебя, – с горечью проговорил тан. – Ты чем думал, старик? Считаешь, это было разумно? Ты, единственный рунотворец в этом походе, сознательно лишил себя важнейшего для твоего ремесла инструмента. Зрения! И ради чего? Ради жалкой безделушки, коих Седоруки наделали десятки тысяч!

Ульфредин раскраснелся и заходил взад-вперед, топчась коваными сапогами стеклянные сосуды и прочий хлам. Затем остановился и, резко повернулся к старому магу, стараясь изо всех сил сдержать подступающий гнев.

– Говори, маг, что ты узнал? Клянусь бородой, если это что-то не представляющее ценности, то я произведу тебя в летописцы и ты до окончания жизни будешь сидеть в окружении пыльных фолиантов, не имея возможности даже перечитать их!

– Не самая страшная участь, мой господин. Но вы правы. Я не должен был так рисковать. Уверенность в собственном опыте и навыках пересилила страх, и я прочитал эту реликвию. Скажите, тан Ульфредин, что вы знаете о Шутках Седоруков?

– То же, что и все, – раздраженно сказал тан, – коллекция игрушек, созданная кланом Седоруков в их вотчине в Сапфиновых горах.

– Верно, верно. Но у этих было одно важное отличие, о котором знают далеко не все. Вы слышали что-нибудь о нем, мой господин?

– Говори, старик, – Ульфредин уже начинал терять терпение, – Говори все, что знаешь и быстрее.

– Во все свои изделия и головоломки, Седоруки прятали небольшие безделушки. Каждая несла в себе кусочек их истории и обычаев. А разгадывая секреты таких игрушек, другие гномы больше узнавали об их великом клане и его богатой истории. Как вы верно заметили, Седоруки успели создать десятки, да что там, сотни тысяч таких головоломок. И в каждую был вложен особый предмет. Эти безделушки не несли в себе каких бы то ни было сверхъестественных свойств. В некоторых шарах предметы повторялись. Это могли быть наконечники ферральных стрел, кольца Десяти Невест, око Арольфа и многие другие предметы, так или иначе что-то значащие для клана изобретателей. Но эти все игрушки были сделаны лишь после того, как Седоруки в совершенстве овладели мастерством их создания. В наше время все их творения называют Шутками Седоруков, но это заблуждение! Шутки это лишь несколько игрушек. Все они носят форму шара, но в отличие от своих более поздних собратьев содержат в себе отнюдь не жалкие символы истории. В четырех самых первых шарах когда-то были заключены древние артефакты, принадлежавшие верховным владыкам Сапфировых гор!

Ульфредин стоял с каменным выражением лица и не сводил глаз с мага. Тот протянул в открытой ладони сияющий во мраке палатки кристалл. Тан медленно подошел к магу и взял ключ из его ладони. Взгляд Ульфредина снова был прикован к прекрасному предмету. Таинственно мерцающие вкрапления на поверхности ключа притягивали взгляд, заставляя подносить его все ближе и ближе к глазам.

Форинвальд резким движением вырвал из рук тана сияющий ключ и завернул его в черную бархатную ткань. Ульфредин заморгал, из глаз его покатались слезы.

– Как и обещал, я дам вам манускрипт, написанный Вельдом Седоруком. В нем вы сможете подробнее узнать о том, какую силу их клан укрыл в простых, казалось бы, игрушках. Истинные реликвии коварны, мой господин. Зрение, это не самое большее, из того, что они могут у нас забрать. Ключ я пока оставлю у себя, теперь он для меня опасен менее всего. Я постараюсь тщательнее изучить его и если что-нибудь обнаружу, незамедлительно сообщу вам.

Ульфредин вытер глаза, и наконец, когда жжение в них ослабло, обратился к магу:

– Ты не сказал, самого главного. Этот ключ. От чего он? Если это древняя реликвия Седоруков, то что он открывает? Сокровищницу в руинах Сапфировых Чертогов?

– Боюсь, сейчас мне нечего вам рассказать. За более чем семь сотен лет исследований я впервые так близко подошел к изучению подобного артефакта. И вы видите, к чему это привело, – Форинвальд поднес руку к глазам.

Ульфредин посмотрел на маленького сморщенного мага. И в этот миг ему стало так жаль этого старика. Тот стоял в углу палатки возле выхода и дрожащей рукой прикрывал отныне бесполезные глаза. Тан рассердился на себя за то, как обошелся с ним. Он подошел к рунотворцу, взял его за плечи и крепко обнял. Через несколько мгновений, отстранившись, тан посмотрел в белесые невидящие зрачки старика и произнес:

– Ты не заслужил тех слов, что я обрушил на тебя, почтенный Форинвальд. Я прошу твоего прощения. Не знаю, стоило оно того или нет. Но я ценю твою самоотверженность. Ты один из самых нужных мне спутников в этом походе. И я прошу тебя беречь себя. Достигнув Снежного Предела без рунотворца, мы погибнем.

Тан вышел из палатки. Форинвальд еще минуту стоял неподвижно, а после, вздохнув, направился к столу. Под ногой хрустнул осколок стекла и рунотворец остановился. Покачав головой, он вернулся ко входу в палатку. Отыскав на ощупь метлу, старый гном принялся выметать из палатки заплонивший ее хлам.

* * *

Воздух был пропитан нестерпимым запахом мокрой псины. Скорвид с трудом разлепил один глаз. Сквозь пелену, застилавшую взор, он едва смог разобрать какое-то движение. Второй глаз открыть не удалось, но судя по боли в этой части лица, досталось ему изрядно. Гном попытался пошевелить пальцами. Это у него получилось. А вот с ногами и руками дело обстояло хуже. По ощущениям, его тело словно стянули стальными обручами. В плечах и выше колен нарастали боль и жжение.

Когда его взор хоть немного прояснился, скаут осознал, что привязан стволу высоченной сосны. Перед ним предстала следующая картина: Две дюжины высоких тварей могучего телосложения сидели в широком кругу вокруг его костра и передавали друг другу по очереди окровавленный козий окорок. Морды у тварей походили на собачьи, как и форма их ног. Их тела под серой и черной шерстью бугрились мышцами. Одеты они были в легкие доспехи из вываренной кожи, а позади каждого из них торчало длинное копьё из темного дерева.

Это были валкары. Он все-таки попался. Сказать, что гном был обескуражен, значило не сказать ничего. За всю свою жизнь он лишь раз попадался подобным образом. Только тогда он был еще безбородым юнцом, а в плен его взяли опытные головорезы. Но сейчас он так просто был схвачен какими-то полудикими собаколюдами! Скорвид испытывал смешанное чувство стыда, злости и страха. Но боялся он не смерти и не боли. У него внутри все холодело от мысли, что следы, оставленные им на снегу, могут вывести валкаров на лагерь его собратьев у реки. Однако дикари, казалось,нисколько не интересовались ни следами, ни даже вещами старого скаута. Медвежья шкура небрежно висела на сломанных ветвях кустарника, а походная сумка была разорвана и ее содержимое было разбросано неподалеку от костра. Арбалета нигде не было видно. Скорвид стиснул зубы. Одна мысль, что какая-то грязная тварь будет трогать руками его драгоценный Многострел, приводила гнома в неопикуемый ужас.

В этот момент раздалась лающая речь, и один из валкаров, покрытый черной как ночь шерстью, встал и вышел из круга. Скорвид попытался притвориться, будто он все еще без сознания. Валкар подошел к связанному гному и, оскалившись, крикнул что-то своим собратьям. Затем он обернулся к гному и приблизил морду почти вплотную к лицу Скорвида.

– Ты не спать, – проскрежетал он.

Скаут удивленно открыл единственный послушный глаз и посмотрел на валкара.

– Хах, Ауф прав! – пролаял валкар. Его лицо снова исказилось в диком оскале, который, видимо, заменял ему улыбку.

– Ты говоришь? – хриплым от жажды голосом спросил Скорвид.

Валкар, которого, судя по всему, звали Ауф, грозно зарычал, придавив гнома к дереву могучей когтистой рукой.

– Ты думать, мы дикарь? Ты считать себя умнее чем валкар? – рычал Ауф, обдавая Скорвида невероятным смрадом из пасти, – Конечно, ты так думать. Ты есть маленький человек. А человек всегда быть враг для валкар. Наш вождь велеть не убить тебя пока. Вождь мудрый. Его зовут Вокхог. Ты показать уважение, когда говорить с ним.

Ауф развернулся и уверенно направился к собратьям. Он подошел к черношерстному поджарому валкару, шепнул ему что-то на ухо, и тот, в свою очередь, что-то ответил Ауфу. Затем небольшой валкар расчесал одной рукой торчащую на загривке шерсть и скомандовал что-то резким гортанным голосом.

Двое собаколюдов внезапно сорвались с места и, подскочив к Скорvidу, перерезали веревки короткими кремниевыми ножами. Когда путы ослабли, гном попытался устоять на месте, но затекшее от нескольких часов бездействия тело совершенно не слушалось. Валкары успели подхватить скаута прежде, чем тот рухнул на землю, и под руки потащили его к костру.

Только сейчас Скорвид понял, как сильно болит его тело. Одно колено не гнулось. Пальцы на правой руке, скорее всего, были выбиты. На лице ощущалась корка засохшей крови. Рубашка была разорвана на плече и под ней виднелась запекшаяся кровь. Тем не менее гному очень повезло. С начала этой вылазки Скорвид много раз прокручивал в голове возможные варианты развития событий при встрече с собаколюдами. И ни один из них, в его представлении, не заканчивался так хорошо, как случилось на самом деле. Он был жив, а значит, его жизнь была в его руках. Хоть и не всецело.

Гнома повалили на почерневший от грязи снег. В этот момент из чащи появились еще валкары. Их было больше, чем тех, что сидели у костра. Всего за пару минут прогалина была полностью заполнена разношерстной толпой человекоподобных псов, а они все продолжали выходить из глубины леса. Скорвид насчитал две сотни, прежде чем сбился со счета.

Вернулся Ауф и грубо схватив скаута за ворот, развернул его лицом к небольшому, и судя по всему, важному валкару, с которым до этого шептался. Шерсть его была серой, как пепел. Он значительно уступал по силе большинству присутствующих собратьев. Однако было в его ярко-серебристых глазах что-то неуловимое, что заставляло чувствовать к нему уважение.

– Я Вокхог, – раскатисто пробасил он, – Ты сидеть на моя земля.

Скорвид молчал и хмуро смотрел на вождя валкаров, пытаясь понять, как ему следует вести себя в этой ситуации.

– Зачем твоя прийти сюда? – спросил гнома Вокхог.

– Я пришел сюда с одной единственной целью, – Скорвид говорил медленно, стараясь подбирать слова и произносить их максимально понятно, – Найти союзников для своего народа.

Валкары в один голос завыли и залаяли. Некоторые повскакивали с мест и забрызгали гнома слюной, выкрикивая что-то на своем грубом языке. Вокхог сохранял спокойствие и все так же пристально смотрел на Скорвида. Потом он поднял руку ладонью вверх и шум стих. Вождь встал.

– Ты пришел сюда искать друзья? – Вокхог покачал головой, – У люди здесь нет друзья. Люди находить здесь только смерть.

Вождь кивнул стоящему позади гнома Ауфу, и тот поднял Скорвида за ворот и выхватил из-за пояса грязный кинжал.

– Стойте! Подождите! Почтенный вождь! – закричал гном.

Ауф уже занес кинжал для удара и посмотрел на вождя, ожидая команды. Вокхог глядел на Скорвида с тем же беспристрастным выражением.

– Ты можешь говорить. Только быстро. Мы уважать слова перед смерть.

– Посмотри на меня, великий вождь. Разве я похож на человека? Да, на первый взгляд отличий мало. Внешне нас выдает лишь рост и сила. Однако присмотришь, о мудрый вождь! Я гном! Принадлежу к народу камня. Прошу тебя, не делай поспешных выводов. Узнай нас получше, прежде чем решать, друзья тебе мы, иль враги.

Вокхог отвернулся и уверенным шагом направился прочь от костра. Ауф продолжал держать гнома в воздухе, готовый в любой момент вспороть ему живот. Скорвид зажмурился и сжался, в любой момент ожидая смертельного удара.

– Герн ойс нассен, Ауф! – донесся голос удаляющегося вождя.

Когтистая лапа валкара отпустила ворот гнома и тот снова повалился наземь. Все тело охватила тупая боль, но он был жив. Сейчас лишь это было важно.

Скорвид поднял взгляд наверх и увидел над собой ухмыляющуюся морду Ауфа.

– И что теперь? – спросил гном.

– Наш вождь мудр. Ты быть живой и дальше. – ответил здоровенный валкар, – Сегодня. – добавил он подумав.

* * *

Ульфредин стоял на краю обрывистого берега, вдыхая холодный утренний воздух, и наблюдал, как гномы оттаскивали лодки к воде. Наконец-то можно было приступить к погрузке. Для этого все было готово. Узкий песчаный берег, был полностью завален всевозможным скарбом: мешки с одеждой, свертки съестных припасов, оружие, детали от телег и прочими, необходимыми в походе вещами. Гномы трудились в две смены, не покладая рук. При этом их энтузиазм нисколько не утихал. Наоборот, казалось, чем ближе становился Снежный Предел, тем с большим рвением они принимались за работу. Прогуливаясь прошлым вечером по лагерю, тан замечал, как гномы радостно делились друг с другом своими планами. Каменщики уже провели пару собраний, обсуждая эскизы для первоочередных строительных работ. Готовились годные к работе инструменты, негодные, чинили или заменяли. Женщины занимались шитьем. Все, собранные за время похода шкуры, теперь использовались для изготовления более теплой одежды, без которой, судя по рассказам принца, в Переделе делать было нечего.

К тану подошел Гройн.

– Мастер-скаут до сих пор не появлялся, повелитель. – мрачно сказал он. – Лазутчики обследовали весь западный берег Безымянной и северный пролесок у самых гор. Нашли только следы, которые мастер Скорвид оставил по дороге на восток. Но ничего, что могло бы указать на его возвращение.

– Спасибо, Гройн. – сухо ответил Ульфредин. – Пусть продолжают наблюдение за восточным берегом. Если что-то обнаружат, я хочу узнать об этом немедленно.

– Да, мой тан. – поклонился Гройн и направился прочь.

Ульфредин спустился с холма и прошел по песку до воды, где квартирмейстер каравана Дервильф раздавал гребцам последние указания.

– Старайтесь забирать немного левее, иначе вас снесет течением. На том берегу, после разгрузки немного передохните и гребите назад. После трех-четырех ходок вас сменят. – наставлял он молодых крепких гномов, выстроившихся вдоль приготовленных к спуску на воду лодок. – Вопросы есть?

– Нет, – вразнойой ответили гномы и потащили лодки в воду.

Днища тихо зашуршали по серому песку. Достигнув воды, лодки бодро закачались на волнах.

Ульфредин остановился рядом с Дервильфом и скрестил руки на груди.

– Как быстро мы сможем переправиться, почтенный квартирмейстер? – спросил он толстого рыжебородого гнома.

– Будем работать в несколько смен. Слава предкам, рук у нас хватает. На ночь, конечно, придется прекратить ходки. Но с первыми лучами солнца снова возьмемся за работу. Думаю, это займет два-три дня, не больше.

– Это слишком долго. – покачал головой тан. – Почему мы не можем перевозить вещи ночью?

– Мой тан, ночи здесь очень темные. А течение у рек с наступлением темноты всегда коварнее дневного. Гномы, конечно, могли бы ориентироваться по кострам на этом берегу, но это все равно рискованно. Их может отнести далеко в сторону. Не хотелось бы посылать поисковые отряды, тем самым задерживая переправу. – ответил квартирмейстер.

– А что, если на том берегу тоже будут гореть костры? Так гномы не должны сбиться с пути.

– Да, но костры нужно поддерживать, а для этого кто-то должен постоянно находиться там.

– Верно, – с улыбкой сказал тан. – Поэтому найди сенешалья и скажи ему, что мне нужен десяток гвардейцев.

Дервильф сначала растерялся, а потом нерешительно улыбнулся.

– И как я сразу не подумал вам такое предложить? Я мигом найду Гройна, повелитель. Не волнуйтесь, мы доставим десять солдат с продовольствием на тот берег, следующей ходкой!

– Не десять, Дервильф. – проговорил Ульфредин.

– Но, вы же сказали... – возразил было гном.

– Одиннадцать. – перебил его тан. – С ними отправлюсь я.

* * *

Через два часа тан Ульфредин провожал взглядом лодки, отчалившие обратно на западный берег, за следующей партией груза. Гвардейцы распаковывали то небольшое, что было выгружено с двух первых ходок. Четверо начали ставить палатки, один развел костер и занялся приготовлением обеда, а остальные оттащивали вещи подальше от берега.

Тан обернулся и неторопливо пошел прочь от реки. Воины, возившиеся с его шатром, внимательно посмотрели ему вслед, пожали плечами и продолжили свое занятие. На этой стороне берег был не такой высокий и обрывистый. Он полого поднимался от самой воды и плавно переходил в поросший колючим кустарником холм. Ульфредин поднялся на его вершину и посмотрел на открывшийся перед ним вид.

Погода стояла тихая, предвещавшая дождь. Туман отсутствовал, что было редкостью для этих мест. И перед таном распростерлась широкая безлесная равнина. Покрытая серо-зеленой травой земля уходила вдаль, замыкаясь темной полосой горной гряды. Справа на горизонте виднелся лес, за которым, судя по картам Касгарда, располагался город Лестран. А слева во всем своем величии возвышались Гранитные горы. Нижняя их часть была темна и скалиста, а пики укрывались под белоснежными шапками снега. У подножия южного отрога гор приютился небольшой лес. Он был продолжением той сосновой рощи, которую гномы использовали при заготовке дерева для лодок.

Вдруг глаза тана уловили, как от леса отделилось небольшое темное пятно. Оно постепенно вытягивалось и, спустя пару минут, больше походило на змею, медленно ползущую по направлению к берегу реки. Ульфредин как следует всмотрелся в странный объект, силясь разглядеть его получше. И тут он понял. Это пятно не что иное, как большой отряд людей, быстро марширующий к месту высадки тана и его крошечной свиты. «Нет, конечно же, это не люди», – подумал владыка гномов.

Ульфредин бросился к лагерю. Гвардейцы с удивлением вскочили и вышли навстречу своему тану.

– Мой господин, – произнес один из солдат, – Что-то стряслось?

– Да, черт возьми! – сказал Ульфредин. – С севера сюда идет большой отряд. Сотни две, не меньше.

– Это люди, мой тан? – спросил другой воин, застегивая на плече лямку нагрудника.

– Люди не живут в этих краях, – угрюмо молвил старый тан. – Похоже, что сюда идут валкары.

Гвардейцы ошарашенно уставились на своего господина.

– Гмм, господин, вы уверены, что это именно они? – спросил солдат, наконец совладавший с нагрудником.

– Больше некому здесь быть. Принц Лоссар рассказал мне все, что знал об этих землях.

– Мы должны предупредить остальных! – воскликнул самый крупный из воинов и торопливо пошел в сторону сложенных в кучу вещей.

– Приготовьтесь, – сказал Ульфредин солдатам, – Подкрепление с другого берега вряд ли успеет нам на помощь.

В этот момент крупный гном подул в рог и сигнал гулко огласил долину. Спустя мгновение, с севера послышался, словно насмешливый ответ, протяжный вой, похожий на волчий. Гномы на западном берегу засуетились. Дервильф спешно командовал спуском на воду едва достроенного плота. Было видно, как гномы в кольчугах и шлемах грузились в лодки, а на плот забиралась сразу две дюжины гномов. Но они при всем желании не смогли бы успеть на помощь своему тану, так как из-за холма уже показались первые силуэты человекоподобных созданий. При виде гномов они снова истошно завывали и ускорили шаг. Гномы с мрачной решимостью достали топоры и щиты, и выстроились шеренгой навстречу приближающимся валкарам.

* * *

Скорвид плелся, устало перебирая ногами, окруженный полчищем собаколюдов. Его руки были связаны на уровне груди, а другой конец веревки, словно поводок, держал шедший слева от него Ауф. Лес уже остался позади, и теперь они шли по открытой холодным ветрам серо-зеленой равнине. Валкары перекрикивались между собой, время от времени воинственно подвывая.

Несмотря на то, что старый скаут замерз, проголодался и жутко устал, он все же постоянно наблюдал за этими созданиями, подмечая важные, на его взгляд, особенности их поведения. Например, среди всей толпы валкаров он не увидел ни одной женщины. Все, кто его окружал, были рослыми и здоровыми самцами. Их физическая форма говорила об их молодости и регулярных тренировках. В то же время их кожаные доспехи не несли на себе следов серьезного ремонта и прочих признаков интенсивного использования. Из этого следовало, что эти валкары вряд ли знают, что такое настоящий бой. Но это не мешало им храбриться уже второй день пути.

Ауф молча шел рядом с гномом, иногда оглядываясь по сторонам. Вождя поблизости не было видно.

– Вокхог идет с нами? – спросил Скорвид могучего валкара.

Ауф удивленно посмотрел на гнома, словно уже забыл, что тот способен говорить.

– Вождь всегда идти во главе стаи, – оскалившись, ответил он.

– Вот как? У моего народа обычай в точности такой же. – проговорил скаут.

– У твой народ есть вождь?

– Мой народ ведет самый могучий вождь, которого я знал.

– Твоя не знать Вокхог, – ухмыляясь, сказал валкар. – Вокхог – вождь вождей! Он из выводка Лахарфа, короля всех валкар! Когда-то мы править эти земли и земли на юг. Племя острых ушей жить на запад. Мы иногда торговать и никогда не воевать с ушами. Так быть долго. Потом из плохой земли к нам идти люди, – последнее слово валкар словно выплюнул. – Они хотеть прогонять нас с наша земля. Мы не хотеть уходить. Тогда люди нас убивать. Лахарф дать им бой и убить много из них. Но их быть больше, и у них быть оружие из хорошая сталь. Мы не иметь такого. Как только прийти люди, уши перестать торговать с валкар. Тогда Лахарф увести нас в долину снегов. Кровожадный люди идти за нами и хотеть убивать нас всех, даже жен, щенят и старых псов. Лахарф дать им последний бой на берег этот река. Он убить всех маленький вождь среди человек. Большой человек-вождь испугаться и уйти отсюда. Много могучий валкар умереть от ран в тот день. Но мы помнить их подвиг и чтить их выводки. Любой валкар, который идти здесь, – Ауф обвел когтистой рукой марширующих собаколюдов, – Умереть за свой вождь в любой миг их жизнь. Все валкар быть рады так сделать.

Ауф замолчал. Скорвид шел дальше осмысливая все, что рассказал ему собаколюд. При всей свирепости этих созданий их можно было понять. Скаут не сомневался, что валкар гово-

рит правду. Такие племена, неважно какой расы, живущие в полной изоляции от окружающего мира, практически не способны на ложь. Они просто не видят в ней смысла. Зачастую лишь верное плечо соплеменника может спасти в трудную минуту. Их жизнь проста и сурова, как и земля, на которой они живут.

– Мой повели... вождь для моего народа значит не меньше, чем для тебя Вокхог – начал Скорвид.

Ауф издал презрительный смешок и тряхнул веревку так, что гном едва не покатился по земле.

– Я говорю правду, – сказал Скорвид. – Его зовут Ульфредин, и он один из вождей древнего города, в котором мы все раньше жили.

– Где ваш город? – лениво зевнув, спросил Ауф.

– Наш город был построен под горами, вроде этих, – гном кивнул головой в сторону нависшей над равниной темной громады.

– Вы жить во тьма узких пещер? Я теперь понимать, почему ты такой маленький. – усмехнулся валкар.

– Наши, как ты выразился, пещеры были просторны и светлы. Огромные залы были высечены в недрах гор и длинные широкие тоннели соединяли их между собой. Арзалитовые кристаллы мы использовали для освещения города. Его яркие желтые лучи проникали в самые темные закутки подземных чертогов, равномерно и мягко рассеивая свет на всех ярусах жилых и торговых кварталов.

– Какие залы? Я не знаю такого. Мы не жить под горы. Зачем сидеть под горы, когда можно жить на земля, охотиться и забираться на высокий скалы?

– Некоторые гномы, из других кланов, разделили бы твои взгляды. Иные города моего народа возвышаются над землей на недостижимых высотах. Настолько высоко, что облака проплывают под ногами, когда пересекаешь один из тысячи мостов Белернаса. В этой сияющей выси царствуют лишь звезды. Порой их россыпь можно углядеть и днем.

Скорвид посмотрел на валкара и обнаружил, что тот слушал его уже с нескрываемым интересом. Затем опомнившись, Ауф тряхнул головой и отвернулся.

– Зачем так высоко? – спросил он. – Твой народ странный. То вы лезть в темный глубина земли, то забираться на самый верхушка гор. Вы ненавидеть ровный земля?

– Нет, мы не испытываем неприязни к жизни на открытой местности, – ответил Скорвид. – Но сердцам нашим ближе горы. Будь это бесконечные подземные пещеры, или пронзающие небо пики, мы всегда испытываем истинное счастье находиться среди них.

Дальше они шли молча. Скорвид оглянулся и сквозь неровный строй валкаров увидел, как сосновый лес остался далеко позади, уже укрытый легкой дымкой. Вдруг по холмистой равнине прокатился низкий рев походного рога. Затем идущие впереди валкары протяжно и омерзительно взвыли. Старый скаут понял, что караван его собратьев был уже рядом. Но гном не переживал за сородичей. Они должны быть в безопасности, на другом берегу реки. За то время, что он провел в разведке и плену, гномы успели бы переправить лишь часть вещей и провизии. Когда валкары переходили вершину холма, он силился разглядеть, что-либо на востоке, за рекой, но собаколюды теперь шли заметно плотнее. Лающие вопли вокруг теперь раздавались все чаще. Скаут же старательно продумывал возможные варианты побега. Если его собрата снова узнают, что он провалил вылазку, то его репутации знаменитого следопыта конец.

Отряд валкаров, тем временем, перевалил через пологий холм и остановился. В небе над равниной мрачно нависали тучи, грозя вот вот извергнуть на землю потоки вод. Расталкивая валкаров, из головы отряда вернулся самый рослый собаколюд из всех, которых видел скаут. Он был в три раза больше самого крупного гнома. Его шерсть была желтоватой, с темными

пятнами, и под ней по всему телу виднелись шрамы самых разных размеров и форм. Увидев гнома, здоровяк гаркнул что-то на своем языке:

– Вокхог Асх хаварр, из хас весте Ауф!

В этот момент Ауф как-то странно посмотрел на Скорвида. Скаут заметил в маленьких темных глазах его тюремщика едва различимое сожаление. И в следующий миг, собаколюд схватил его за ворот и потащил сквозь расступившуюся перед ними толпу валкаров.

* * *

По стене из десяти ростовых щитов начинал барабанить холодный дождь. Поднимался ветер и усиливающиеся потоки дождя залетали гномам в забрала, заливая глаза. Но те стояли недвижимо, словно каменные изваяния предков. Перед ними широким полукругом выстроилась толпа диковатых созданий. Крупнее гномов по меньшей мере в два раза, они легко передвигались на полусогнутых лапах. В могучих когтистых руках они держали дубины и копья. У некоторых валкаров из-за спин виднелись перевязи с короткими легкими дротиками. Их собачьи морды были оскалены, а в глазах читалась звериная ярость.

Ульфредин стоял позади шеренги из десятка гвардейцев и старательно затачивал лезвие боевого топора. Со стороны другого берега раздался низкий рев боевого рога. «Должно быть, старина Гройн подошел с собранной дружиной» – невесело подумал тан. А что было толку? К тому моменту, как плот с подкреплением пристанет к берегу, от нас только ошметки останутся. Это даже при том, что плот успешно доплывет, не развалившись посреди реки.

Валкары выстроились на расстоянии примерно трехсот футов от тана и его маленькой дружины. Несмотря на нарастающий шум дождя, из толпы собаколюдов доносились неразборчивые вопли, похожие на команды. Внезапно их ряды расступились, и вперед по направлению к гномам вышли трое – два валкара и некто поменьше, похожий на гнома. Первый серый валкар был невысокий и сухопарый. На нем был черный кожаный нагрудник, а голову венчало некое подобие короны, тускло отливающей серебром. Второй валкар был крупнее. Его тело покрывала черная шерсть, и в руках он держал толстую веревку другой конец которой связывал руки гному.

Сердце Ульфредина упало. В грязном, избитом, хромящем гноме он узнал своего друга и побратима. Его затрясло от ужаса и гнева. Бросив на землю точильный камень, тан растолкал гвардейцев и зашагал навстречу троице, едва не переходя на бег.

– Скорвид! – взревел Ульфредин. – Брат мой! Посмотри на меня! Что эти твари сделали с тобой?

Скаут ведомый Ауфом, не веря своим глазам, смотрел на жалкий десяток гномов и их тана, оказавшихся на этом берегу реки. Скорвид хотел побежать навстречу тану, но Ауф остановился и натянул поводок, одергивая гнома назад.

– Ты стоять здесь, – рыкнул на него валкар.

Ульфредин приблизился на расстоянии сорока футов и встал в боевую стойку. В правой руке он держал тяжелый боевой топор, а левой вынул из-за пояса короткий широкий кинжал с зазубренным лезвием.

– Мой тан! – крикнул Скорвид. – Опустите оружие, прошу вас! Эти валкары не хотят никого убивать. Они будут говорить с вами!

Ульфредин переводил полный ярости взгляд с валкара на скаута, раздумывая что можно предпринять для спасения друга. В этот момент сзади послышалась тяжелая поступь двух десятков окованных сталью сапог. Нагнав тана, гвардейцы снова выстроили стену щитов между своим правителем и собаколюдми. Тогда примерно две дюжины валкаров отделились от общего отряда, рыча и лая, подбежали ближе к своему вождю и застыли неподалеку за его спиной, держа наготове дротики. Ульфредин снова вышел вперед, уже не поднимая оружия,

но и не выпуская его из рук. Серый вожак валкаров медленно прошелся взад-вперед перед гномами, не отрывая взгляда от их предводителя.

– Ты есть вождь маленький людей? – спросил он низким рыком.

– Это кого ты сейчас человеком назвал, шелудивый пес? – брызжа слюной, прокричал тан. – Ты хоть представляешь, с кем ты сейчас говоришь? Я тан Ульфредин Камнебород, повелитель третьего клана Берегонда! А ты осмелился пленить моего подданного и измываться над ним, ведя на поводке, как зверя! За это я всех вас посажу на цепь, как и должно поступать с дикими шавками!

При этих словах, тан словно увеличился в размерах. Его лицо потемнело, голос зазвучал раскатисто, а плечи стали заметно шире.

– Иди сюда, собака, и встреть свою жалкую судьбу на острие моего топора! – заревел Ульфредин, вскинув над головой топор.

В рядах валкаров раздались нестройные выкрики и кличи. Они рычали и скалились, изнывая от желания разорвать в клочья ненавистного гнома, посмеявшегося повысить голос на их предводителя. В то же время их обескуражила метаморфоза, произошедшая с этим маленьким бородатым воином.

Ауф наклонился к Скорvidу и сказал:

– Если бы остальные знать ваш язык, – валкар кивнул на толпу позади них. – Вас бы уже доедать.

Гному нечего было возразить и он понимающе кивнул.

В это время, серый валкар смерил тана гномов тяжелым взглядом и произнес:

– Ты говорить слова, отравленный гневом. Ты оскорблять нас. Но я понимать, почему ты так делать. Ты бояться за твой друг. Бояться, что мы сделать с ним. Но ты поступить так же, будь ты на наше место, – валкар развел руки в стороны и подошел ближе к Ульфредину, – Но ты не быть на наше место, повелитель клана Ульди. Сейчас ты стоять на наша земля. Ты и твой племя чужак здесь, что прийти в наш край с железо в руках. Я Вокхог, вождь Большой Стаи. И я не пустить тебя в мой край.

Ульфредин все еще тяжело дышал. Воздух шумно вырывался из его ноздрей. Он все еще держал топор над головой, словно позабыв о нем. При этом рост гнома, постепенно становился прежним. Наконец тан опустил оружие и, поставив его на землю топориком вниз, оперся на рукоять.

– Значит Вокхог? Так тебя зовут? – крикнул он валкару.

Тот медленно кивнул, не отрывая взгляд от гнома.

– Хорошо. Ты хочешь говорить? Тогда прикажи своему псу развязать руки моему другу и отпустите его. Вот тогда мы с тобой поговорим.

Вожак валкаров усмехнулся и, развернувшись, отошел к здоровенному валкару с гномом на поводке.

– Ты придти к нам с железо, рубить наш лес, топтать наша земля, посылать к нам лазутчик. А теперь ты что-то требовать от нас? Пока мы с тобой говорить долго, как ты хотеть, твой народ прийти из-за река и пролить много крови валкар. – Вокхог посмотрел на Ульфредина немигающими желтыми глазами, а затем продолжил, – Я не допустить это. У тебя здесь есть воин. – кивнул валкар на гвардейцев, – Я тоже дать свой воин. И мы решить все здесь. Сейчас. Я владеть большой земля здесь и к северу. Если твой племя хотеть жить на эта земля, пусть прольет на ней свой кровь.

– Ты хочешь поединка? – недоверчиво сказал Ульфредин. – И это все? Ты отпустишь пленного, и я поведу свой караван дальше?

– Только если твой воин победить. И только после того, как ты и я говорить.

– Тогда давай сразимся вдвоем! Один на один, как два вождя! Клянусь предками, если ты падешь, твое племя не тронут. Мы дадим землю на ваш выбор, где вас не потревожит ни один гном.– предложил вожаку тан.

Вокхог оскалился и с любопытством склонил голову набок.

– Ты хитер, повелитель Ульди. Но и мы не так глуп, как тебе казаться. Я быть нужен своему племя, до того как ты придешь. И я быть еще больше нужен им теперь, когда ты прийти. Потому ты должен выбрать воин для поединок, который решит наш общий судьба.

Ульфредин бросил жесткий и короткий взгляд на серого валкара и, развернувшись, подошел к гвардейцам. Каждый из них наперебой требовал оказать ему милость биться с валкаром за честь клана.

– Да поймите же вы, это бой не за славу и честь. Эти дикари слыхом о нас не слыхивали, им нет дела до доблести и величия. Скорее всего, бой будет грязным. Не думаю, что у них в чести позволить встать упавшему противнику.

– Мой тан, – отозвался крупный мускулистый гвардеец, – Я почти пятнадцать лет работал стражем в таверне «Лавовая кузня», и мне с таким опытом не привыкать иметь дело с грязными приемами.

– Это тот трактир в Трехскатном чертоге? – спросил гнома Ульфредин, – Это его заново отстраивали каждый год после празднования Пивной Недели?

Хех, верно, мой тан. – гном одарил тана щербатой улыбкой.

– Нет, друзья мои. – твердо сказал тан, – На пути сюда я потерял уже достаточно воинов. Вы вызвались идти со мной через все невзгоды, что уготовил нам этот нелегкий путь, и я не могу рисковать вашими жизнями, стоя на пороге нашей цели. Вы заслужили шанс увидеть наши новые чертоги, для создания которых ваши руки пригодятся гораздо больше, чем сейчас, на этом берегу.

– Тан Ульфредин, вы что, собрались биться сами? – изумленно воскликнул другой воин. И гвардейцы снова взорвались неодобрительными возгласами.

– Тихо! – громыхнул тан. – Я ценю храбрость и самоотверженность каждого из вас, но решение мной уже принято. Я лично буду биться с валкаром. А потом сам поведу вас на север.

Гномы, окружившие своего тана, скорбно молчали. Ульфредин развернулся и медленно направился в сторону валкаров. Бросив взгляд на реку, он увидел, как плот, переполненный вооруженными до зубов бойцами, неумолимо сносило течением обратно, в сторону западного берега. Там, на самом берегу собрался весь его клан. Гномы молча наблюдали за происходящим, и на лицах каждого из них читались отчаяние и мрачная решимость. «Значит другого выхода нет... Тем лучше» – подумал Ульфредин и прибавил шагу.

Вокхог, все это время наблюдавший за Ульфредином, махнул рукой стоявшим позади валкарам, и в их рядах раздался радостный лай. Через некоторое время толпа раздалась и вперед вышел огромный валкар с лохматой желтой шерстью. Все его тело покрывали шрамы и даже морда была изрыта глубокими бороздами от чьих-то когтей. В руках валкар держал большую черную, как смоль, дубину с торчащими из нее острыми пожелтевшими костями. Издав низкий утробный рык, он рванул к своему вождю. Пробежав мимо него, громила остановился перед Ульфредином, кланув челюстями у самого его лица. Гном, стерпев страшное зловоние из пасти валкара, перехватил топор в правую руку и невозмутимо положил его себе на плечо.

– Асх, наут вахнарр оз хизарр! – скомандовал Вокхог, и здоровенный валкар, медленно пятясь, отошел назад и встал рядом со своим вождем.

– Ты этим хотел меня напугать, валкар? – презрительно произнес Ульфредин. – Я в ужасе от одной мысли, сколько нужно еды, чтобы такое прокормить. Но если ты рассчитывал, что у меня подогнутся колени и я расплачусь как девчонка, моля о пощаде, ты зря надеялся.

– Где твой воин? – ледяным голосом спросил Вокхог.

– Он перед тобой.

Ты биться сам? Ты не бояться оставить свой народ один, без свой вождь?

– За них не бойся. Если придется, выберут другого, – хмуро ответил тан гномов.

Вокхог махнул рукой Ауфу и тот направился в сторону остальных валкаров, уводя за собой постоянно оглядывающегося Скорвида. Затем вожак встал между Ульфредином и жутким валкаром и, посмотрев на тана, произнес:

– Повелитель клана Ульди, я знать зачем ты сюда прийти. Ты и твой племя, вы все быть изгнан из родных земля. И теперь вы здесь, требовать земля, который не есть ваш. Я понимать твой злость, Ульди, я понимать твой страх. И я дать тебе шанс найти здесь дом. Но наш традиция должен быть соблюден. Если ты выжить, то в следующий раз мы говорить с тобой как соседи.

Затем вожак повернулся к огромному валкару и положил ему руку на плечо.

– Гхау фар насс везерр ун, Асх. – сказал вождь.

Асх опустил дубину и забил кулаком себе в грудь, протяжно завыв.

Вокхог пошел прочь от двух воинов. Ульфредин поднял топор и снова вынул из-за пояса кинжал. Асх сжал в лапах дубину, зарычал, не сводя с гнома глаз, и слегка согнул ноги в коленях, словно готовясь к прыжку. Затем все началось.

Рык валкара прервался. Его ноги оторвались от земли и он метнулся в сторону гнома, в прыжке размахнувшись дубиной. Ульфредину, не ожидавшему подобной прыти от противника таких размеров, едва удалось поднырнуть под валкара и он, кувыркнувшись по земле, вскочил на ноги. Валкар заскользил по грязи и приземлился неподалеку, обернулся и с ревом бросился на гнома. Ульфредин выждал, пока валкар наберет скорость и, отскочив в сторону, наотмашь полоснул зазубренным кинжалом по руке Асха. На грязную, заливаемую дождем землю, упала первая кровь. Взревев, Асх сделал широкий взмах дубиной и Ульфредин, видя, что уйти от нее не удастся, попытался отклонить удар топором. Раздался холодный лязг и сила, вложенная валкаром в этот взмах, отбросила гнома в сторону. Ульфредин посмотрел на левое предплечье, увидел разорванные звенья кольчуги и почувствовал, как по руке предательски растекается тепло. Асх втянул воздух и злобно оскалился, почуяв кровь гнома. Коротко разбежавшись, валкар занес дубину над головой, замыслив впечатать гнома в землю, но Ульфредин с воплем прыгнул в сторону, и удар жуткого орудия лишь разметал вокруг куски грязи.

В ушах гнома стучала кровь, словно сотня турнирных барабанов. Ему никак не удавалось восстановить дыхание. Они медленно кружили по мокрой траве. Ульфредин сконцентрировал взгляд на противнике, стараясь не упустить в его движениях ни одной мелочи. Он старался найти хотя бы одно слабое место, хоть одну брешь в защите валкара. Гном перестал замечать все, кроме своего огромного неприятеля. Рана на руке валкара оказалась незначительной и кровь уже остановилась. Противник казался неуязвимым.

Тогда, Ульфредин сплюнул и крепче сжал рукояти топора и кинжала. Он двигался по кругу, спиной вперед и полубоком к валкару. Вдруг он развернулся к Асху другим плечом, припав на одно колено. Через мгновение нескончаемый шорох дождя был заглушен ревом сорвавшегося с места гнома. Ветер шумел в ушах и грязь разлеталась под тяжелыми сапогами. Асх, увидев отчаянную атаку гнома, зарычал и бросился ему навстречу. Гигантская дубина пришлась снизу, по левому боку. Раздался хруст костей и жалобный звон разлетающихся стальных пластин нагрудника. Удар был столь сильным, что подбросил гнома вверх словно тряпичную куклу. Перелетая через Асха, Ульфредин внезапно извернулся и рука с топором опустилась вниз, вонзив темное лезвие в желтую шерсть на шее валкара. Благодаря невероятным усилиям, гному удалось удержать рукоять, когда он падал на землю, и топор был вырван из раны громадного собаколюда.

По замершей в могильной тишине равнине прокатился вой, полный боли. Асх, держа свою страшную дубину в одной руке, второй зажимал рану, из которой обильно шла темная, густая кровь. Валкар резко развернулся и его пошатнуло.

Превозмогая жуткую боль в ребрах, гном встал и поднял с земли выскользнувший при падении кинжал. При каждом вдохе, его грудь пылала, словно в нее погружали раскаленный клинок.

Наконец Асх убрал руку от раны и, бросив на гнома бешеный взгляд, направился твердым шагом к нему. Ульфредин негромко застонал. Затем, собрав остатки сил в кулак, он пошел навстречу собаколюду, постепенно ускоряя шаг. Валкар атаковал широким взмахом, целясь гному в голову. Ульфредин поднырнул под дубину и, оказавшись справа от валкара, полоснул его кинжалом по бедру. Рыча, Асх повернулся и ударил гнома другой ногой в грудь. Ульфредин отшатнулся и тут же скользнул в сторону, нанеся валкару глубокую резанную рану на другой ноге. Асх снова завыл. Теперь его могучая палица рассекала воздух без остановки. Ульфредин пытался выйти из зоны досягаемости страшного оружия. Он надеялся заставить валкара больше двигаться и постепенно истечь кровью. И тот, предвидя такой исход, намеревался сокрушить гнома как можно быстрее. Валкар, ослепленный звериной яростью, двигался с такой сноровкой, что Ульфредин уже не надеялся его одолеть. Мощные взмахи дубины то шумно рассекали воздух, то отклонялись топором. Гном попытался проскочить мимо палицы и подобраться ближе к Асху. Однако тот вовремя распознал маневр и отклонил взмах так, что шипованный конец дубины несся прямо в лицо изумленному гному. Ульфредин едва успел направить топор наперерез оружию валкара и лезвие с глухим треском вгрызлось в твердое дерево. Удар гнома усилил инерцию палицы и выбил ее из лап валкара. Топор глубоко засел в обожженной древесине, и его рукоять тоже выскользнула из руки гнома. Огромные кулаки собаколюда тут же обрушились на Ульфредина сверху. Несколько ударов попали в голову и гном, не выдержав натиска, упал на землю. Асх, набросился на лежащего противника и нанес сразу несколько мощных тычков в лицо. Кровь тут же залила Ульфредину глаза. Блокировать удары громадного валкара было бесполезно – они были слишком сильны. Валкар занес кулак в очередной раз и вдруг заметил, что противник больше не сопротивляется. Тогда он зарычал, сгреб гнома за кольчугу и притянул к себе, намереваясь перегрызть ему горло.

В это мгновение, в громадную забрызганную кровью голову, вонзился широкий зазубренный кинжал. Асх уставился на гнома не верящими глазами, и тот из последних сил повернул клинок в черепе врага. Глаза валкара помутнели, он обмяк и повалился вперед, погребая под собой своего противника.

Ульфредин хрипел, преодолевая невыносимую боль. Он лежал в грязи под дождем, что холодным потоком омывал его израненное лицо. Он почти не чувствовал рук и ног. Под тяжестью мертвого валкара он практически не мог дышать. Однако Ульфредину все это было не важно. Он был жив. Он жил, и более не думал ни о чем, кроме стального серого неба и шуме дождя.

Рядом послышалась какая-то возня. Тан повернул голову в сторону и сквозь кровавую пелену перед глазами разглядел окованный железом гвардейский сапог. Затем внезапно наступила потрясающая легкость. Воздух ворвался в легкие гнома и его взгляд немного прояснился. Ульфредин понял, что с него стянули труп Асха. Шум в ушах немного стих и он расслышал голоса своих солдат. Голова кружилась и пылала от боли. Тан водил по сторонам взгляд, пытаясь отыскать хоть одно знакомое лицо, но его взор снова померк. Перед тем как провалиться во тьму, Ульфредин разглядел на фоне неба темный силуэт валкара.

– Добро пожаловать, повелитель клана Ульди. – произнес Вокхог.

Глава 3. Небесные всадники

Яркая полоска света расчертила непроглядную тьму перед замутненным взором тана. В полутьме мелькнул силуэт, а затем свет исчез. Гном понял, что лежит в шатре. В воздухе витал едкий спертый запах и было очень душно. Ульфредин различил какое-то движение перед глазами. Кто-то кряхтя возился подле него, шурша бумагой и позвякивая склянками. Голова тана раскалывалась и каждый звук, лишь усугублял эту боль. Он приподнял руку и поднес ее к лицу, едва коснувшись его пальцами. Кожа восприняла прикосновение так, будто к ней приложили раскаленные угли. Ульфредин охнул.

Тут же возня прекратилась. Полог шатра снова откинулся и гном отвернул голову от нестерпимо яркого света. Его глаза беспощадно слезились.

– Гройн! – раздался знакомый скрипучий голос. – Гройн, поди сюда быстрее!

Через минуту в проходе мелькнула вторая тень, и все вокруг снова погрузилось во мрак.

– Что случилось? – раздался гулкий бас сенешаля. – Он очнулся?

– Приходит в себя. – ответил голос, как уже понял тан, принадлежащий Форинвальду.

Прямо над головой Ульфредина раздалось шипение и помещение наполнилось слабым отсветом масляной лампы. Тан повернул голову на голоса и увидел два размытых светлых пятна, мигающих в отблесках пламени.

– Могучие предки, – тихо проговорил Гройн, – Даже глаз не видно.

– Охотно верю, – пробормотал рунотворец и принялся мешать в миске вязкую желтую субстанцию. – Я обработаю отеки мазью, но пройдет пара дней, прежде чем он начнет походить на самого себя.

Ульфредин попытался позвать Гройна, но слипшиеся от запекшейся крови губы треснули, и гном душевно выругался. Гройн заулыбался и похлопал Форинвальда по плечу.

– Мой тан, – обратился сенешаль к Ульфредину. – Ваш народ гордится вами. Об этой битве сложат множество песен. Я лично слышал уже две!

– Гройн, – прохрипел тан.

– Слушаю, повелитель. – отозвался сенешаль.

– Где Скорвид?

– Мастер-скаут у валкаров, повелитель.

– Что?! – зашипел Ульфредин. Он даже было приподнялся, но его тело окатила волна тягучей боли, и он снова рухнул на походную кровать. – Почему его не отпустили? Где эти грязные твари?

– Что вы, повелитель! Мастер Скорвид был освобожден сразу, как только пал громадный собаколюд. Мы еще с другого берега видели, как он вместе с гвардейцами стягивал с вас тушу валкара. Сейчас он отправился к их вождю на переговоры от вашего имени.

Ульфредин вздохнул, не скрывая великого облегчения. Форинвальд отошел в другой конец шатра, а затем вернулся и грубо приподняв голову тана, подложил под нее вторую подушку.

– Пообщались и хватит, – прокрипел рунотворец. – Гройн, мне нужен один из твоих парней для мелких поручений. Найди кого-нибудь посмышленнее. Его услуги мне понадобятся... хм... на неопределенное время. Пусть сразу принесет ведро воды и горсть речного ила.

Сенешаль на мгновение задумался, а потом коротко кивнул Форинвальду. Затем он встал, повернулся к тану и, вытянув руки ладонями вверх, поклонился.

– Предки преисполнились гордостью за вас, повелитель. Вы подарили нам новый дом. – сказал Гройн и, резко развернувшись, покинул шатер.

Форинвальд поставил лампу на прикроватный ящик и, макнув пальцы в странную желтую смесь, стал осторожно наносить ее на лицо тана. От смеси шел резкий запах неизвестных

тану трав. Ульфредин ожидал, что процедура будет болезненна, но, к его удивлению, мазь приятно холодила кожу. Тупая ноющая боль в правом боку постепенно стихла и дышать стало легче.

– Как... Как дела, Форинвальд? – хрипло произнес тан.

– Все закончилось лучше, чем мы опасались – произнес в ответ рунотворец. – Кровопротития удалось избежать, хотя обстановка остается довольно напряженной. Вождь валкаров пока держит свое слово. Сразу после поединка, он приказал своей стае отойти назад, в основную чашу. Из того, что я слышал, валкары были не слишком-то этим довольны, но своему вождю подчинились.

Форинвальд замолчал, отставил пустую миску на прикроватный ящик и кряхтя поднявшись на ноги, направился к противоположной стенке шатра, где стоял его небольшой алхимический стол. Там он взял небольшой мешочек и высыпал щепотку темно-синего порошка на квадратную железную пластинку с загнутыми вверх углами. Затем рунотворец что-то тихо шепнул над порошком, и тот задымился, а потом ярко вспыхнул, на миг залил шатер мистическим голубым светом.

– Давно Скорвид отправился к ним? – спросил Ульфредин.

– Через день, после вашей победы над собаколюдом, повелитель. – ответил Форинвальд, положив сверху на загнутые края пластины почерневшую железную решетку, так, что она оказалась прямо над трепещущем голубым пламенем, – Он пробыл подле вас весь день, хотя его раны тоже требовали ухода и покоя. А после, в лагерь явился еще один валкар. Черный как смоль, он был в три раза крупнее самого большого нашего гвардейца. Хоть и не такой огромный, как тот, что погиб от вашей руки. Он представился Ауфом, и потребовал выполнения заключенной между вождями договоренности. А именно, переговоров между вами, повелитель, и их вождем Вокхогом. Несмотря на все мои увещания, мастер Скорвид оставил Гройна за главного, и взяв с собой кого-то из своих скаутов, отправился на север.

Форинвальд снова прервался, скрывшись за нагромождением деревянных ящиков, коими была заставлена добрая половина шатра. Какое-то время Ульфредин слышал лишь грохот и приглушенное ворчание, но вскоре, в неярком свете лампы снова замаячило седобородое лицо рунотворца. Он вернулся к столу, держа в руках две стеклянные емкости. На железной решетке тут же появился маленький медный котелок. Он был весь покрыт царапинами и сколами. С одного его бока торчала маленькая литая ручка, вторая же не уцелела за долгие годы использования. Старый гном вылил в него содержимое одной склянки, затем второй. Из котелка раздалось тихое шипение и жидкость почти сразу закипела. Шатер наполнился потрясающе приятной смесью ароматов мяты и шалфея. Ульфредин с изумлением понял, что теперь может дышать полной грудью не испытывая при этом мучительной боли. Он закрыл глаза и расслабил все тело, наслаждаясь каждым вдохом божественно прекрасного запаха. Благословенный сон наконец поглотил его в своих целительных объятиях. Форинвальд склонился над лицом тана, вслушиваясь в его спокойное ровное дыхание. Удовлетворенно хмыкнув, старый гном вернулся к столу.

В этот момент полог шатра распахнулся и вошел молодой коренастый гном с черной гривой непослушных волос и короткой бородой.

– Мастер Форинвальд! – воскликнул он, – По приказу сенешаля я поступаю в ваше распоряжение.

Он снял с плеча большой бурдюк с водой и поставил его у входа. Затем отцепил с пояса мешочек и протянул его старому магу.

– Ил и вода? – проскрипел рунотворец, уставившись невидящими глазами на гвардейца.

– Так распорядился мастер Гройн.

– Замечательно. Как твое имя, солдат? – спросил Форинвальд.

– Хальдор, господин. – ответил гном.

– Что ж, Хальдор, ты знаком с таинством рун или алхимией?
– На тренировках нас учили использовать грозовые и огненные руны, но...
– Ба! Это все ваши военные фокусы. Я спросил, что ты на самом деле знаешь об искусстве рунотворчества?
– Боюсь ничего, господин. – слегка виновато отозвался Хальдор.
– Прекрасно! – улыбнулся сквозь бороду Форинвальд. – Ты подойдешь как нельзя лучше. Ты в кольчуге?
– Да, господин.
– Снимай. – сказал старик и отошел в сторону, чтобы снова погрузиться в гору всевозможного хлама. Спустя минуту возни в ящиках, Форинвальд вернулся и протянул Хальдору бесформенный комок шерстяной ткани. – Моя старая мантия. Надень это. Мы будем работать с опасными веществами, так что лучше носить такую одежду, которую в случае чего можно очень быстро сбросить с себя. И давай, пошевеливайся! До наступления ночи нам нужно многое успеть.

* * *

Кольчуга Хальдора лежала, свернутая в ногах спящего тана Ульфредина. Сам молодой гном запахнулся в великоватую для него серую мантию и стоял у выхода из шатра, бросая любопытные взгляды на лежащего в забытии правителя. Форинвальд трудился над кипящим медным котелком, будто позабыв о своем новом помощнике. Он то подливал в котелок неизвестные зелья, то бросал в него какие-то травы. При этом, из недр котелка каждый раз начинал валить густой маслянистый дым, с головы до ног обволакивавший рунотворца. Внезапно Форинвальд обратил невидящий взор на заскучавшего было гнома:

– Где вода, Хальдор?
– Здесь, мастер. – гном поднял с земли наполненный бурдюк и подошел с ним к столу учителя.
– Выливай ее в котел, – потребовал Форинвальд, – Смелее, это всего лишь вода!
Хальдор подчинился. Он с усилием извлек из горлышка пробку, поднял тяжелый бурдюк над котелком и стал осторожно подливать в него воду. Как только уровень воды достиг краев, гном вернул пробку на место.
– Можешь его убрать, – сказал Форинвальд. – Больше вода нам не понадобится. Ты принес речной ил, как я просил?
– Да, господин, – Хальдор снова снял с пояса небольшой мешочек и протянул магу.
– Замечательно! Нам нужно высыпать его на такую ткань, которая не пропустит сквозь себя песчинки. И в то же время, она должна легко пропускать воду. Хм, дай мне подумать. – Форинвальд почесал длинную седую бороду. Его лоб нахмурился, а губы тихо бормотали слова, которые Хальдор не смог разобрать.
– Ага! – вдруг воскликнул рунотворец, победно вскинув указательный палец вверх, – Мне кажется, я понял, что нам нужно, юный Хальдор. Пару лет назад, во время Пивной Недели, один торговец из Альторгора слез с неизвестной хворью. Тогда мне удалось выгнать из его крови заразу, за что он отблагодарил меня плащом из самого дорогого шелка, который только можно найти к востоку от Титанова Хребта. Кажется, купец назвал его осфирским шелком. Я слышал о жителях пустынь из далеких южных земель Осфирии, которые носят одежду из этой ткани. Так они защищают себя от песчаных бурь, что терзают их край. – Форинвальд в очередной раз направился к беспорядочному складу в углу шатра. – Этот плащ хорошо послужил мне в качестве источника половых тряпок, однако я точно помню, что оставался еще небольшой лоскут.

Покопавшись немного в ящиках, старый гном вернулся к столу, неся в руках кусок грязной, засаленной ткани, по которой уже вряд ли можно было угадать ее первоначальный цвет. Рунотворец протянул Хальдору открытую ладонь, и молодой гном вложил в нее мешочек с речным илом. Форинвальд расправил тряпку и постелил ее на стол. Затем, ловко орудуя скрюченными пальцами, старый маг развязал мешочек и высыпал содержимое на ткань. Мокрый ил комьями вывалился на тряпку и Форинвальд надежно обернул его краями ткани. Теперь ил снова находился в некоем подобии мешочка, и рунотворец, держа его за край, чуть выше наспех завязанного простого узла, поместил мешочек в кипящий котел. Край тряпки он привязал к единственной литой ручке котелка.

– Ну вот и славно, – сказал старый гном. – Теперь, ил должен пробыть в кипящем отваре не меньше трех часов. Только так он обретет нужные целительные свойства.

Форинвальд уставился белесыми глазами в пустоту и простоял так какое-то время. Затем он внезапно воскликнул:

– Хальдор!

– Слушаю вас, мастер Форинвальд, – едва не подпрыгнул от неожиданности молодой гном.

– Почему ты молчишь? Мне уже подумалось, что ты ушел.

– Я все это время был здесь, господин.

– Как интересно, – сказал рунотворец, – Мне казалось, что я попросил Гройна оторвать тебя от службы не для того, чтобы ты просто «все это время был здесь». Как ты считаешь?

Хальдор в недоумении склонил голову.

– Я здесь, чтобы исполнять ваши приказания. Так мне велел почтенный Гройн. Но я не был отозван со службы, господин.

– Вот как? Почему это?

– Я пока не служу в гвардии тана. Мой воинский путь начался совсем недавно. Я был назначен хускарлом могучего Бервидольфа, пока его не сразили гоблины в недавней битве.

Старый рунотворец задумчиво закивал.

– Да, да, я помню этого темноволосого воителя. – проговорил старик. – Он был из той редкой породы гномов, что обликом и поступками был похож на могущественных воинов древности. Его гибель это серьезная утрата для всех нас. Скажи мне, Хальдор, как он погиб?

– Три гоблина сложили головы, чтобы обманым маневром дать возможность двум другим лишить его оружия и истыкать копьями. Он умер, стиснув руки на зеленой шее одного из них. Тот гoblin задохнулся, так и не выбравшись из железной хватки мертвого Бервидольфа.

– Достойная смерть, – тихо, но восхищенно проговорил Форинвальд.

– Воистину так, – согласился Хальдор, – Вот только теперь, после его гибели, мне некому служить. У всех гвардейцев есть хускарлы, а меня скорее всего переведут в инженерный батальон, как только он будет создан.

– То есть как, некому служить? – удивленно воскликнул Форинвальд. – Вот теперь я понял, почему ты тут столбом стоишь. До тебя еще не дошло, зачем тебя сюда прислали?

– Мастер-сенешаль приказал мне поступить в ваше полное распоряжение, и ... – глаза Хальдора округлились, – Это значит ... Значит, я теперь буду служить вам, господин?

Форинвальд отошел от стола и повернулся к Хальдору лицом.

– Признаться, я надеялся, что Гройн пришлет ко мне кого-нибудь более сообразительного. Скажи мне, юный Хальдор, кого ты перед собой видишь? – тихо спросил он.

Гном внимательно оглядел старого мага с ног до головы и неуверенно произнес:

– Передо мной вы, мастер Форинвальд. Единственный рунотворец Берегонда, выживший после его падения.

– Верно. Но это еще не все. Перед тобой дряхлый старик, на исходе жизни умудрившийся лишить себя самого ценного для гнома его профессии дара. Я слеп, юный Хальдор, и теперь я лишь тень бывшего Мастера рун, о коем ходило столько занятных историй.

– Я слышал об этом. Мне жаль, мастер Форинвальд, – проговорил Хальдор.

– О, пустое это, – отмахнулся старик, – Я достаточно повидал за четыре с половиной века жизни, пора уже дать глазам отдохнуть. – он горько рассмеялся. – Жаль только, что эта напасть губительно сказывается на моих прямых обязанностях. Я думал, что справлюсь со своей работой не смотря на слепоту, но это оказалось не так. Похоже, что мой век творить подходит к концу. Раньше я не беспокоился о том, кто продолжит это дело после моей смерти. Теперь я понимаю, что весь труд моей жизни, весь опыт накопленный почти за восемь сотен лет учебы и исследований, все это может кануть в вечность, из-за моей преступной недалковидности. И сейчас я могу лишь надеяться, что еще не слишком поздно все исправить. Так скажи мне, Хальдор, хочешь ли ты участи лучшей, чем провести всю жизнь во взрывотряде, ожидая того дня, когда ты просто не вернешься из шахт? Хочешь ли ты учиться вещам, недоступным для умов простых гномов? Обрести цель, которая проведет тебя через всю жизнь к сияющим вершинам славы и почета? Скажи мне, Хальдор, чего ты на самом деле хочешь?

Хальдор выглядел ошеломленным. Слова старого рунотворца гулким эхом отдавались в его голове. С самого раннего детства отец готовил его к военной службе. Его водили на детскую арену, уроки строевого боя, заставляли сидеть на лекциях по военной истории и искусству тактики. И если физические упражнения давались ему легко, как и любому гному, то просиживание штанов на бесконечной теории казалось невыносимой пыткой. Со временем, в голове Хальдора прижилась мысль о том, что однажды он поступит на военную службу и, если повезет, когда-нибудь сможет связать себя священной клятвой с Гвардией Берегонда.

Сейчас же настала пора посмотреть правде в глаза. С гибелью Бервидольфа дорога в гвардию ему была закрыта. Хальдору был дан шанс проявить себя, но он попросту не смог спасти жизнь своего господина. В таких случаях не часто дают вторую попытку. И перспектива оказаться в одном из взрывотрядов маячила перед Хальдором все отчетливее.

С другой стороны, ему представилась возможность стать учеником последнего рунотворца Берегонда! Подумать только! Конечно, это значило забыть о военной карьере навсегда, но перспективы были просто фантастические. Ведь рунотворцы – привилегированное сословие в любом гномьем обществе. Они присутствуют на советах и церемониях, имеют высокий доход от своего ремесла и пользуются уважением среди знати. Что там говорить, даже короли древности прислушивались к мудрым советам особенно выдающихся рунотворцев. Здесь нечего было и думать.

Хальдор поднял взгляд на старого мага и произнес:

– Служить вам – честь для меня. Я буду вашими глазами.

* * *

Скорвид негодовал. Вождь валкаров умудрялся проявлять фантастическое упрямство. Третий раз скаут требовал его аудиенции в глубине сосновой рощи, и третий раз угрюмые валкары-стражники давали ему от ворот поворот. Похоже, выбора нет и придется ждать, пока тан оправится настолько, что сможет сам явиться на переговоры. Остается надеяться, что валкары за это время не передумают и не нападут на обезглавленную дружину гномов.

Прошло уже два дня с тех пор как Скорвид покинул лагерь, взяв с собой нескольких скаутов. Они остановились на опушке сосновой рощи, неподалеку от тропы, по которой валкары недавно выступили из леса на равнину. Дюжина гномов, сопровождавших Скорвида, разбила маленький лагерь на небольшом холме окруженном кустарником, разросшимся у основания могучих сосен. Большая часть скаутов занималась охотой и заготовкой дров для главного

лагеря. Оставшиеся трое всюду сопровождали своего мастера, в том числе, во время долгих ожиданий перед очередной аудиенцией у вождя валкаров. Однако и в этот раз Вокхог остался непреклонен.

Скорвид со свитой уверенно двигались по едва приметной лесной тропе. Их стоянка была уже рядом, когда справа, в чаще леса, раздался шорох потревоженного кустарника. Скауты в один миг взвели арбалеты и направили их на источник шума. Треск ломаемого дерева приближался и вскоре зеленая стена зарослей раздвинулась. Среди кривых усеянных листвой и колючками ветвей показалась темная собачья морда.

– Ауф? – удивился Скорвид. – Ты что здесь делаешь?

– Я приглядывать за тобой, – оскалился валкар. На этот раз он предстал перед гномами без брони, в одних коротких кожаных штанах и с костяным кинжалом на поясе.

– Шпионишь для своего вождя? – прищурившись спросил гном, – Ну, ну. Сначала он игнорирует мои попытки худо-бедно провести переговоры, а потом посылает за нами своих ищеек. Ничего не скажешь, это очень гостеприимно. Прямо таки по-соседски!

– Вокхог не знает, что я здесь. Я прийти не по его воля.

– Вот как? Тогда зачем ты пришел?

Ауф внимательно посмотрел на Скорвида, затем на его людей.

– Не здесь, – сказал он и кивнул головой в сторону чащи, – Ты пойти сейчас со мной.

– Да что ты говоришь! Старина Ауф, наверное, ты не заметил, но я уже не являюсь вашим пленником. Я надеюсь, ты понимаешь, что это означает, верно?

– Я тебе не приказать. Я только просить тебя идти со мной. Ты отказаться, если желаешь. Но тогда ты никогда вновь не видеть свой оружие.

– Многострел... – изумленно проговорил Скорвид. – Так он у тебя?

– У нас, – поправил его валкар, – И ты получить его, если помочь нам.

Глаза Скорвида округлились и он заходил взад-вперед, шумно дыша и теребя седую бороду. Наконец он остановился, резко подскочил к Ауфу и уставившись в его желтые глаза прошипел:

– Чего же ты хочешь от меня, треклятый валкар?

– Не здесь. – повторил валкар, снова мотнув головой в сторону чащи.

Старый скаут все так же пристально смотрел в глаза черного валкара.

– Я верну свой арбалет, Ауф, чего бы то мне ни стоило. Ты же это понимаешь?

Валкар кивнул и его морда снова растянулась в лукавом оскале. Скорвид бросил взгляд на своих гномов:

– Я так понимаю, им со мной нельзя. – сказал гном.

– Ты правильно понимать.

Скорвид тут же обернулся и махнул своему отряду рукой в сторону лагеря. Гномы озадаченно переглянулись, но задавать вопросов не стали. Скауты Берегонда являлись одними из самых преданных бойцов королевства. Их набирали из сирот, родители которых погибли в войнах с Пещерными Повелителями в глубинах подземелий. С самого раннего детства в них воспитывали верность и любовь к своим правителям и командирам. Такие как они, в любой момент могли пожертвовать собой ради своего предводителя. Их самоотверженность уступала только их дисциплине. Она у них была безупречна. Во время затяжных подземных войн, судьбы целых армий и городов зависят лишь от выдержки и хладнокровия тех, кто идет в авангарде гномьего воинства, скрываясь во мраке пещер и неся смерть врагам королевства хитроумными ловушками и внезапными нападениями из засады. С падением Берегонда наступил закат для доблестной Гильдии Скаутов. Сотня стрелков, возглавляемых Скорвидом, – это все, что осталось от тысячи арбалетов. Теперь они единственные, кто способен возродить традиции Ордена и передать их следующим поколениям. И в этом деле их верность должна уступить дисциплине.

Закинув арбалеты за спины, они направились дальше по тропе, беспрекословно исполняя приказ своего командира.

– Веди, – сказал Скорвид.

И они направились в глубь леса.

Вечерело. Золотистые лучи заходящего солнца падали на кроны высоких сосен, превращая их в подобия исполинских факелов, сотнями вздымающихся над землей. С приближением ночи становилось прохладнее.

Валкар шел впереди, по узкой тропе, не глядя по сторонам. Он не оборачивался и не замедлял ход, даже несмотря на ругательства и натужное пыхтение едва поспевающего за ним спутника. Дважды они пересекали широкие овраги, и один раз переходили вброд неглубокую лесную речку. Несколько раз казалось, что тропа заходит в тупик, но Ауф сильными руками быстро расчищал путь и за кустарником и деревьями снова появлялась скрытая тропа.

Спустя час, когда стемнело, Скорвид полностью выбился из сил. Он остановился и согнулся, пытаясь перевести дух. В этот момент валкар оглянулся.

– Мы пришли, – сказал он.

Скорвид поднял голову и учуял в воздухе слабый, но хорошо различимый запах дыма. Они снова двинулись вперед и, пройдя с полсотни шагов, заметили первые отблески костра на стволах деревьев. Перед ними открылась просторная поляна, окруженная плотной стеной леса. На правом краю поляны горел небольшой костер и вокруг него расположились две дюжины валкаров. Когда Скорвид и Ауф вышли из чащи, валкары, вскочив на ноги, встретили их молчаливым и пристальными взглядами. В глаза скаута бросилась большая темная куча, возвышающаяся аккуратно в центре поляны.

– Здесь гореть погребальный костер в прошлый день. – не оборачиваясь, сказал Ауф.

Скорвид знал, с кем именно прощались здесь валкары. Он до сих пор во всех подробностях мог вспомнить страшный поединок тана с громадным собаколюдом. Осмотревшись, скаут увидел, что скудная жесткая трава была изрядно притоптана. По всей видимости, с могучим валкаром здесь прощалось едва ли не весь отряд Вокхога.

– Он встретил достойную смерть, – тихо проговорил гном.

– Так и есть, – кивнул Ауф. – Асх быть достойный сын стаи. Он надеяться стать вождь, когда придет время. Теперь это бремя взять на себя кто-то другой.

– Тан Ульфредин не хотел его смерти. Он не собирался проливать здесь чью-либо кровь.

– И поэтому он прийти сюда с оружием и воинами? – спросил Ауф.

– В свое время нам тоже пришлось нелегко. – покачал головой старый скаут. – Не далее как три недели назад мы попали в засаду гоблинов. Мы были не готовы и поплатились жизнями своих собратьев. Более мы не можем позволить себе таких ошибок.

Ауф внимательно посмотрел на Скорвида, кивнул и прибавил шаг. Валкары расступились при их приближении, пропуская путников к костру. Ауф обменялся парой фраз с одним из соплеменников и, указав рукой на гнома, объявил:

– Гросс лауф ирхан. Вис несс ульф Скорви.

Валкары все так же молча поклонились гному, на что скаут поспешно ответил тем же. Скорвид отметил, что в их глазах теперь не было той враждебности, которую он испытывал на себе в течение двух дней плена.

Скорvidу освободили место у костра, он сел, и с удовольствием протянул руки к огню. За время пути он изрядно замерз и пальцы на руках слушались плохо, а ноги уже начинали ныть от боли. Ауф сел рядом, справа от него и тихо заговорил с одним из собаколюдов на своем языке. О Скорвиде на некоторое время словно позабыли. Два валкара отошли к ближайшим деревьям и сняли с нижних ветвей три грубо сшитые кожаные сумки. В это время другой валкар быстро соорудил из крепких веток опору для вертела. Содержимое сумок было извлечено на разостланную козью шкуру: пять тушек кроликов и несколько внушительных кусков мяса,

происхождение которых Скорвид затруднился распознать. Один валкар занялся свеживанием кроликов, а двое других стали нарезать мясо при помощи костяных кинжалов.

Ауф наконец прекратил беседу с валкаром и обратил внимание на Скорвида.

– Голодный? – спросил он, проследив за взглядом гнома.

– Пфф, а то! Я с самого утра ждал аудиенции твоего вождя, а нам гномам не очень-то легко обходиться одними завтраками.

– Сегодня ты будешь сыт – оскалился валкар и кивнул на занятых готовкой собаколюдов.

– Это очень гостеприимно, Ауф. Но позволь все-таки узнать, о чем же ты хотел со мной поговорить?

Черношерстый валкар изобразил на лице подобие улыбки. Затем он снова обернулся к сидящему по правую руку от него и что-то шепнул. Молодой валкар тут же вскочил и отошел к деревьям, чтобы снять с ветвей еще один большой сверток, скрытый от глаз густой хвоей. Скорвид пристально следил за собаколюдом, конечно же догадываясь, что скрывает под собой затертая козья шкура. Вернувшись к костру, собаколюд вручил сверток Ауфу и тот положил его себе на колени, скрестив большие когтистые лапы поверх него. Скорвид нетерпеливо уставился на Ауфа.

– Он здесь, – подтверждая очевидное, сказал валкар.

– Я знаю, – ответил Скорвид. – Если ты привел меня сюда, чтобы вернуть мне его, то время пришло. Можешь это сделать.

– Сегодня, на лесной тропе, я предложить тебе обмен – твоё оружие на помощь нам. Но теперь, я думаю, что не должен это делать.

Скорвид резко встал.

– Ты издеваешься? – воскликнул он. – Ты же сам сказал, что вернешь его мне, в обмен на... да на чтобы то ни было!

Разговоры у костра умолкли и все валкары повскакивали со своих мест. В один момент воздух на поляне словно загустел. Звенящая тишина нарушалась только потрескиванием сухих веток в костре.

– Да, я так сказать. – ответил валкар.

– И что же? Твое слово ничего не значит, благородный Ауф?

Со всех сторон раздалось угрожающее рычание. Но Ауф поднял руку ладонью вверх.

– Ис наух вес ту гхост! – обратился он к соплеменникам, и валкары нехотя вернулись к своим делам, то и дело бросая на гнома недобрые взгляды.

– Я просить тебя сесть, – сказал Ауф, указав гному на его место, – Ты горяч, как медведь в ярость. Так ты напоминать мне Асх.

Скорвид немного остыл, осознав свое безрассудное поведение, и решил не накалять обстановку. Валкары приняли его мирно, можно даже сказать, гостеприимно. С его стороны было бы крайне неуместно пренебрегать их дружелюбием. Он снова сел подле могучего валкара.

– Ты не дослушать, что я тебе сказать. Я решить не отдавать тебе оружие, требуя взамен что-то. Мы забрать его у тебя, как у наш враг. Мы пленить тебя. Но теперь наши народы жить мирно. Сейчас нам должно вернуть тебе оружие, потому что валкар не вор. Мы не хранить чужое. Мой вождь не хотеть говорить с тобой, храбрый Скорви. Я не считать это правильно. Валкар не должно обижать честный гном. И я пригласить тебя сюда, на трапеза, чтобы вернуть тебе твой вещь.

После этих слов Ауф взял сверток и протянул его Скорvidу. Гном принял его из рук валкара, с превеликим удовольствием ощутив в руках приятную тяжесть арбалета. Нетерпеливо сдернув старую провонявшую козью шкуру, скаут придирчивым взглядом осмотрел многозарядный арбалет Многострел от приклада до плеч. Не обнаружив повреждений, он облегченно вздохнул и перевел взгляд на черного валкара.

– Вокхог знал о нем?

– Нет.

Гном кивнул.

– Спасибо, Ауф, что сохранил его. Этот арбалет – единственное во всем мире, к чему я хоть как-то привязан. Ты вернул его мне, и это – поступок друга. Благодарю тебя, благородный Ауф. Прими мои извинения за те речи, что я имел неосторожность здесь держать. В знак благодарности прими также и мою дружбу. – сказав это, Скорвид стянул меховые перчатки, протянул руки, ладонями вверх и склонив голову.

– Он принадлежать тебе. Ты не должен благодарить. – сказал Ауф, – Дружба есть дочь времени. Пока рано сказать, как жить наши народы. Может стать, нас ждать века мира. А может, нет. Но ты нам помочь, если хочешь.

– Та помощь, о которой ты говорил раньше?

– Да. Я надеяться, что ты нам помочь.

– Ну, если от этого никому не станет хуже, то я, конечно, помогу тебе, друг. Что от меня требуется?

Ауф обвел взглядом суетившихся вокруг костра валкаров. Те уже успели принести воды и трав из основного лагеря и начинили на вертел мясо. По воздуху поплыл аппетитный аромат жареной оленины. По запаху Скорвид мог безошибочно определить происхождение любой пищи.

– Так что же это, Ауф? Чем я могу тебе помочь?

– Мой просьба не так прост. Она потребовать время. Но если ты согласишься, то ты оказать валкар услуга, который не оказывать никто за весь история.

Скорвид развел руками.

– Если это в моих силах, то я помогу. Говори же наконец!

– Ты научить нас делать алет?

– Что-что? – переспросил гном, – Что научить делать?

– Алет, – терпеливо повторил Ауф, указав когтистым пальцем на Многострел.

– Арбалеты? – глаза гнома от удивления расширились. Он слабо представлял себе, чем мог помочь валкарам, но такой просьбы он даже не предполагал.

Скорвид посерьезнел и принялся задумчиво поглаживать седую бороду. Тан без сомнений будет против, тут и думать нечего. Его недоверчивость не позволит сдружиться с собаколюдами настолько, чтобы делиться с ними знаниями. Тем более, знаниями военного дела. Если валкары однажды станут врагами подгорного народа, то эти знания могут стоить жизни многим достойным гномам. С другой стороны, Ауф скрыл от своего вождя Многострел, чтобы впоследствии вернуть его хозяину. Этого Скорвид не мог не отметить. «Ну что ж, – подумал старый скаут – думаю, если об этом будут знать как можно меньше гномов, худа не будет. И все же осторожность не повредит».

– Ты мудро заметил, Ауф, что для дружбы нужно больше времени. Немного поразмыслив, я склонен с тобой согласится. Поэтому не будем торопиться. Для начала, я согласен обучить нескольких твоих бойцов использовать арбалеты. А также, мы дадим вам десяток хороших экземпляров.

Ауф перевел взгляд со Скорвида на пламя костра. И несколько мгновений он так и сидел молча наблюдая за пляшущими огненными языками.

– Да, так быть правильно. – наконец произнес он, и снова посмотрел на гнома. – Может, нам вовсе не нравится стрелять из алет. Мы лучше начать с малого.

– И есть еще одно условие, Ауф.

– Условие?

– Да, всего одно. Ради чести предков, ты должен научиться правильно произносить слова!

* * *

В тусклом свете масляной лампы Хальдор силился прочесть первую страницу истрепанного фолианта по алхимии. Форинвальд вручил его молодому гному накануне вечером и велел прочесть первую главу к рассвету, пока сам рунотворец занимался ранами тана. Читать Хальдор, конечно, умел: благо, его отец не жалел денег на образование сына. Он был привычен больше к косноязычному изложению трактатов по военному делу, нежели к сложным, витиеватым научным текстам. Но Хальдор не сдавался и продолжал раз за разом перечитывать сложные участки текста, чтобы полностью понять смысл непривычных слов и оборотов.

Ближе к полуночи его упорство дало первые результаты. Осилив несколько абзацев, он перечитал текст снова и вскрикнул от неожиданности. Бессмысленные на первый взгляд куски текста соединились воедино, явив Хальдору смысл вступительного текста книги.

– Хальдор! – прошипел Форинвальд, протиравший лицо спящего тана влажной тряпкой. – Ты что, умираешь?

– Нет, учитель, – отозвался Хальдор, вытирая рукавом пот со лба и снова спрятал лицо за книгой.

– Тогда прекрати вопить! Если ты разбудишь владыку Ульфредина, то клянусь камнем, я заставлю тебя съесть половину всех моих ингредиентов.

Хальдор мудро решил не поддерживать этот разговор. Вскоре ворчание старого рунотворца стихло, и молодой гном снова погрузился в чтение книги. Текст на первых двух страницах представлял собой всего лишь краткую биографию ее автора – Ардольфа, лучшего алхимика Белернаса. Далее шло оглавление, а за ним первое препятствие на пути познания тайн зельеварения – «Краткий справочник распространенных ингредиентов Североземья». Когда Хальдор дочитал до него, его глаза уперлись в непрístupную стену текста, в довесок ко всему, усложненную многочисленными правками и пометками самого Форинвальда. Словно почувствовав, это старый рунотворец произнес:

– Оставь список, покуда голова не лопнула. Переходи к первому рецепту.

Хальдор удивленно выглянул из-за книги, но Форинвальд все так же сидел подле кровати, склонившись к тану Ульфредину и вслушиваясь в его дыхание. Старик продолжал работу, словно ученик снова перестал для него существовать.

Хальдор вернулся к чтению и послушно перелистнул несколько страниц, остановившись на особенно затертом листе с оглавлением: «Серебристый лирр – средство против лихорадки». Далее шло описание внешнего вида зелья, его полезных и негативных свойств и перечень требуемого оборудования и ингредиентов для его приготовления. Судя по тексту, при смешении воды, толченых стеблей пастера и лепестков среброцвета, получалась мазь снимающая воспаление с открытых ран. А после тщательной варки и процеживания получался напиток, снимающий лихорадку и возвращающий больного из забытья.

– Внимательно изучи описание трав, – донесся до гнома голос рунотворца, – Затем иди к тем ящикам в углу и найди все, что нужно для зелья. Аккуратно разложи на столе и позови меня. Посмотрим, как ты усваиваешь элементарные основы.

Хальдор встал и, не выпуская книгу из рук, направился в угол шатра, где горой громоздились ящики и бочки самых разных размеров. Он положил книгу на крышку одной из бочек и принес со стола догорающую свечу, чтобы хоть немного осветить темный угол шатра.

– Осторожнее с огнем, – вновь проскрипел старик, – При соприкосновении с ним некоторые порошки в этих бочках могут испепелить половину лагеря в одно мгновение.

– Да, учитель, – глухо отозвался Хальдор и поставил миску со свечой на стеллаж, стоявший рядом со взрывоопасным складом. На крышках ящиков краской были начертаны списки содержимого. Судя по ним, в верхних коробках были семена и рассада всевозможных культур,

в том числе споры грибов и арзалитовые частицы для выращивания кристалльных светильников.

Хальдор со всей возможной осторожностью снял тяжелые верхние ящики и принялся изучать надписи следующих. Его взгляд остановился на старой коробке из темных рассохшихся досок. Среди перечня прочих трав, он нашел искомые среброцвет и пастер. Сняв крышку, Хальдор обнаружил под ней множество небольших секций, заполненных травами. В нос ударил резкий запах, заставивший гнома отшатнуться.

Придя в себя, Хальдор взял с бочонка и снова вчитался в описание стеблей среброцвета. Сравнив текст с содержимым ящика, молодой гном вынул из средней секции небольшой серебристо-белый стебель с маленькими темными лепестками. Он отложил находку на бочонок и снова взялся за книгу. Найдя в одной из секций подходящие по описанию изумрудные лепестки пастера, Хальдор закрыл ящик и вернул все коробки на свои места.

В это время Форинвальд закончил осмотр тана Ульфредина, кряхтя поднялся со стула и, выставив руки перед собой, направился в сторону рабочего стола.

– Ты слишком долго возишься, юный гном, – проворчал рунотворец, – Ты нашел нужные травы?

– Да, учитель. Они здесь. – произнес Хальдор, раскладывая травы на почерневшую от времени поверхность стола.

Форинвальд по очереди обнюхал среброцвет и пастер.

– Да, это они, – с некоторым удивлением хмыкнул старик. Затем он положил их на стол и ловким движением вынул из поясной сумки небольшую ступку с толкушкой. – Вот, возьми. Однажды ты обзаведешься своими инструментами, ну а пока пользуйся тем, что есть у меня.

Хальдор взял приборы из рук Форинвальда, и принялся их разглядывать. Внешне ступка казалась древнее своего хозяина. Ее стенки были покрыты тонкой сеткой трещин, а внутренняя сторона приобрела неопределенный темный цвет, от долгих лет использования. Толкушка выглядела немногим лучше. Рабочая сторона была окрашена все в тот же странный оттенок, а рукоять грозила рассыпаться в прах, при первом крепком сжатии в руке.

– Начинай с среброцвета, – промолвил старик.

Хальдор взял серебристый росток, аккуратно отделил от него лепестки и сложил вдвое. Затем он поместил стебель на дно ступки и принялся его толочь. Старый гном продолжал стоять рядом со своим учеником, то и дело приносясь. При этом его лицо, большей частью скрытое всклокоченной бородой, морщилось, будто от недовольства.

– Нет, нет, нет! Это никуда не годится! – наконец разразился он. – Сок среброцвета должен источать отчетливый аромат, схожий с запахом мяты. А я пока что слышу только запах пота и непроходимой глупости моего ученика! Толочь нужно увереннее, с нажимом. Ты держишь пест, как картограф гусиное перо, схвати его поудобнее и принимайся за дело.

Рунотворец, тихо бранясь, отошел от рабочего стола и зашуршал бумагой в дальнем углу шатра. Хальдор стиснул зубы и сжал толкушку так, что на его кулаке побелели костяшки. К удивлению гнома, инструмент выдержал. Вдохнув, Хальдор начал старательно перетирать свернутый стебель, размазывая его влажные от сока волокна по стенкам ступки. Наконец до ноздрей добрался заветный аромат сладковатой мяты. Точнее, как и сказал Форинвальд, он лишь напоминал мяту, однако в чем состоит его отличие, Хальдор не смог определить. Старик тут же возник за спиной молодого гнома.

– Сойдет, – проскрипел он, – теперь выкладывай толченый стебель вон в ту чашку, а ступку промой и вытри насухо. Со стеблем ты справился, а вот лепестки пастера нужно перетереть до порошка. Это более трудоемкий процесс, впрочем... – старик немного помолчал, словно подбирая слова, – Впрочем, думаю, из тебя выйдет толк.

Спустя два часа, когда луна уже клонилась к горизонту, учитель и ученик сидели на низких табуретах у входа в шатер и курили трубки. Работа была окончена. Под пристальным над-

зором старого мага, регулярно получая оплеухи, Хальдор все-таки сумел приготовить отвар приемлемого качества. И судя по тому, как повеселел его учитель, такого результата не ожидал даже он.

Ночной ветер приятно охлаждал лицо, развевая жесткие непослушные волосы молодого гнома. Шатер рунотворца располагался на вершине небольшого холма, открытый для царивших здесь ветров. Двум уставшим гномам открывался хороший вид на спящий лагерь и черную полосу реки Безымянной, слегка укрытой жидкой дымкой предрассветного тумана. Вокруг было тихо. Лишь с одной из окраин лагеря был слышен звон медной посуды: это разбуженный часовыми повар готовился к приготовлению завтрака для стражи.

– Мастер, – позвал старого гнома Хальдор.

– А? – отозвался рунотворец, – Ты что-то сказал?

– Повелитель Ульфредин поправится?

Старый гном хмыкнул и задумчиво потянул трубку, выдыхая обильные клубы дыма в холодный весенний воздух.

– В этом мире есть множество вещей нам неподвластных, мой юный гном. Но с этим делом мы справились хорошо. Если у тана не началось заражение крови, а признаков этого я не обнаружил, то его раны затянутся и кости срастутся. Владыка Ульфредин сильнее любого гнома из тех, что я знал.

– Я рад, что мы смогли ему помочь, мастер. Мне понравилось исцелять раны. Это настоящий дар.

– Искусство медицины, мой мальчик, это лишь одна из множества граней нашего ремесла. В мире известны сотни дисциплин магии, и даже я слышал далеко не о всех. Мы, гномы, изучаем рунную сторону магии. Она опирается на знание сущности камня и всевозможных минералов, скрытых в его недрах. С начала времен наши Старейшие изучали секреты скрытых во тьме сокровищ, познавая их тайны, совершенствуя свое мастерство. В далекие годы Перводенства вожди кланов созвали Сход Мудрых – большое собрание всех гномов, обладающих знаниями в почти неизведанном в то время магическом искусстве.

– Перводенство? – прервал старика Хальдор, – Я не слышал об этом раньше. Что это, учитель?

– Я не удивлен, – невесело хмыкнул рунотворец, – Оплот Воителей не утруждал своих подопечных уроками истории, верно?

– Да, мастер. Мы проходили краткий курс древних войн, но о таких вещах как Перводенство наставники нам не рассказывали.

– Что ж, тогда я с удовольствием восполню пробелы твоих знаний. Мне приятно пересказывать эту часть истории нашего народа. Перводенством называют обширный период, охватывающий примерно восемьсот лет нашей истории. В то время кланы гномов были юны и могущественны. Шло второе тысячелетие Первой Летописи. Всего их, как ты знаешь, семь. Тогда в Миртвальде процветали три гномьих царства: Морфазарг, Паледор и Селевъярд. В наше время уцелело лишь последнее. Паледор раскинулся под Песчаными горами далеко на юге. Морфазарг был скрыт в недрах Алмазного нагорья, что лежало на западном берегу континента. А Селевъярд взгромоздился на вершины Титановой Гряды, навсегда укрывшись от взглядов прочих народов пеленой облаков.

В этом месте Форинвальд на мгновение прервал рассказ, потянул трубку и, выпустив изо рта небольшое белесое облако дыма, продолжил:

– Все три государства были величественны и сильны. Паледор славился своим военным ремеслом. В Морфазарге обучались знаменитейшие мастера в самых разных областях, таких как горное дело, металлургия, инженерия и даже кулинария! Селевъярд же блистал умом и мудростью, храня в своих чертогах богатейшие библиотеки. В каждом из этих государств нашлись свои адепты рунной магии. Сообща и поодиночке, они изучали сокровенные тайны подгор-

ных минералов, открывая для себя все новые чудеса. Когда слухи об этих мастерах разошлись по всем гномьим царствам, было решено объединить их усилия. Таким образом, был созван Сход Мудрых, который был призван направлять и контролировать исследования всех первых рунотворцев. Возглавили Сход три известнейших и уважаемых рунотворца того времени. От Морфазарга пришел Вардुльф Огнерук, Паледор был представлен престарелым Сонгирфом Каменным Посохом, а из высокого Селевьярда прибыл сам Азургалл – глава клана Серебряный Взор.

Последние слова Форинвальда заставили Хальдора поперхнуться. Старый рунотворец замолчал и, не обращая внимания на закашлявшегося ученика, принялся раскуривать погасшую трубку.

– Извините, мастер, но вы сказали Серебряный Взор? – оправившись от кашля, спросил молодой гном, – Разве это не имя вашего клана?

– Верно, – кивнул старик, снова окутавшись пеленой сизого дыма. – Все началось с него, а я всего лишь посредственный рунотворец в боги знают каком поколении.

– Но это не так, – возразил Хальдор, – Вы были первым рунотворцем Берегонда! Вы...

– А теперь последний, – мрачно оборвал его Форинвальд. – И нет здесь больше таких. Не с кем сравнивать. И я надеюсь, что ты в полной мере осознал, почему мне так важно научить тебя хоть толике того, что знаю я сам.

– Я не подведу вас, мастер.

– Надеюсь на это. Ибо больше не на что.

– Но вы не закончили, учитель. Расскажите дальше про Сход Мудрых.

– Да, расскажи, Форинвальд – раздался за их спинами хриплый низкий голос. – Только для начала, принесите что-нибудь поесть.

– Владыка Ульфредин! – охнул Хальдор, вскочил на ноги и бросился искать Гройна.

* * *

Пронзительный вой разорвал сон Скорвида и он вскочил на ноги, силясь разлепить заспанные глаза. Небо сковали стальные безрадостные тучи. Утро занялось недавно и трава все еще была покрыта росой. Скорвид огляделся. Он оказался со всех сторон окружен рычащими и лающими валкарами. Однако все они смотрели вовсе не на него. Напротив, их взгляды были обращены куда-то в сторону. Раздался протяжный орлиный крик, настолько громкий, что скаут обхватил руками голову. Валкары тут же подались назад со всех сторон и сдавили несчастного гнома, сбив ему дыхание.

Следом за птичьим криком послышались чьи-то голоса. Они звучали громко и отрывисто, и Скорvidу не понадобилось много времени, чтобы понять, что кто-то отдает приказы. Вдруг над головами валкаров мелькнуло что-то большое и белое. Затем еще раз и еще. Орлиный крик повторился снова и валкары, отчаянно завыв, отпрянули назад, увлекая за собой гнома. Команды теперь раздавались громче и в воздухе отчетливо слышалось шуршание и хлопки.

В конце концов, гному надоело стоять и гадать, что же здесь происходит, и он стал решительно расталкивать напуганных валкаров. Расчистив себе путь, сквозь живую стену собаколюдов, Скорвид остановился и уставился на центр поляны. Пред ним предстало зрелище, подобное которому он не видел со времен своей молодости.

Посреди поляны выстроились пятеро огромных созданий, являющих собой помесь орла со львом. Передние лапы, крылья и голова относились к орлиной сущности зверя, но задняя часть туловища походила на львиную. Они стояли, взрыхляя цепкими передними лапами землю и расправляя могучие крылья. Большие темные глаза гордых созданий безотрывно смотрели на сбившихся в кучу валкаров, а массивные клювы то и дело угрожающе щелкали.

Это были грифоны – великолепные существа, в дикой природе живущие в высокогорных районах, где мало людей, а следовательно, много живности для охоты и пропитания. Эти звери сильны и быстры, а мощные крылья делают их великолепными охотниками, способными приспособиться к жизни практически в любых условиях. Свободолюбивые и гордые, они парят высоко в небе, выслеживая свою добычу, абсолютно беззащитную пред ними.

Однако, разместившиеся в данный момент на поляне грифоны отличались от своих диких собратьев. Этот вид был гораздо крупнее и выносливее, хотя и уступал своим диким сородичам в проворстве. Скорвид помнил, что Грифонья Стража выращивала и воспитывала великолепных созданий по старинным традициям, хранимым в строжайшем секрете. А когда грифон вырастает, оруженосец ордена собственноручно выковывает для него броню и сбрую, и преподносит их зверю в дар. Если дар принимается, то оруженосца производят в рыцари и грифон становится его побратимом. Тела этих могучих существ были закованы в искусно выкованные стальные пластины, надежно скрепленные между собой цепями. На их спинах крепились седла для наездников, снабженные страховочными ремнями из прочнейшей кожи. Головы грифонов защищали те же пластины, сделанные наподобие шлемов, оставляя свободными лишь мощные клювы созданий. Щели для глаз размещались в броне таким образом, чтобы животное могло определить свое положение в воздухе, но не более. Ведомые опытными наездниками, эти грифоны не нуждались в полноценном обзоре. Куда важнее было защитить их глаза от вражеских стрел и копий.

В седлах восседали всадники. Не смотря на пасмурное утро, их начищенные до блеска латы сияли, словно видения из сна. Пластины наплечников соединялись на груди массивными цепями, укрывая под собой кольчугу из крупных стальных звеньев. Спины покрывались алыми плащами, а головы были защищены наглухо закрытыми шлемами, увенчанными серебряными крыльями. За спинами воинов крепились парные мечи, в правой руке они держали длинные пики, а левыми удерживали цепи, служившие наездникам вожжами.

Один из грифонов выступил вперед, щелкнув в воздухе клювом.

– Именем ордена Грифоньей Стражи, назовите причину, по которой вы ступили на землю Алтареса! – раздался приглушенный шлемом голос всадника.

Валкары зарычали и снова подались назад, оставив Скорвида одного перед шеренгой небесной кавалерии. Из толпы собаколюдов вышел Ауф и осторожными шагами направился было к рыцарям, но Скорвид остановил его, ухватив за руку.

– Лучше говорить буду я, – сказал он валкару.

Ауф перевел взгляд с рыцаря на гнома и, кивнув, отступил на шаг. Скорвид направился навстречу вышедшему вперед всаднику.

– С кем я имею честь говорить? – спросил скаут.

– Капитан Парелл. – ответил воин, – Ты пленник этих тварей, гном? Как твое имя?

– Нет, я не пленник. Я гость этого племени.

Рыцарь издал смешок и заставил грифона подойти ближе.

– Гость? И часто вы, гномы, гостите у этих псов? – сказал воин, указав острием пики в сторону сбившихся в кучу валкаров.

Рыцари поодаль рассмеялись и стали постепенно окружать поляну.

– Именно гость, как бы смешно вам это не показалось. – раздраженно сказал Скорвид. Он начинал злиться. Скауту не доводилось ранее общаться с членами ордена, но он много слышал о них, и никак не ожидал такого обращения, тем более от офицера.

– Что ж, пусть так. – проговорил всадник. – Значит, ты гость. Так назови же свое имя, если не скрываешь его по какой-либо причине.

– Я Скорвид Медвежий Утес. – ответил гном, – И советую придержать язык, человек, когда говоришь о друзьях тана Ульфредина.

Озадаченный взгляд рыцаря чувствовался даже сквозь закрытое забрало шлема.

– Так это друзьям твой повелитель обязан таким количеством сломанных костей?
Поодаль снова раздался смех других всадников.

Скорвид стиснул зубы, но благоразумно промолчал. Он развернулся и пошел было назад к валкарам, но рыцарь на грифоне окликнул его:

– Куда это ты, гном? Ты что же это, решил, что наша встреча окончена?

– Да, окончена, если вам кроме шуток не о чем больше поговорить. – не оборачиваясь, сказал скаут.

Рыцарь выругался и направил грифона за гномом.

– Постой, гном. Прости, если мои слова уязвили твою гордость. Мы не привыкли иметь дело с кем либо иной расы, сам понимаешь. Видит Анзалл, на протяжении истории мы чаще бились с гномами, нежели вели с ними беседы.

– Пф, чушь полная. – все так же угрюмо отозвался Скорвид, остановившись, – Что значит «мы не привыкли»? Со времен последней войны, между людьми и гномами, в твоём ордене сменилось поколений двенадцать, не меньше. И даже если бы и не так, то орден в Алтаресе уж точно в этих войнах не участвовал. Так что не нужно вести здесь грозных, но пустых речей, человек. Ты не можешь говорить со мной дружественно лишь потому, что твое невежество и подпитываемая им гордость не дают тебе увидеть равного в том, кто хоть немного отличается от тебя самого.

Над поляной воцарилось молчание. Скорвид уставился в темную прорезь в шлеме рыцаря. Валкары не смели даже рычать. Наездники застыли в седлах, а их грифоны, будто почувствовав недоумение хозяев, беспокойно озирались по сторонам. Парелл неотрывно смотрел на гнома, и как бы тот ни силился понять, что на уме у рыцаря, шлем надежно скрывал эмоции воина.

Скорвид почувствовал легкую слабость в ногах, предшествующую каждому бою. За миг до сражения его голова начинала немного кружиться, а руки будто наливались свинцом. В тот же момент все проходило, и он ощущал в теле могучую силу и крепость духа, дыхание становилось ровнее, взгляд тверже. Разум мгновенно и методично оценивал ситуацию, раз за разом прикидывая расстояние до противника, его численность и мощь. Воинский инстинкт прокручивал перед его мысленным взором все возможные сценарии боя.

Однажды Форинвальд сказал, что это одна из форм Аватара – редкого дара, доступного очень и очень немногим гномам. У большинства из тех немногих, кто обладает им от рождения, Аватар проявляется одинаково: в момент преисполнения ярости, тело гнома может увеличиться в размерах, иногда даже вдвое. При этом, его кожа становится подобна граниту, и темнеет порою до цвета обсидиана. Аватар не передается от отца к сыну, но ходят легенды, что когда-то этот дар был всего лишь одной из воинских наук, и овладеть ей мог практический любой из гномьего народа. Теперь же, когда знания древних мастеров пали вместе с их королевствами, среди гномов иногда рождаются те немногие, в чьих жилах этот дар еще теплился. Прочие гномы смотрят на таких сородичей со смесью страха и восхищения. И те живут по сей день, разрозненные по миру, словно едва тлеющие угольки давно угасшего очага, мерцающие во тьме, в надежде вспыхнуть как прежде.

На этот раз бой не начался. Парелл открепил от пояса страховочную цепь, перекинул ногу через луку седла и тяжело громыхнув броней спрыгнул на землю. Несмотря на тяжесть массивных доспехов рыцарь двигался удивительно легко и даже в некотором роде грациозно. Он был высок и могуч, а доспехи и вовсе придавали ему величественный вид. Подойдя к гному, капитан снял шлем и коротко поклонился. Темные длинные волосы рассыпались на его плечах. Гном увидел, что под шлемом скрывалось юное, но мужественное лицо. Серо-зеленые глаза воина смотрели ясно, и при этом несколько виновато.

– Прошу меня простить, господин Скорвид. – тихо, но твердо произнес капитан. – Я бываю невыносим, мне часто ставят это в укор и младшие и старшие чины нашего ордена.

Однако же, зла я не желаю, ни тебе, ни этим... дикарям. – сказал юноша бросив короткий взгляд на сгрудившихся поодаль валкаров. – С рассветом мы облетели все окрестности и собирались было возвращаться назад, когда мой Когтегор заметил валкаров на этой самой поляне.

Гном недоверчиво посмотрел на капитана. Он слишком хорошо знал людей, чтобы чувствовать, когда те лгут, особенно так неумело как этот зеленый юнец. Скорвид понял, что как раз присутствие подчиненных и есть причина напускного высокомерия их командира. «Жалкая попытка молодого щенка придать себе веса за счет унижения других. И тем не менее старается не наживать себе настоящих врагов. Приспособленец и только. Такие, к сожалению, не редкость» – подумал гном.

– Зачем вы здесь? – спросил он Парелла.

– Нам было велено отыскать и доставить в лагерь гномов их сородича по имени Скорвид. Я понял, что мы нашли кого искали, когда увидел, как ты лежишь на земле прямо посреди шайки валкаров. Я хотел отдать приказ к атаке, но решил не рисковать. Мы думали, что они снова пленили тебя и держат в заложниках.

Скорвид шумно вздохнул и закатил глаза.

– И вы уже знаете... – сокрушенно проговорил скаут.

– Знаем о чем?

– О том, что я уже бывал у них... хм... в гостях.

– Да, нам поведал один из ваших. Я не запомнил его имени.

– Так вас послал принц? – спросил Скорвид.

– Да. Мы несли вести о группе странствующих музыкантов, на поиски которых его величество не пожалел ни средств, ни времени. Прибыв в ваш лагерь, мы и узнали от одного древнего старика о последних событиях и нездоровье вашего лидера.

– Ульфредин! – словно опомнившись воскликнул Скорвид, – Так ты говорил с Форинвальдом, нашим рунотворцем. Что он тебе рассказал? Тан Ульфредин, как он?

– Полагаю об этом ты сможешь спросить его и сам. Ведь это он послал за тобой, – усмехнулся юный рыцарь.

– Каменные недра! – взревел Скорвид. – Так чего же мы ждем? Я направляюсь в лагерь, – заявил гном и двинулся к валкарам за своими вещами и арбалетом.

Собаколюды расступились перед спешащим гномом, но тот едва ли обратил на них внимание. Его сердце было исполнено радости и великого облегчения. В последние дни он боялся даже гадать о дальнейшей судьбе своего повелителя и друга. Ибо ранения полученные им в бою стерпел бы далеко не каждый гном, будь он хоть трижды молод. А почтенный возраст тана и вовсе лишал всякой надежды на лучшее. Форинвальд всегда был оптимистом, но даже здесь его прогнозы звучали более чем сдержанно. Теперь слова молодого и заносчивого Парелла вырвали его из тяжких дум.

Скорвид торопливо закрепил на спине арбалет и взял с земли плащ, служивший ему постелью в последнюю ночь, когда на его плечо опустилась когтистая лапа. Гном вздрогнул, поднял голову и встретился взглядом с Ауфом.

– Не забудь. – только и проговорил валкар.

Скорвид посмотрел валкару в ярко-золотистые глаза, коротко кивнул и хлопнул его по плечу. Затем он накинул на плечи плащ и застегнул его на груди при помощи серебряной застежки в виде медвежьей головы. Накинув капюшон, гном направился было прочь от поляны, но его остановил голос Парелла:

– Так не пойдет, пешком слишком долго. У нас нет времени ждать, пока ты доберешься до лагеря своим ходом, гном. – юноша говорил громко, так что в его манеры вернулось некоторое высокомерие. – Мой Когтегор легко вынесет еще одного седока. Особенно такого небольшого. – закончил фразу Парелл, вызвав смешки своих соратников. Капитан Грифоньей Стражи

жестом указал гному на своего огромного зверя. Скорвид нерешительно направился к нему, но, поравнявшись с Пареллом, остановился.

– Сегодня я тебя прощаю. Но ради горных вершин, пожалуйста, пошути так же завтра. – бросил гном человеку и более уверенным шагом подошел к терпеливо возвышавшемуся на поляне грифону.

Зверь издал пронзительный крик и склонил голову набок, стараясь разглядеть невысокого незнакомца, подошедшего к нему вплотную. Рыцари оставались в стороне и с любопытством наблюдали за гномом.

Скорвид протянул руку к грифону, и тот, к удивлению всадников и ужасу валкаров, склонил голову, позволив грубой мозолистой руке старого охотника прикоснуться к стальным пластинам его брони. Какое-то время они так и стояли, словно застыв во времени, не шевелясь и не издавая ни звука. Затем гном убрал руку и обернулся к капитану.

– Мы готовы. Ты с нами или нет?

Брови Парелла сдвинулись, а губы искривила недобрая улыбка. Он махнул рукой остальным воинам.

Всадники переглянулись и двинули грифонов по краю поляны. Парелл подошел к скауту и помог ему взобраться в седло. Затем молодой воин закрепил его ремнями к спинке седла и сам взгромоздился на спину Когтегора. Юноша умелым движением скрепил свои доспехи с броней грифона толстой стальной цепью, и схватив ее, словно поводья, двинул зверя вперед.

Валкары, убедившись, что всадникам ордена нет до них дела, поспешили скрыться в лесной чаще. Только Ауф остановился на самом краю поляны и посмотрел как взмывшие в воздух величественные силуэты легендарных рыцарей скрылись вдали, оставив после себя лишь ветер и свинцовые тучи.

Глава 4. Клинок и Знамя

Хальдор засучил рукава потрепанной мантии и со всей возможной осторожностью полез рукой в самое сердце колючего кустарника. Там, за буйно сплетенными шипастыми ветвями сноркса, как называли это растение странники Глухомани, виднелся темно-красный бутон. Это был круглый цветок, состоящий из плотно сомкнутых толстых лепестков, бордового цвета, увенчанный темным пятном аккуратно в центре бутона. Око сноркса. Довольно редкое растение в самой Глухомани, а также на юге и в большинстве других земель Миртвальда. Как гласит справочник Североземья, этот цветок используется в приготовлении самых сложных лекарственных зелий из всех известных современной алхимии. Благо, что он подолгу сохраняет целебные качества даже в сорванном виде. На его поиски нередко снаряжают целые экспедиции, а лекарства, полученные при помощи него, могут позволить себе лишь самые состоятельные жители королевств. Форинвальд сказал, что за один бутон ока сноркса на юге можно было выручить не меньше сотни золотых монет. Сумма приличная. На эти деньги в Берегонде можно было купить маленький домик или оплатить учебу в купеческой школе. В сумке гнома было уже три таких бутона.

«Удивительно, что жители Алтареса сочли эту землю такой бесполезной» – подумал гном. Стиснув зубы, он потянулся вперед и схватил красный цветок. В тот же миг от его неосторожного движения несколько колючих стеблей впились в руку, и гном охнул. Он попытался было аккуратно вытащить пострадавшую конечность из чрева куста, но колючки плотно зацепились за кожу, и его действия только ухудшили ситуацию. Пот стекал по лбу гнома, он шумно перевел дыхание. В конце концов, выругавшись на чем свет стоит, Хальдор рванул руку к себе, с треском таща за ней колючие ветки.

Неподалеку, с ветвей невысоких редких деревьев вспорхнула стайка птиц, испуганная диким воплем, полным искренней досады и боли. Хальдор качался взад-вперед, прижимая к груди израненную руку и продолжая сквозь зубы охаживать злосчастный куст крепкими выражениями. Ощупав здоровой рукой пояс, гном снял с него маленький мешочек, издававший резкий, но приятный запах экзотических трав, похожих на мяту. Это были остатки целебной мази, которую Хальдор изготовил под руководством Форинвальда для тана Ульфредина.

Поспешно развязав узел, молодой гном зачерпнул пальцем едва ли не все содержимое мешочка и обильно нанес мазь на исполосованную руку. В тот же момент он почувствовал будто горящая от боли кожа погрузилась в холодную воду. Боль стихла почти сразу, и Хальдор перевел дух. Продолжая втирать мазь, он внимательно осмотрел порезы и решил, что несмотря на их глубину, в швах все же нет нужды. После обработки ран мазью гном оторвал кусок грубой ткани от полы своей мантии и перевязал пострадавшую руку.

Удовлетворенно осматривая перевязку, Хальдор внезапно услышал отдаленный звук, напоминающий орлиный крик. Гном встал на ноги и посмотрел на северо-запад, откуда, как ему казалось, доносился, этот неясный звук. Среди тяжелых грозовых туч его глаза не смогли разглядеть ничего. Лишь редкие вспышки молний вдалеке, над вершинами Гранитных гор, предвещающие бурю или сильный снегопад. Крик раздался снова. Однако теперь он звучал ясно и прямо над головой гнома. Хальдор поднял глаза вверх, и в этот самый момент из темно-серого одеяла туч вырвались одна за другой пять крылатых фигур. Они стремительно летели на юг, то выныривая, то снова скрываясь в толще пасмурных облаков. Гном так и стоял рядом с колючим кустом, провожая взглядом исчезающий вдали летучий отряд. Эти силуэты были однозначно знакомы юному гному, и он вспомнил где впервые увидел нечто подобное. Ведь это было совсем недавно, когда караван пересек границу Алтареса и вошел в Остролиственные Доли. Тогда гномы и увидели такую фигуру, парящую над пиками Ленстрийских гор. Мастер Скорвид рассказал в тот день самым любопытным гномам, в числе которых был и Хальдор, об

ордене Грифоньей Стражи. Тот рассказ вместе с видом величественного существа, парящего в небесной выси, произвели на юный ум неизгладимое впечатление. Хальдор и сейчас не верил, что над его головой только что пронесся отряд рыцарей Грифоньей Стражи.

– Забери меня камень, – выдохнул он наконец, не отрывая глаз от стального неба, в котором несколько мгновений назад скрылся последний грифон. – Но... куда они... Ба! Да они летят в лагерь! – Хальдор хлопнул себя ладонью по лбу и бросился собирать брошенные на земле вещи.

Он подхватил висящую на ветке куста сумку и забросил в нее маленький стальной серп, пустой мешочек из-под целебной мази и аккуратно свернутый в ткани четвертый бутон сноркса. Убедившись, что ничего не забыл, гном со всех ног бросился на юго-запад к побережью реки, где был расположен их основной лагерь.

Хальдор исследовал равнину по указанию Форинвальда. Тот подробно рассказал ученику как выглядит око сноркса и как его лучше всего искать. Поначалу юный гном не мог обнаружить ни намек на искомое растение и постепенно отдалился от лагеря достаточно, чтобы из виду скрылась даже река. Теперь, чтобы вернуться, ему предстояло преодолеть чуть больше мили. Однако, он бежал довольно быстро, огибая редкие рощи чахлах карликовых деревьев. Тренировки в военной академии не прошли даром, и к удивлению самого гнома, он понял, как же ему не хватало простой пробежки с препятствиями по скользкой от росы траве. Хальдор, пожалуй, мог бы бежать быстрее, если бы не висящие на нем лохмотья, гордо именуемые Форинвальдом ученической мантией, и сумки, висящей через плечо, всякий раз подпрыгивающей выше головы Хальдора на поворотах.

Вскоре впереди показались столбы сизого дыма. Хальдор остановился, чтобы немного перевести дух, и шагом направился к скоплению шатров, растянувшегося вдоль берега широкой реки. В нос ударил аромат жареного мяса и свежего хлеба. Часовой на окраине лагеря рассеянно махнул ему рукой, и Хальдор направился вглубь стоянки. Судя по тому, что половина лагеря опустела, грифоны были уже здесь и своим прибытием произвели самый настоящий переполох. Перед палатками лежали брошенные инструменты, а над кострами висели забытые давно кипящие котлы с похлебкой.

Впереди послышался шум множества голосов. Хальдор обошел палатку картографа Фурдара и вышел к просторной поляне образованной перед шатром тана. Почти все гномы были здесь. Большинство из них столпились поодаль, на краю площадки, с восхищением и страхом наблюдая за существами, занявшими почти все свободное пространство перед большим шатром. Из пяти могучих всадников, восседавших на грифонах, спешился лишь тот, чей шлем венчали серебряные крылья. У входа в шатер стояли тан Ульфредин и мастер скаутов Скорвид. Хальдор протиснулся вперед через столпившихся гномов и, как все, стал наблюдать за происходящим на поляне.

– Мы рады, что смогли вам помочь. – обратился к тану воин с крылатым шлемом, хотя в его голосе не было никакой радости. – Теперь же нам нужно заняться и своими делами. Я передам лорду Райну вашу благодарность. Возможно, нам еще предстоит видеться в будущем, так как командор нашего ордена приказал расширить территорию патрулирования, включив в нее Снежную Долину. В хорошую погоду, разумеется. Да, и кстати, насчет погоды. В Долине собирается буря. Мы видели в небесах грозовые тучи. Ваш друг это подтвердит. И если вам нужен мой совет, то я рекомендовал бы вам повременить с походом. Снежные бури в этой долине могут быть очень сильными и долгими. Эти земли безлюдны не без причины. Впрочем, может быть, валкары и подскажут вам как выжить в бесконечном снегопаде. – закончил капитан рыцарей и на лице его мелькнула злорадная ухмылка. Он коротко поклонился тану Ульфредину и взобрался в седло своего огромного грифона. Управившись с цепями, он подал команду своим братьям, и грифоны двинулись по кругу поляны, разгоняясь и поочередно взлетая.

Гномы подались назад, не отрывая глаз от завораживающего зрелища. Когда же последний грифон с протяжным криком взмыл в небо и улетел вслед за другими, молчание, охватившее лагерь, наконец прервалось взрывом множества голосов. Все принялись бурно обсуждать увиденное, шумно восхищаясь легендарными птицами и их наездниками. Постепенно гномы начали возвращаться к своим делам и обсуждению новостей о снежной буре, надвигающейся из Долины.

Тан Ульфредин обменялся парой коротких фраз с мастером-скаутом и они скрылись в большом шатре. Хальдор стал выискивать в толпе своего учителя, когда за его спиной раздался скрипучий голос:

– Мальчик! Хальдор, ты здесь? Так и знал, что он запропаستится с элементарным заданием.

– Вот же он! Давайте я помогу Вам, мастер Форинвальд. – раздался другой голос.

Молодой гном обернулся и увидел своего учителя, ведомого под руку рыжебородым квартирмейстером Дервильфом. Старик был одет в темную старую мантию, которую Хальдор раньше не видел. Глаза старого рунотворца были скрыты такой же темной повязкой из плотной ткани.

– Я здесь, учитель, – поспешно отозвался Хальдор.

Форинвальд повернул голову в сторону своего ученика и оттолкнул от себя Дервильфа. Тот недовольно хмыкнул и направился прочь, бормоча что-то о капризных, неблагодарных стариках.

– Итак, ты нашел то, о чем я тебя просил?

– Да, учитель. Четыре ока snorkса. Знаю, вы просили три, но уже на обратном пути в лагерь я нашел в ложбине еще один куст...

– Не тот случай, когда мое задание должно быть исполненным дословно. – нетерпеливо отмахнулся старик, – Держи их пока при себе, позже они нам понадобятся. А сейчас мы идем в большой шатер. Давай, помоги же мне, хватит стоять столбом!

Хальдор спохватился и повел старого гнома по направлению к шатру тана.

– Тан Ульфредин прислал за мной сенешаля, велел быть сию же минуту. Ба! Легко приказывать немощному, слепому старцу. – проворчал Форинвальд.

– Должно быть, всадники ордена принесли какие-то важные вести, – предположил Хальдор, осторожно обходя место, где, судя по всему, справил нужду один из грифонов.

– Да, пожалуй, что так. Наш повелитель обеспокоен. В последнее время происходят странные вещи, а ведь он едва успел прийти в себя после падения Берегонда. Сейчас на его плечах лежит огромный груз ответственности за гномов, которые, доверившись ему, пошли против воли Совета Танов и отправились в этот поход. Теперь наш тан терзается сомнениями, хватит ли ему воли и мудрости, чтобы провести свой народ через все препятствия, уготованные нам в пути. Впрочем, я слишком разговорился. Долго еще идти?

– Нет, учитель, мы на месте. Входите, я подожду вас у входа.

– Что? Нет, ты не понял меня, юный гном. Ты пойдешь со мной. Смелее, заходи же!

Гвардеец, дежуривший у входа в шатер, распахнул перед ними полог и учитель с учеником вошли внутрь. Хальдор был слишком удивлен, чтобы возражать рунотворцу. Он решил вести себя как можно незаметнее и сделал вид, что просто помогает старику передвигаться.

В шатре было гораздо теплее, нежели снаружи, где безраздельно властвовали все более суровые день ото дня ветры. Посреди просторного круглого помещения стояла большая жаровня, где все еще тлели несколько углей с прошедшей ночи. Хальдор уже слышал от одного из младших хускарлов, что с тех пор, как шатер тана посетил странный колдун, владыка приказал поддерживать огонь в шатре постоянно. Гвардейцы даже выстроили свое предположение, будто это был вовсе не колдун, а злой дух, который перевоплощался в людей и мог мгновенно перемещаться в ночной темноте. Хальдор, хоть и не был сведущ в подобных вещах, все же

склонялся не воспринимать эти домыслы всерьез. Тем более, что сам Форинвальд их решительно не разделял.

Когда глаза молодого гнома привыкли к полумраку, он разглядел в дальнем конце шатра сидящего в массивном резном кресле тана Ульфредина. Рядом с ним стоял мастер Скорвид и они о чем-то тихо и напряженно говорили. Заметив вошедших, они прервали беседу.

– Почтенный Форинвальд, – кивнул старику тан.

– Приветствую тебя, владыка, – проскрипел в ответ маг. – Прости мне мою медлительность. С годами даже небольшие расстояния стали для меня настоящим испытанием. Я пришел так быстро, как смог. Полагаю, у тебя есть новости о бродячей труппе, которая чуть не погубила наш поход.

– Верно. Капитан Грифоньей Стражи Парелл сообщил, что поиски музыкантов окончены. Их обнаружили на восточной окраине леса, в котором и была устроена засада гоблинов. Сначала патрули грифоньего ордена облетели половину королевства, но не смогли ничего обнаружить. Тогда лорд Саладор Райн приказал начать поиски с самого начала, от поля битвы, и призвал в помощь Лестранских егерей. Спустя день они обнаружили растерзанные труппы артистов.

– Рас.. растерзанные? – удивленно проговорил Форинвальд, – Кем?

– Скорее всего, гоблинами. – отозвался Скорвид, – Таким образом зеленокожие вымещают свою злобу за поражение. Когда любая армия этих дикарей, неважно будь то орки, огры, тролли или гоблины, терпит неудачу, то, отступая, они сметают на своем пути все, не особо разбираясь друзья перед ними или враги. В Осмарской войне дошло даже до того, что наголову разбитые отряды армии огров по возвращении в свою столицу разрушили ее до основания в приступе невообразимого гнева. Поэтому я склонен предположить, что артистов убили именно гоблины. Об этом говорят и следы пыток на телах.

– А что же сами зеленокожие? Их удалось найти?

Тан Ульфредин покачал головой. Скорвид ответил за него:

– К тому моменту прошло уже слишком много времени. Егери прошли по следам выживших гоблинов до Пограничного леса. Дальше никто идти не отважится. За этим сумрачным лесным массивом начинаются Угрюмы Топи. Они несут гибель всем, кто туда попадает. Валкары говорят, что стародавние времена они ссылали туда своих преступников, в качестве страшнейшего наказания. – Скорвид погладил седую бороду и продолжил – Не думаю, что гоблины еще живы. В тех местах таится истинное зло, от которого не будет пощады никому.

– А что насчет колдуна? Его имя, кажется, Неандр? – спросил рунотворец.

– Так он мне назвался. – угрюмо сказал Ульфредин, – Нет, его среди убитых не было. Я полагаю, что он расстался со своими спутниками сразу после того, как мы разбили гоблинов на опушке леса.

– Ну конечно, – рассеянно произнес Форинвальд, – Этот чародей не так прост. Боюсь, что мы еще услышим о нем.

Все трое задумались. Форинвальд вдруг покачнулся, но устоял опершись на вовремя подошедшего Хальдора. Скорвид, опомнившись от раздумий, взял стоявший неподалеку табурет и усадил на него старого рунотворца. Тан, казалось, ничего не замечал. Он смотрел прямо перед собой, но его взгляд был где-то очень далеко.

Ульфредин вспомнил ту ночь, когда обнаружил в своем шатре незваного гостя. Ему припомнились произнесенные тогда слова: «Весь твой народ на волоске от гибели. Их от нее отделяет только размер твоей гордости. Подчинишься, будет тебе мир. А если нет, то недоразумение с гоблинами покажется тебе детской шалостью, после того, что сделает со всеми вами мой господин». Тан так и не поведал никому о послании, которое передал тот странный незнакомец. Более того, он не рассказал никому о том, как легко этот колдун изменил свою внешность. Ульфредин действительно опасался того, что среди его подданных пойдут разговоры о том,

что их правитель помутился рассудком. Колдуна ведь никто не видел. Все, что было известно о том ночном посещении, поведал сам Ульфредин. Большинство гномов, конечно, поверили своему повелителю, но гордость гвардейцев, стороживших его шатер, была сильно задета. Они клялись, что той ночью не сомкнули глаз, и между собой выражали сомнения по поводу произошедшего. Например, не приснился ли тану очень яркий и правдоподобный кошмар?

От тяжких раздумий Ульфредина отвлек голос Скорвида.

– Думаю, эту тему можно пока оставить. Так или иначе, обнаружить колдуна нам сейчас не под силу. Но мы будем готовы к его следующему появлению. Теперь же необходимо обсудить дальнейшие действия.

В этот момент полог шатра откинулся и внутрь вошел крупный полноватый гном с рыжей бородой, раскинувшейся по всей его обширной бочкообразной груди.

– Мой тан, прошу простить мне мое опоздание. – воскликнул квартирмейстер. – Стоило многих усилий заставить всех вернуться к работе. Народ у нас достаточно впечатлительный, они все еще обсуждают величие этих гордых существ. И я их не виню, зрелище поистине величественное!

– Ты пришел вовремя, Дервильф. Настала пора решить, что делать дальше и нам нужен твой совет, так как ты лучше любого знаешь о том, на что способен сейчас наш караван.

– Что ж, тогда таить не буду, мой тан. Мы слишком задержались в Неожитых землях. В остальном королевстве наступает осень, но здесь погода уже подобна началу зимы. С дальнейшим продвижением нам будет становиться все труднее, так как уже сейчас мы пополняем запас провианта куда медленнее, чем он расходуется. Охотиться здесь практически негде, лесов для заготовки древесины мало. Поэтому я считаю, что нам нужно как можно скорее выступить на север. Будем надеяться, что живности и дерева там окажется больше.

Ульфредин расчесал пальцами бороду и обернулся к стоящему подле него Скорvidу.

– Что думает наш мастер скаутов?

– Я согласен с почтенным Дервильфом, но лишь отчасти. Нам не стоит входить в Снежную долину неподготовленными. Когда я летел с капитаном Пареллом над равниной, – при этих словах Дервильф и Хальдор посмотрели на него с нескрываемым восхищением, – то увидел, что над пиками Гранитных гор сгустились небывалые грозовые тучи. Близится буря, с какой едва ли сталкивался хоть один гном. Боюсь, что обильные снегопады не редкость для долины. Дар короля Вальдариса не так прекрасен, как нам хотелось бы верить.

Дервильф скрестил руки на груди и посмотрел на тана.

– И что ты предлагаешь, мастер Скорвид? – спросил скаута Ульфредин.

– Я считаю, что нам нужно спросить совета у валкаров, повелитель.

Тан откинулся на спинку кресла и задумчиво оглядел присутствующих. Дервильф что-то тихо проворчал, а Форинвальд молча покачал головой. Скорвид продолжил:

– Я знаю, что после всего случившегося среди нас вряд ли найдется кто-то способный доверять собаколюдам, но иного выхода для нас я не вижу. Учитывая сколько их поколений называют долину своим домом, кроме них никто не сможет рассказать нам о выживании в столь суровом краю. К тому же, Вокхог сам желал говорить с тобой, тан, прежде чем мы войдем в долину.

Скорвид замолчал, сцепив руки за спиной, прошел через весь шатер к выходу, слегка отодвинул полог и выглянул наружу. На какое-то время в шатре воцарилась тишина. Лишь снаружи доносились голоса гномов. Вдруг издали снова донесся неясный гул. Через пару мгновений он превратился в низкий рокот и казалось, что даже земля едва заметно содрогнулась. Форинвальд прочистил горло и проговорил:

– Времени на раздумья у нас почти не осталось. Дружба с валкарами нужна нам, хотим мы ее или нет. Владыка Ульфредин, я надеюсь, что твои раны достаточно затянулись и мы сможем продолжить путь. Потому что, если не выступить сейчас, нам придется ждать когда

снега снова сойдут. А при здешнем климате это может произойти через пару месяцев, а может, и больше.

Ульфредин поднял взгляд на рунотворца, затем перевел его на стоявшего у выхода Скорвида. Тот встретился взглядом с таном и кивнул. Тан посмотрел на Дервильфа, тот шумно вздохнул, всплеснув руками, и снова что-то проворчал.

– А что думает твой ученик, мастер Форинвальд? – внезапно спросил Ульфредин.

– Мой кто? – растерявшись, проговорил старик, – А, Хальдор! Где ты там, парень? Тан хочет слышать твое мнение.

Молодой гном, потупив взгляд, вышел из-за спины старого мага и встал перед креслом тана. Тот осмотрел начинающего рунотворца с головы до ног, и на его губах заиграла улыбка, надежно скрытая от присутствующих густой бородой.

– Клянусь Камнем, Форинвальд, – проговорил тан, – этот мальчик напомнил мне одного мага явившегося ко двору моего отца в поисках службы. Одет во что попало, держится неуверенно, да и борода темна как ночь. Огненные Недра! Да я уверен, что на нем те же самые лохмотья!

– Боюсь, что так, мой повелитель. Эта та же мантия. – сконфуженно сказал Форинвальд, – Я не особо слежу за своими вещами, и уж тем более, редко приобретаю новые. Эта привычка у меня осталась с молодых лет, впрочем, ты это и так заметил. А мантию я хотел выбросить, да все руки не доходили.

Все присутствующие гномы, кроме Хальдора, рассмеялись. Молодой гном совсем не привык к подобному вниманию, поэтому ему было вовсе не до смеха, он все еще гадал, чего же хочет услышать от него тан.

– Ну, будет. – отсмеявшись, проговорил Ульфредин и обратился к Хальдору. – Тяжело иметь такого учителя как наш Форинвальд. – он бросил веселый взгляд на старика-рунотворца. – Поэтому я распорядюсь, чтобы наши портные дали тебе что-нибудь подходящее для твоей службы. А сейчас вернемся к нашему разговору. Ты присутствовал на малом совете и слышал все, что здесь говорили эти почтенные гномы. Как ты думаешь, что же нам стоит предпринять? У нас, как я понял, всего три возможных пути. Первый, это выступить через день, и решительным марш-броском самостоятельно пройти как можно дальше вглубь долины до того, как снег заметет проход в нее. Второй путь предложил наш мастер-скаут, и он заключается в том, что мы можем обратиться за помощью к валкарам и пройти в долину с их помощью. Если первый вариант несет в себе риск погибнуть в непроходимых снегах, то во втором к этому добавляется еще и наша беспомощность перед стаей собаколюдов. Доверившись им, мы окажемся полностью в их власти, и если тем захочется с нами расправиться, у нас не будет ни единого шанса их остановить.

При этих словах Ульфредин мельком встретился взглядом со Скорвидом, но тот быстро отвернулся.

– А третий? – робко спросил Хальдор.

– Третий? Наш третий путь, юный гном, это свернуть лагерь, перебраться на западный берег Безымянной и переждать бурю среди людей. Несомненно, это будет большим испытанием для нашего народа, так как охотиться в обжитых землях нам не дадут, и на пропитание придется зарабатывать ручным трудом, производя для местных жителей оружие и инструменты. Позор, что и говорить.

Тан замолчал, снова откинулся на спинку стула и выжидающе глядел на Хальдора. Тот стоял, все так же потупив взгляд, и пытался понять зачем тану спрашивать его мнения в таком важном деле. Что хорошего и разумного мог посоветовать владыке молодой гном, едва знавший законы жизни и мира? Однако же, какое-никакое, а мнение у него на этот счет, как и у любого другого гнома, имелось.

– Повелитель, то, что я скажу может показаться глупым или даже смешным. Но, раз ты спрашиваешь моего мнения, я подчиняюсь, и вот оно. Здешние люди мне нравятся, они честны, добры и любознательны. Не думаю, что они со злорадством будут относиться к нашей просьбе переждать бурю у них. И уж тем более, не станут злоупотреблять тем положением, в котором мы оказались. Однако, – Хальдор перевел дух, – мне не по нраву их образ жизни. Их извечная торопливость во всем, будь то дела или отношения друг с другом. Сегодняшние друзья завтра могут стать кровными врагами. Они спешат разбогатеть, не особо заботясь о тех, кому при этом могут навредить. Нет, не со зла, но все же такое у них не редкость. Я слышал много подобных историй на стоянке в Касгарде. Поэтому, я думаю, что на нас пагубно скажется долгое пребывание среди людей. Возможно, позже, когда пройдет достаточно времени, наши культуры станут больше подходить друг другу. Но сейчас я считаю, что третий путь нам не подходит.

Все гномы ошеломленно уставились на Хальдора. Никто из них, включая сидящего с раскрытым ртом Форинвальда не ожидал подобных речей от молодого гнома. Их поразила та наблюдательность, которой, как оказалось, обладал юный ученик. Как истинно по-гномьи, основательно и с расстановкой он излагал свое видение ситуации.

– Продолжай. – тихо сказал Ульфредин.

Хальдор переступил с ноги на ногу и заговорил дальше:

– Из оставшихся двух путей для меня очевиден выбор второго. Я считаю, что если валкары желают нам зла, то они легко смогут атаковать нас и при быстром марш-броске. Один старый учитель в Военной Академии однажды сказал, что потенциального врага всегда лучше держать в поле зрения. Хотя я и не считаю валкаров нашими врагами. Более того, я думаю, тебе, владыка, действительно следует обратиться к их вождю за советом. Это может стать началом нашего союза, построенного на доверии. Не говоря уже о том, что с этими собкаколюдами у нас гораздо больше шансов благополучно пересечь долину. И вот мое мнение. Я выбираю второй путь.

В шатре снова повисла тишина. Гномы обдумывали доводы Хальдора, дивясь их очевидности и поражаясь, как они сами не дошли до них в своих размышлениях. Хальдора смутило наступившее молчание. Он ожидал, что его прервут или высмеют, но выражения лиц присутствующих говорили о том, что они были смущены не меньше, чем он.

Наконец, тан произнес:

– Сейчас прозвучали, пожалуй, самые весомые аргументы из всех,. Я благодарю тебя, юный Хальдор, ты можешь вернуться к учителю.

Хальдор коротко поклонился тану и отошел назад, снова встав за спиной Форинвальда. На губах рунотворца играла улыбка, Дервильф пробормотал что-то одобрительное, а Скорвид, казалось, и вовсе повеселел.

* * *

Итак, решение было принято, и в течение часа совет продолжал обсуждение вопросов по подготовке каравана к последнему переходу. Скорвид отправил одного из скаутов договориться с валкарами о месте и времени, где их вождь будет говорить с предводителем гномов.

Погода портилась, и далекие гулкие раскаты грома все чаще достигали лагеря. Однако надвигающаяся буря вовсе не страшила гномов. Более того, в лагере царило небывалое воодушевление, и оно не иссякало на протяжении двух дней, с тех пор, как Гройн зычным голосом объявил всем приказ тана о скором выступлении. Гномы были необычайно рады, что настало время покинуть негостеприимную холодную пустошь. Хоть впереди их ждало место еще более суровое, но все таки это были горы, и среди них любой гном мог чувствовать себя дома.

Телеги выстроили на окраине лагеря. Началась погрузка провизии. За время стоянки продовольствия у гномов стало заметно меньше, но по расчетам Дервильфа его должно было хватить до окончания пути. Как только гномы достигнут гор, им не нужно будет беспокоиться о еде, так как в их недрах обитает множества разных существ, часть из которых, гномы научились приручать еще на заре своей истории. Запасы подземных культур Форинвальда так же уцелели в походе, и приложив толику рунной магии старый рунотворец сможет быстро вырастить в горных пещерах первые урожаи серых грибов и каменной лозы. Дервильф же надеялся в короткие сроки отыскать подземные пастбища клоттеров – свиноподобных слепых существ, которые были куда крупнее своих наземных собратьев. Эти животные обитают в глубинах гор, поблизости от подземных рек и озер. Питаются они в основном жухлым мхом, но серые грибы являются для них изысканным деликатесом. Этим-то гномы и пользуются в приручении этих смиренных существ. Клоттеры, и то, что успеет вырастить рунотворец составят основной рацион гномов, откуда не будет налажена торговля с людьми.

В течение дня в лагерь вернулись последние охотники, с тем немногим, что удалось выследить на равнине. Женщины принялись готовить ужин, и вскоре над лагерем потянулись ароматы запеченной дичи и наваристой похлебки. Под умелым руководством Дервильфа гномы управились с погрузкой провизии еще до темноты. С наступлением сумерек в лагере заиграла лютия и забили барабаны. Следом зазвучали первые песни, возвещая о начале скромного пира. Между двумя большими кострами в два ряда выстроили столы, а вместо стульев подкатали пустые бочки из под пива.

– Эх, знал, что они пригодятся! – довольно сказал Дервильф подошедшим к нему Форинвальду и Хальдору. – В любом случае, стоит захватить эти бочонки с собой, посмотрим, быть может в будущем мне удастся сварить немного черного эля!

– Удастся, если ты не забыл погрузить семена каменной лозы и прочих растений, которые мы упаковали и приготовили у моего шатра. – проскрипел Форинвальд.

– Все сложено в особой повозке, почтенный мастер, как вы и просили. Банки с семенами плотно обмотаны шкурами и связаны друг с другом. Ящики с арзалитом мои ребята поместили на самое дно повозки. Остальные порошки и травы рассортированы по мешкам, в соответствии с вашими инструкциями.

Дервильф почтительно поклонился, тщательно скрывая гордость за безупречно выполненную работу.

– Что ж, замечательно. Тогда, не знаю как вы, почтенные гномы, а я пожалуй сяду за стол. Уж больно вкусно нынче пахнет мясо. Хальдор, помоги мне сесть.

Молодой гном отвел учителя к краю еще почти пустого стола и усадил старца на бочонок. Тут же, к ним подбежала темноволосая девушка-гном в запачканном кровью и жиром фартуке и в закопченном от дыма платке, небрежно повязанном на голове. Она поинтересовалась с чего Форинвальд хотел бы начать ужин. Тот пожелал запеченный в углях картофель, пару кусков жаренной баранины и запить все это теплым вином, из запасов Гнезда Грифона. Выслушав старика, девушка поклонилась и бросив короткий озорной взгляд на Хальдора поспешила к южному костру готовить заказ. В это время напротив Форинвальда сел картограф Фурдар и завязал с рунотворцем оживленную беседу на тему возможной растительности Снежного Предела. Удостоверившись, что учитель пока не нуждается в его услугах, Хальдор направился вслед за убежавшей молодой прислужницей.

Лагерь бурлил. Уже совсем стемнело, и повсюду зажигались установленные на шестах факелы. Гномы постепенно стекались из своих палаток к центру лагеря, принося с собой остатки продуктов и столовые принадлежности. На окраине поляны, рядом с большим шатром расположились музыканты и принялись настраивать инструменты.

Хальдор прошел мимо все нарастающей горы бочек с элем, и маневрируя среди снующей под ногами детворы направился в сторону южного костра. По пути он чуть не столкнулся с

несколькими младшими хускарлами – его бывшими соратниками, однако вовремя накинул на голову капюшон и те прошли мимо, не обратив на него внимания. Хальдор избегал встречи с ними с тех пор, как пал Бервидольф. Ибо вместе со званием оруженосца, он потерял и уважение своего сословия.

У южного костра было многолюдно. По кругу от него были выставлены небольшие столы, за которыми и кипела основная работа. От запаха жарящегося мяса, свежих нарезанных овощей и специй у голодного Хальдора закружилась голова. Он сглотнул слюну и стал искать взглядом ту, за кем он сюда пришел. Женщины поглощенные готовкой всевозможных блюд не обращали внимания на то, что происходило вокруг них. Девушки помоложе занимались разносом еды к столам, хотя у них пока работы было немного. До начала пира оставалась еще пара часов, поэтому большинство из них сидели в сторонке и опасливо поглядывали на главную среди поварих. Килра Кормилица возвышалась над прочими поварихами практически на голову, и ростом была вровень с некоторыми гвардейцами тана. Ее огненно рыжие волосы были сплетены в толстую короткую косу спадавшую на спину. Тяжелые черты лица придавали ее внешности еще более грозный вид. Лишь отсутствие бороды отличало ее от мужчины.

Она проходила вокруг костра уперевав крепкие руки в бока и оценивающим взглядом окидывала то, что готовили ее подопечные. Иногда, обнаружив у одной из поварих какую-либо оплошность, она немедленно краснела и низким гулким голосом исторгала поток ругательств, достойный разве что не самого воспитанного горняка. О ее суровом нраве было широко известно всем жителям Берегонда и даже некоторым, за его пределами. Поварихи и служанки боялись ее пуще Подземных Повелителей, но при этом нужно отдать должное тому, как ее характер отражался на работе ее подчиненных. Хоть еда гномов и была довольно простой, поварихи Кормилицы умели так приготовить и приправить свои блюда, будь они из мяса, овощей, серых грибов или каменной лозы, что на пиры Берегонда часто приезжали представители людской аристократии из соседних стран. Поэтому она всегда была на хорошем счету у старейшин кланов, хоть гостям ее никогда и не представляли.

Хальдор подошел как можно ближе к поварским столам, стараясь при этом не привлекать внимания. Дождавшись, когда Килра пройдет мимо он прошмыгнул мимо двух работниц, свежававших тушки кроликов и оказался у стола той самой служанки, которая приняла заказ у Форинвальда. Ее звали Нэн. Пока что она была служанкой на подхвате у своей патронессы, но уже совсем скоро, она и сама сможет стать поварихой. Склонившись над измазанным жиром и рыбьей чешуей столом, она ловко орудовала длинным стальным ножом, разделявая очередного лосося, прежде чем бросить мясо в стоящую рядом на скамье корзину и потом отнести его на жарку.

Отбросив тыльной стороной ладони выбившуюся из-под платка прядь волос, она подняла взгляд и увидела стоящего неподалеку молодого ученика рунотворца. Улыбка появилась на ее лице и она подала ему знак, чтобы он подошел ближе. При этом она опасливо посмотрела на Кормилицу, но та попробовала томатный суп, сваренный одной из поварих, и судя по все более нарастающим крикам, сварен он был далеко не так, как полагалось.

Хальдор приблизился к девушке и снял с головы капюшон.

– Я знала, что ты придешь! – весело сказала Нэн. – У тебя все время на лице написано, что ты умираешь от скуки. Наверное, нелегко приходится постоянно терпеть общество старика Форинвальда, да?

– Это не так. – возразил Хальдор, – То, чем я теперь занимаюсь, гораздо интереснее унылых лекций в Академии или бесконечных боевых тренировок, где ты lupишь оппонента, пока у тебя не останется сил, а потом он точно так же lupит тебя. А после вы сравниваете свои синяки и делаете выводы кто из вас лучший вояка.

Нэн, прищуривав глаза, недоверчиво посмотрела на Хальдора и вернулась к разделке рыбы.

– Так ты теперь и книги умные читаешь? – спросила она после небольшой паузы.

– Да, мастер Форинвальд заставил меня вызубрить два справочника по целебным травам, сейчас я уже перехожу к теории рун.

– Так быстро? – спросила Нэн. – Никогда не понимала, как можно что-нибудь разобрать среди всех этих закорючек. Зачем придумывать и держать в голове все это, если гораздо легче пользоваться обычными словами? Вот, как мы сейчас с тобой говорим. Только представь, как было бы тяжело, если бы мы общались записками. Тоже мне, наука!

– Ты права, общаться лучше словами. Но бывают случаи, когда нужно передать какие-то слова через поколения, чтобы потомки могли узнать, что говорил тот или иной мудрый гном. Но если передавать слова из поколения в поколение, общаясь как мы с тобой сейчас, то часть драгоценных знаний может быть утеряна или искажена. Вот скажи мне, что я пожелал тебе на твое тридцатилетие, тогда, в Четырех Печах?

Нэн хотела было что-то быстро ответить, но запнулась и задумалась. Потом она смутилась, и под копотью на ее щеках проступил стыдливый румянец. Вопрос явно застал ее врасплох.

– Прости, Хальдор. – смущенно проговорила она, – Я, кажется, забыла.

– Ничего страшного – с ободряющей улыбкой сказал молодой гном, – Зато я теперь знаю, что пожелать тебе на следующее десятилетие. И теперь-то ты понимаешь, что если бы я записал эти пожелания и вручил их тебе вместе с подарком, то, умей ты читать, могла бы напомнить себе о том, что я говорил тебе семь лет назад.

– Нуу, – протянула Нэн, – Может, ты и прав. А сложно это – учиться читать?

– Для этого нужно много терпения, но раз ты так сносно переносишь работу у Килры, то, думаю, вполне сможешь научиться читать. Быть может, когда мы достигнем конца пути, мы выгадаем немного времени, и я постараюсь тебя научить.

– Здорово! – обрадовалась девушка. – Другие поварихи и служанки умрут от зависти, если узнают, что неумеха Нэн научилась читать!

– Ты говорила, что слышала, будто тебя могут сделать поварихой. Эти слухи подтвердились?

– Еще не точно, но вчера я сама слышала, как Килра говорила моей патронессе, чтобы та искала себе новую помощницу.

– А патронесса ничего тебе не сказала?

– Нет, но относиться ко мне она стала гораздо прохладней, чем обычно. Должно быть, ей не нравится, что вскоре я буду с ней наравне. – на лице Нэн снова появилась веселая улыбка. – Когда меня произведут в поварихи, я смогу тоже взять себе помощницу из девочек.

– Думаю, из тебя выйдет отличная повариха, Нэн, – с теплой улыбкой ответил Хальдор. – Твои родители гордились бы тобой, это точно.

Заметив, как после его слов посерьезнело лицо подруги, гном быстро добавил:

– Прости... Не стоило мне говорить о них.

– Нет, не извиняйся, – успокоила его девушка, – Да, их больше нет, но не только я потеряла своих родных в Берегонде. Отец часто говорил моим братьям, что те, кто погибает в бою, становятся духами предков и способны защищать своих близких после смерти. Я верю, что теперь они всегда рядом, и от этого мне становится легче о них вспоминать.

– В моей семье тоже верят в это. – тихо проговорил Хальдор.

– Ты скучаешь, по своим родным? – спросила его Нэн.

– Я думаю о них иногда. Мы расстались как-то неправильно. Слишком быстро. Когда Бервидольф объявил, что присоединяется к походу тана Ульфредина, меня поставили перед фактом и отправили собирать вещи. Родители просто стояли и молча смотрели, как я набивал свои сумки. В последний миг отец подошел ко мне и положил руку на мое плечо. Его взгляд бегал по моему лицу, будто он силился запомнить каждую деталь. Но тут меня окликнул Бер-

видольф, и я спешно покинул семейный шатер. Мы так и не сказали ничего друг другу на прощанье. А сейчас я даже не знаю добрались ли они до крепости Хмельной Песни.

Хальдор замолчал и вздохнул. Затем его губ едва коснулась печальная улыбка.

– Боюсь даже представить, что сказал бы отец, если бы узнал о том, что военная карьера для меня закрыта.

– Думаю, что ты неправ. Ты ученик первого рунотворца, а уж это чего-то да стоит!

– Моя семья, весь мой клан всегда шли путем воителей. Я должен был продолжить эти традиции: с блеском окончить Военную Академию и поступить на службу в гвардию одного из танов. Падение Берегонда и гибель Бервидольфа навсегда закрыли для меня эту возможность. Наши законы тверды и должны соблюдаться во что бы то ни стало. Не знаю, каково мне было бы смотреть отцу в глаза, но может оно и к лучшему, что наши пути разошлись. – сказав это, Хальдор приободрился. Улыбка снова озарила его лицо, а в глазах появился задорный огонек.

– Оставим эти разговоры. Скажи лучше, ты сможешь припасти немного вкусностей и что-нибудь, чем их можно запить? Если тебе это удастся, то обещаю, что после пира прочитаю тебе пару историй из книги, которую Форинвальд дал мне для чтения на досуге.

– Правда? – восторженно воскликнула девушка. Затем, испугавшись, что могла привлечь внимание Кормилицы, Нэн огляделась, и увидела, что та уже давно перестала распекать невероятную поварику и почти завершила обход вокруг костра, находясь всего в трех столах от нее и Хальдора. – О, нет! Нам очень сильно попадет, если Килра заметит, что мы разговариваем. К тому же, патронесса давно ждет эту лососину. Я постараюсь, что-нибудь припрятать на вечер. А ты не забудь книгу. Ну все, тебе пора!

– Хорошо, тогда увидимся после пира! – сказал Хальдор и, накинув капюшон, быстрым шагом направился прочь от костра.

Разговоры с Нэн всегда поднимали ему настроение. Они дружили уже очень давно. С самой юности, когда их семьи тесно общались, Хальдор, Нэн и ее два брата были самыми неразлучными друзьями в Берегонде. Война с людьми изменила все, что в то время казалось им незыблемым. Своды их родных чертогов рухнули, похоронив под собой все их мечты и надежды. Пути назад, к прежним дням не было.

* * *

Луна и звезды надежно укрылись за нависшими в небе тучами. В ночной тишине вереница из пяти гномов продвигалась среди холмов, освещая себе путь тусклым светом факелов. В неверном отблеске пламени идти было трудно, но среди путников был мастер Скорвид, поэтому они уверенно шли по бездорожью, обходя многочисленные ухабы и валуны, в изобилии рассеянные в этих местах.

Следом за мастером-скаутом, заметно хромя, шел тан Ульфредин. Он был облачен в свою чешуйчатую кольчугу, умело залатанную одним из кузнецов каравана. На плечи был наброшен шерстяной плащ, а на голове поблескивал серебряный обруч, инкрустированный дивным изумрудом великолепнейшей огранки. Седая грива волос, будто снег, лежала на его плечах. Густая борода, по обычаю благородных гномов, была заплетена в две толстые косы. Хоть его наряд и нельзя было назвать парадным, да и хромота не придавала великолепия, но выглядел тан все же по-королевски. Взгляд его был суров и бодр, несмотря на то, что не прошло еще и двух дней, как он оправился от ран и встал на ноги.

Следом за ним шагали Гройн и двое самых надежных гвардейцев. По традиции сенешаль нес в одной руке штандарт клана Камнебородов, а в другой держал короткий клинок с обоюдоострым широким лезвием. Таким образом гномы давали понять, что они готовы к любому исходу переговоров.

Они выступили из лагеря в сумерках. Не привлекая внимания других гномов, их небольшой отряд отправился на север, вдоль Безымянной и успел преодолеть почти милю, прежде чем раны Ульфредина и наступление ночи замедлили их движение.

Скорвид, идущий впереди, забрался на небольшой холм и, оглянувшись, сказал:

– Вижу огни! Мы почти на месте.

– Пора бы уже, – переводя дух, проговорил Ульфредин, – Почему он просто не согласился прийти к нам на пир, как мы ему и предлагали? Вот уж за что я невзлюбил этих валкаров, так это за их причуды.

– Они не пришли к нам по той же причине, по которой ты отказался бы идти в их лагерь, дружище. – весело ответил скаут. – Все наладится, как только вы перестанете подозревать друг друга во всяких темных замыслах.

Ульфредин наконец одолел подъем на вершину холма и, вынув из за спины топор, тяжело оперся на его рукоять. Взглянув на север, тан увидел желтое пятно света на самом берегу реки. У костра сидели двое валкаров.

– Я ожидал, что их будет больше. – промолвил тан.

Скорвид усмехнулся.

– Твои ожидания частенько подводят нас в последнее время. – с усмешкой произнес он.

Ульфредин, все еще тяжело дыша, бросил усталый взгляд на друга и покачал головой.

– Я бы и рад перестать ждать отовсюду подвоха, Скорвид. Да вот не могу. Годы не те, чтобы меняться.

– Да ну? Еще год назад я знал совершенно другого Ульфредина. Тот гном любил жизнь и те сюрпризы, которые она преподносила.

На этот раз тан посмотрел на скаута хмуро.

– Не забывай, Скорвид, к чему привел последний такой сюрприз. Да, в то время я был куда беспечнее. На меня не давил грузом ответственности титул тана. Порой мне казалось, что мы, гномы, владыки своих судеб. Что нам не грозят никакие беды, покуда наши сокровищницы полны, а горы крепки. Но все оказалось не так. Изнеженные годами спокойной жизни в недрах родных пещер, мы позабыли о том, как суров и изменчив наш мир. И беда не заставила себя ждать.

– Я помню это, старый друг, – сказал скаут. – И все же, не опасения и не подозрительность, в свое время, привели наш народ к процветанию. Мы устали бояться, Ульфредин. Твой народ жаждет иметь надежду на достойное будущее, на величие, пусть и самую ничтожную. И все они смотрят на тебя. Сейчас именно ты олицетворяешь в их глазах все те качества, коими должен обладать истинный тан.

Ульфредин выпрямился и спрятал топор на перевязь за спиной. Оглянувшись он увидел, что Гройн и гвардейцы стоят поодаль и выжидающе смотрят на него.

– Знаешь, Скорвид, мне в пору было сделать тебя своим сенешалем, а не заставлять бегать по лесам в поисках приключений. – при этих словах, на лице тана промелькнула улыбка. – Твои слова уже который раз возвращают меня из того омута, в котором мой разум пребывает весь последний год.

Скорвид рассмеялся и подойдя к тану положил руку ему на плечо.

– Когда мы доберемся до гор и отстроимся, ты будешь волен назначить меня хоть придворным шутом. Только бы чаще видеть тебя в хорошем расположении духа. А теперь, пойдём. Покажешь нашим новым соседям, каковы на самом деле владыки гномов.

Скорвид подал знак стоящей в стороне свите, и отряд двинулся по пологому склону холма к костру. Двое валкаров уже заметили свет их факелов и один из них вышел гномам навстречу. Подойдя поближе старый скаут узнал в собаколюде Ауфа. Тот медленно кивнул Скорvidу и обратился к Ульфредину:

– Мы приветствовать тебя, повелитель клана Ульди. Мой вождь ждёт тебя у огонь. Я остаюсь здесь с остальными. Мы не участвуем в разговоре вождя.

Ульфредин перевёл взгляд с Ауфа на силуэт у костра, а затем тихо сказал Скорвиду:

– Как я понял, это тот самый валкар, с которым тебе удалось сдружиться?

– Вряд ли это можно назвать дружбой, но, думаю, что мы друг другу доверяем.

– Хорошо. Пока я буду говорить с вождем, попробуй разузнать у этого верзилы побольше о Долине. Возможно, их вождь попытается от нас что-то скрыть, поэтому любые знания будут полезны. Кто знает, может, тебе он расскажет больше.

– Ты не справишься. – покачал головой старый скаут. – Ладно, посмотрим, что я смогу выяснить.

Тан направился к костру. Жар огня приятно окутал его словно толстое шерстяное одеяло. Вокхог поднял взгляд на приближающегося гнома. Ульфредин заметил это и постарался скрыть болезненную хромоту.

– Прошу, – сказал валкар, указав на укрытый козьей шкурой камень слева от себя, – сестра рядом. Ты погреться у мой костер, повелитель клана Ульди.

Тан присел на предложенное место и, сняв толстые меховые перчатки, с удовольствием протянул руки к огню, разминая заочевшие пальцы.

– Ты желал говорить со мной. Итак, я здесь и готов выслушать тебя.

– Слушать меня? – с оттенком удивления в голосе проговорил Вокхог. – Нет, Ульди, это я сегодня тебя слушаю.

Валкар потянулся к поясу и снял с него небольшой кожаный мешочек, туго перевязанный сушеной жилой. Он развязал его, вынул горсть светлого порошка и бросил ее в огонь. Раздался треск, и в холодный ночной мрак тут же взвилась россыпь ярко красных искр. В воздухе чувствовался приятный аромат незнакомых Ульфредину трав.

– И что же ты хочешь от меня услышать? – выждав паузу спросил гном.

Валкар перевёл взгляд с пламени на гнома и оскалился в некое подобии усмешки.

– Все. – коротко ответил Вокхог.

Ульфредин молчал. Его взгляд был прикован к пламени костра, потрескивающим сухими сосновыми ветками. Казалось, холодный пронизывающий ветер окончательно стих, и белесый густой дым тонким столбом поднимался от огня в черную пропасть беззвездного неба. Неподдалеку слышался тихий плеск Безымянной. Ульфредин вздохнул. Ему совершенно не хотелось ничего рассказывать валкару, хоть тот и вправе был знать больше о своих новых соседях.

Вокхог, тем временем, раз за разом бросал перед собой несколько выточенных в форме кубиков костей с вырезанными на них странными символами. Вождь валкаров как будто позабыл о присутствии Ульфредина. Но гном понимал, что это вовсе не так. Валкар просто терпеливо ждал, пока его собеседник решится продолжить беседу, словно понимая, как тяжело ему это сделать.

– Снег вот-вот пойдёт. – прервал молчание валкар. – Но мы быть здесь пока я не услышу твой рассказ.

Ульфредин поднял на него взгляд.

– Что именно ты хочешь от меня услышать?

– Ты начни с рассказа о своей родине. Откуда ты пришёл? Расскажи мне.

Тан поджал губы. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось беречь воспоминания. И все же он решил покончить с этим.

– Становится холодно. – проговорил он – Думаю, стоит позволить нашим людям присоединиться к нам и погреться у огня.

Вокхог склонил голову в знак согласия и на его волчьей морде промелькнуло нечто похожее на одобрение. Он рыкнул в сторону стоявших в стороне силуэтов и пролаял:

– Ар офр грос надеир.

Самый высокий силуэт махнул рукой остальным, и в освещенный костром круг вошли четверо гномов и могучий валкар. Вокхог швырнул Ауфу лежавшую подле него кожаную сумку и тот вынул из нее две толстые козьи шкуры. На одной из них разместились гвардейцы, на другой Скорвид и Гройн. Сам Ауф сел прямо на землю рядом со своим вождем.

Ульфредин вынул из-за пояса флягу с вином и сделал два больших глотка. Затем вернул флягу на место и оглядел присутствующих. Гномы кутались в плащи, и поглядывали на своего тана, усердно пытаясь скрыть свое любопытство. Лишь Скорвид смотрел на своего правителя и друга взглядом полным скорби и понимания. «Они слышали наш разговор с Вокхогом» – понял Ульфредин.

– Ну, что ж. – проговорил он, – Вождь Вокхог попросил меня рассказать ему о моей... нашей родине. Я постараюсь сделать свой рассказ не слишком длинным, упомянув при этом самые важные на мой взгляд события. Если кто-то заметит неточность в моем повествовании или решит, что существует событие, которое так же следует упомянуть, тот может прервать и поправить меня прямо по ходу рассказа.

Гномы одобрительно закивали, Ауф подобрал в костер еще несколько веток, а Вокхог продолжал смотреть в пламя. Ульфредин вынул из поясного кармана короткую, почерневшую от времени трубку, привычным движением набил ее табаком из того же кармана, и, чиркнув тротом раскурил, выпустив в воздух целое облако сизого густого дыма.

– Мой рассказ начнется за тысячу сто пятьдесят два года до сегодняшнего дня. Ровно столько просуществовало гордое королевство Бер-Годор-Агонд, именуемое другими народами Бергондом. В землях Простора царила красно-золотая осень, когда на скалы западного перевала Титанова Хребта ступили ноги первых гномов. Они пришли с запада, откуда-то со стороны утраченного Морфазарга. То был огромный караван, во много раз превышающий наш нынешний. Везли они разнообразные диковинные вещи: от искусно сделанных величайшими мастерами Седоруков хитроумных игрушек, до зачарованного рунного оружия, равного которому знавали далеко не все короли тех лет. Поход насчитывал свыше полсотни кланов. Представители практически всех знаменитых и малоизвестных семей шли рука об руку, ведомые вперед лидером, о котором в то время можно было только мечтать. Вел их тан Осгурд Велеречивый – легендарный правитель и один из самых умелых торговцев в истории гномьих королевств. Именно он, потомок королей Морфазарга, сумел отыскать и сплотить гномов, оказавшихся за пределами родной страны, когда ее врата на веки закрылись. Он пообещал своим соратникам найти горы, богатству которых позавидуют гордые и скупые правители Селевьярда и Паледора. Зная непреодолимую тягу людей к богатству и власти, они нагрузили сотни повозок товарами невиданными доселе в землях Простора. Итак, пройдя через продуваемый безжалостными ветрами западный перевал, караван спустился в Изумрудную долину, и был встречен жителями зарождавшегося королевства людей – Исталар. Летописи не сохранили имени их предводителя, ибо жизнь людей хрупка и скоротечна. Жители Исталара ранее не встречавшие гномов, были крайне изумлены, однако же, повели себя достаточно гостеприимно и правители обоих народов объявили о заключении первого торгового союза. Люди предлагали пищу, древесину и меха в обмен на ремесленные инструменты и оружие, коими были полны запасы гномов. Народ Осгурда помогал людям в строительстве их первых каменных городов и крепостей, большая часть из которых стоят и по сей день, выдержав испытание временем и войнами. Сами же гномы нашли укромную долину между двумя южными отрогами горы Беросс, в нижней части Титановой гряды. И там, в тверди гранитных скал, они прорубили врата в Бер-Годор-Агонд, что с гномьего языка означает – Дом новой надежды. Велико было их усердие и не меньшим оказалось их мастерство. За несколько десятилетий чертоги Бергонда расширились и приобрели великолепие сродни самим Селевьярду и Морфазаргу. В недрах гор были открыты богатейшие залежи драгоценных камней и металлов. Печи и кузницы работали беспрестанно, рождая все больше новых великолепных творений. Это было золотое время мира

и процветания, продлившееся почти семь сотен лет, покуда на западе, в диких землях Глухомани не стали собираться племена кровожадных варваров. Нам не известно кому именно удалось объединить столь разные племена под одни знамена, ибо гномы не участвовали в войне, что последовала позже. Набеги варваров участились, угрожая границам королевства людей, и те выдвинули свою армию на битву с дикарями. Они проиграли то сражение. Люди были не готовы встретиться лицом к лицу с необузданной яростью разношерстной орды. Тогда король Исталара обратился к Осгурду за помощью. Тот согласился снабдить войско людей оружием и доспехами, однако своих воинов в бой посылать не стал. Вооруженные лучшим по тем временам оружием воины Исталара постепенно начали одерживать верх над варварами. Как гласят наши летописи, война окончилась спустя семь лет после ее начала, в бою у Сумрачного брода, глубоко в землях Глухомани. Вождь орды пал в тот день, сраженный неизвестным до той поры солдатом, вооруженным гномьей секирой. Именно эта секира в последствии решила судьбу Исталара, когда в разоренных войной землях королевства из-за голода вспыхнуло восстание. Обладатель секиры, сын плотника по имени Таренн, убил короля и при помощи своих боевых товарищей захватил власть в королевстве. Осгурд был вне себя от гнева и заявил новоиспеченному правителю, что своим поступком тот осквернил благородное оружие гномов. Король Таренн ответил гномам довольно грубо и на этом многовековой дружбе между народами людей и гномов пришел конец. Осгурд отозвал своих мастеров, помогавших людям восстанавливать города. Прекратились поставки оружия и инструментов. Некогда бурная торговля свелась к простому обмену металлов и драгоценных камней на пищу и меха. Тем не менее, Берегонд процветал. Его склады и сокровищницы наполнились богатствами, велась торговля с Селевьярдом и соседними с ним королевствами людей. Все больше гномов стекались в чертоги Берегонда, привлеченные его сказочным великолепием. Спустя семьсот двадцать три года со дня основания чертогов на девятисотом году жизни умер тан Осгурд Велеречивый. С его смертью закончилась Золотая Эпоха. Хотя Берегонд и именовался королевством, Осгурд так и не был коронован, и не оставил после себя наследника. На смену великому тану пришел Совет Кланов, состоявший из представителей пяти крупнейших гномьих родов. Спустя еще десять лет умер король Таренн и на трон Исталара взошел его сын Нальфир, которому, в отличии от отца, удалось восстановить прежнюю силу своего королевства. Постепенно отношения между государствами людей и гномов потеплели, и по дорогам снова пошли торговые караваны. Единственным запретным товаром оставалось оружие, которое так страстно желал получить король людей. Нальфир, хоть и относился к гномам с недоверием, все же понимал необходимость поддержания дружеских отношений с ними. Он осознавал, что в случае повторного нападения орды, без помощи Берегонда люди не справятся. Население Исталара росло, как и его потребности, а срок службы полученных некогда гномьих инструментов и оружия, сколь надежны они ни были, подходил к концу. И тогда, на закате жизни, король Нальфир лично отправился к гномам и просил Совет прислать в столицу Исталара мастеров, чтобы те обучили людей мастерству кузнечного дела и строительства. Речь его была страстной и пламенной. Он приводил множество аргументов, просил, давал обещания, даже умолял. Совет выслушал его и все же ответил отказом. Тогда Нальфир взял из рук своего стражника большой сверток, сбросил с него ткань и дрожащими старческими руками поднял над головой ту самую секиру, с длинной резной рукоятью и обоюдоострыми лезвиями. Члены совета, все до единого замерли, увидев проклятое оружие. Старый король окинул безумным взглядом весь зал, а потом что было сил ударил секиру о гранитный пол. Раздался оглушительный звон, и лезвие раздробилось на несколько частей, а рукоять раскололась надвое. Кровь отлила от лица Нальфира. Он тяжело вздохнул, покачнулся и упал замертво подле осколков злосчастного топора. С великой скорбью встретил весть о смерти своего короля народ Исталара. Его похоронили в родовой гробнице, сложив в ногах осколки раздробленной секиры. Через год Совет Кланов пересмотрел свое решение и в Кодор, столицу Исталара, были направлены несколько мастеров, для обучения людей основам

кузнечного дела гномов. На протяжении трех столетий гномы передавали свои знания народу Исталара. Но чем больше люди узнавали, тем больше росла их жажда знаний. И однажды они потребовали, чтобы гномы открыли им секрет рунной ковки. Этот, тщательно скрываемый от посторонних, способ изготовления оружия знали лишь избранные и искуснейшие мастера гномов. Рунное оружие очень могущественно. Помимо прочих магических свойств рунный клинок никогда не требовал заточки, и его практически невозможно было уничтожить. Но все его преимущества имели свою цену: создавалось такое оружие очень редко, так как его изготовление требовало времени и редких ресурсов. Разумеется, Совет Кланов дал людям решительный отказ и отозвал ремесленных наставников назад в Берегонд. На этом дружба этих двух народов прекратилась навсегда. Через несколько десятилетий Исталар вновь был атакован. На сей раз это было большое племя орков из Глухомани. В жалкой попытке откупиться от их набегов, король Таренн Второй указал вождю орков путь в чертоги Берегонда. Более того, его люди участвовали в нападении. Хорошо зная наши обычаи, они идеально выбрали время для атаки. В ночь окончания пивной недели у главных врат раздался какой-то шум. Стражники решили, что это разгулявшиеся гости из Исталара никак не могли остановиться и продолжали веселье. Когда караульные попробовали их усмирить, оказалось, что те лишь притворялись пьяными. Как только ворота открыли, чтобы выдворить буянов, пещеру огласил ужасный вой десятков боевых рогов. Врата закрыть так и не успели. Люди набросились на стажу и не давали им добраться до затворного механизма врат, покуда в город не ворвались орки верхом на громадных вепрях. Весь гарнизон был поднят по тревоге, но было уже поздно. Злобная орда успела преодолеть большую часть укреплений и оказалась в жилых кварталах города. Множество достойных гномов пали в ту ночь, сдерживая натиск врага, прикрывая бегство женщин и детей. Больше половины населения города, включая солдат, были убиты орками и вероломными людьми. Они грабили и жгли наши дома, крушили статуи и гробницы предков. Мы так и не смогли, даже примерно, оценить численность орочьего племени. Тысячи свирепых тварей до рассвета бесчинствовали на развалинах нашего дома, оскверняя все то, что было нам так дорого. Но своей главной цели они не достигли. Сокровищницы гномов строятся таким образом, что в случае угрозы их можно быстро и надежно скрыть от глаз неприятеля. Отступая из разоренного города тайными ходами, гномы задействовали защитные механизмы, и хранилища, вместе со всеми богатствами Берегонда, опустились на сотни футов вниз, на самое дно вырытых для них шахт, где оказались надежно укрыты каменной твердью, а на месте бывшего входа в кладовые оказались глухие гранитные стены. Орки снова и снова обыскивали каждый зал, каждый туннель и каждую шахту, но так и не нашли следов несметных богатств, о которых им рассказывали люди. В гневе вождь орков обвинил людей во лжи и расправился сначала с теми, кто помог им взять Берегонд, а затем черная орда хлынула на земли самого Исталара, сметая на своем пути деревни и разоряя города, убивая всех, кто попадался на их пути. Соппротивление людей было сломлено за несколько недель и некогда гордое королевство Исталар прекратило свое существование. С тех самых пор эти земли зовутся Холмами Скорби, а орки живут в том, что осталось от нашего Берегонда. Насколько нам известно, они по-своему перестроили и укрепили часть пещер, и теперь их штурм повлечет за собой слишком большие потери. Даже Селевъярд признал, что пока не готов к такой кампании. Но я верю, что однажды настанет день, когда наши потомки уничтожат ту мерзость, что поселилась в чертогах Берегонда и вернут себе покоящиеся там богатства. Пожалуй, на этом можно закончить мой рассказ. И если кому-то из присутствующих есть что к нему добавить, вы можете сделать это сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.